

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

3/2025

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

**ISSN 2542-0364
ISSN-L 2219-6838**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ю. н., проф. **Е. В. Марковичева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Е. Понаморенко** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Т. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), к. ю. н., доц. **И. В. Федоров** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ф. н., проф. **В. А. Чалый** (Москва), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Chaly** (doctor of philosophy, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **E. Markovicheva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Ponomorenko** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Учредитель: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.

Все публикуемые материалы доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМНАЯ ЛЕКЦИЯ

- Архипов С. И.* Проблема деления права на частное и публичное 5
- Осинцев Д. В.* Разумный срок судопроизводства: законодательное установление
или судебское усмотрение? 19

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Глушков М. Р.* О некоторых реальных возможностях применения
искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве 39
- Щетинина Н. В., Первухин А. С.* Гармонизация уголовно-правовых норм,
предусматривающих ответственность за грубые нарушения
Правил дорожного движения РФ (ст. 264.1–264.3 УК РФ) 47

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Коган Д. И.* Субсидиарная ответственность генерального директора
специализированного застройщика в роли руководителя девелоперского проекта 55
- Селькова А. А.* Арбитраж: идеальный форум для экологических споров найден? 63

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Кряжевских К. А.* Процедурные и субстантивные основания для отмены
арбитражных решений в различных правопорядках 76

ХРОНИКА

- Безбородов Ю. С., Лунев А. А., Авдеева О. А.* Евразийский регионализм и тенденции
многополярности в фокусе уральской школы международного права 85

CONTENTS

A PROBLEM LECTURE

- Arkhipov S.* The problem of dividing law into private and public 5
- Osintsev D.* Reasonable time for judicial proceedings: legislative establishment
or judicial discretion? 19

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Glushkov M.* About some real possibilities of using artificial intelligence
in criminal proceedings 39
- Shchetinina N., Pervukhin A.* Harmonization of criminal law norms providing for liability
for gross violations of Traffic rules of the Russian Federation (Art. 264.1–264.3
of the Criminal Code of the Russian Federation) 47

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Kogan D.* Subsidiary liability of the general director of a specialized developer
acting as a project manager 55
- Selkova A.* Arbitration: has the ideal forum for environmental disputes been found? 63

STUDENTS' BULLETIN

- Kryazhevskikh K.* Procedural and substantive grounds for the annulment
of arbitral awards in various legal systems 76

CHRONICLE

- Bezborodov Yu., Lunev A., Avdeeva O.* Eurasian regionalism and multipolarity trends
in the focus of the Ural school of international law 85

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_5

ПРОБЛЕМА ДЕЛЕНИЯ ПРАВА НА ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

Критически переосмысливается идея деления права на частное и публичное с точки зрения ее соответствия природе права. Анализируются исторические причины появления данной классификации и ее дальнейшего использования в западной правовой культуре, а также в российской юридической науке и законодательстве. Главная задача, по мнению автора, заключается не в том, чтобы подвести теоретические основания под уже существующую основную правовую классификацию, уточнить или модифицировать сформулированный двадцать веков назад критерий деления права на частное и публичное, а в том, чтобы соотнести формулу Ульпиана с современными представлениями о праве, его сущности, предназначении, социальной природе, установить целесообразность, закономерность существующего деления. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что римское основное деление права не отражает социальную природу права, его сущность и предназначение, поэтому следует искать иные основания для разделения правовых сфер, формировать такую систему права, которая не будет заложницей исторического прошлого, нацелена на будущее, на социально-правовой прогресс человечества.

Ключевые слова: система права, правовая классификация, основания деления права, частное право, публичное право, правовой прогресс

Для цитирования: Архипов С. И. Проблема деления права на частное и публичное // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 5–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_5.

THE PROBLEM OF DIVIDING LAW INTO PRIVATE AND PUBLIC

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article critically rethinks the idea of dividing law into private and public in terms of its correspondence to the nature of law. The article analyzes the historical reasons for the appearance of this classification and its further use in Western legal culture, as well as in Russian legal science and legislation. The main task, according to the author, is not to bring theoretical foundations to the already existing basic legal classification, to clarify or modify the criterion for dividing law into private and public, formulated twenty centuries ago, but to correlate Ulpian's formula with modern ideas about law, its essence, purpose, social nature, to establish the expediency and regularity of the existing division. As a result of the conducted research, it is concluded that the Roman basic division of law does not reflect the social nature of law, its essence and purpose, therefore it is necessary to look for other grounds for dividing legal spheres, to form a legal system that is not hostage to the historical past, is aimed at the future, at the socio-legal progress of mankind.

Key words: legal system, legal classification, grounds for division of law, private law, public law, legal progress

For citation: Arkhipov S. (2025) The problem of dividing law into private and public. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu»*, no. 3, pp. 5–18, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_5.

Для юристов, изучающих основания классического деления права на частное и публичное, точкой отсчета является известная формула Ульпиана, согласно которой публичное право относится к положению римского государства, а частное – к пользе отдельных лиц (D.1.1.1.2). Однако, как справедливо отмечается в литературе, в Риме еще задолго до Ульпиана различались две правовые сферы: «Тит Ливий (I в. н. э.), очевидно, пользуясь уже сложившейся терминологией, говорит, что законы XII таблиц являются источником всего публичного и частного права»¹. Анализ Институций Гая, работ Цицерона, других античных авторов позволяет утверждать, что в Древнем Риме деление права на публичное и частное существовало задолго до Ульпиана и применялось не только в отношении нормативных предписаний, законов, но и, например, при определении правовой природы социальных связей, юридической принадлежности вещей.

Римский юрист Гай писал: «Те же вещи, которые относятся к вещам человеческого права, бывают или частными, или публичными» (10); «Те, которые являются публичными, считаются не принадлежащими никому в качестве имущества; полагают, что они принадлежат самим объединениям, частными вещами являются те, которые принадлежат отдельным лицам» (11)². До Гая основания деления вещей на частные и публичные (общие) обсуждал Цицерон. В трактате «Об обязанностях» (44 г. до н. э.) он отмечал, что частные вещи являются таковыми не по природе, но в результате первоначального захвата, в результате победы или по закону, по соглашению, в силу условия, жребия; поэтому когда кто-либо стремится что-либо присвоить из тех вещей, которые по природе были общими, то он нарушает право человеческого объединения³.

Раскрывая философские основания своей позиции, Цицерон сослался на Платона: «Поскольку мы, как превосходно написано Платоном, рождены не только для нас самих и частью на нас притязает отечество, частью друзья, а также, как полагают стоики, то, что родит земля, создано для пользования всех людей, люди же порождены для людей, чтобы они сами могли приносить пользу одни другим, мы должны в этом следовать, как вождю, природе, вносить в общий котел общие выгоды, обмениваясь услугами, давая и принимая, там умениями, там трудами, там способностями связывать людей с людьми в общество»⁴. Опираясь на высказанные им соображения, можно предположить, что римское правовое деление вещей, а также нормативных предписаний на частные и публичные основывалось на идеях древнегреческих философов (Платона, Аристотеля, стоиков). Они оказали существенное воздействие на сознание, образ мыслей римских юристов, их правовые классификации.

Некоторые российские дореволюционные правоведы, например Г. Ф. Шершеневич, также указывали на тесную связь деления права на частное и публичное с Древней Грецией, ссылаясь при этом на Аристотеля («Риторика») и Демосфена («Timocrates»)⁵. Однако классификация законов, которая была сформулирована Аристотелем в «Риторике», существенно отличается от деления правовых сфер, предложенного Ульпианом. Он писал: «Я утверждаю, что существует закон частный и закон общий; частным я называю тот закон, который установлен каждым народом для самого себя; этот закон бывает и писанный, и неписанный. Общим законом я называю закон естественный. Есть нечто справедливое и несправедливое по природе, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами, если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого»⁶. У классификации Аристотеля, на

¹ Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. С. 1–2.

² Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античный мир и Восточные цивилизации. М.: Мысль, 1999. С. 320–321.

³ Там же. С. 254–255.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. С. 130.

⁶ Аристотель. Риторика / пер. с гр. Н. Платоновой. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К., 1894. С. 63.

наш взгляд, иные основания (частное/общее, справедливое/несправедливое), его общие законы – это нечто иное, чем публичные законы Ульпиана.

Что касается позиции Демосфена, то она была сформулирована им в речи против Тимократа: «Есть... два вида правовых отношений, которые отражены в законах всех государств. Первый из них определяет отношения между согражданами, существующие между ними связи. На их основе решаются частные дела, ими регулируется жизнь сообщества людей. Другой вид таких отношений определяет, как мы должны вести себя по отношению к государству, чем должен руководиться гражданин, собирающийся выступать на политическом поприще и проявляющий, по его словам, заботу о государственных делах»¹. Можно отметить заметное сходство идей греческого философа и римского юриста Ульпиана, но есть важный нюанс, который заключен в словах Демосфена о «политическом поприще» как особой сфере этих отношений, где право сталкивается с политикой. По его мнению, законы, регулирующие частноправовые отношения должны быть мягкими, гуманными; напротив, законы, регулирующие политическую сферу, «должны быть жесткими и суровыми ради вашей же пользы, ибо только при таком условии можно ограничить вред, который политические деятели способны причинить большинству народа»². Он напомнил судьям слова Солона о том, что им следует гораздо более сурово карать тех, кто принимает порочные законы, портит правовые средства обращения в государстве, в сравнении с теми, кто подделывает монету, служащую частным лицам.

Из приведенных высказываний Демосфена можно сделать вывод, важный для понимания сути сформировавшегося в Греции подхода к определению характера, природы отношений, складывающихся в сфере деятельности государства. На наш взгляд, принципиальное отличие позиции греческих философов от римских юристов заключается в том, что для греков в основе публично-правовых отношений, складывающихся в сфере государства, лежала идея не власти, созидающей собственное право, а общей пользы и справедливости. Поэтому Солон, Платон, Демосфен и другие философы призывали к особой («жесткой», «суровой») правовой ответственности политических деятелей за социальный вред, причиняемый ими в результате их решений и поступков. По сути, они признавали данный вид отношений правовыми в силу того, что государство, политические деятели призваны осуществлять не свои особые, а общие интересы, служить праву. Эту идею наиболее четко выразил Платон в книге «Законы»: «Не ради нового словца назвал я сейчас правителей служителями законов, я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного... Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»³.

Мысль Платона, что «мы рождены не только для нас самих», но и для других людей, для отечества, государства, на которую ссылался Цицерон, можно оценивать как свидетельство того, что в греческой демократической по своему духу политической и правовой культуре еще не произошло отрыва, отчуждения государства от индивида, от народа; власть еще не «присвоила» себе право. В Древнем Риме этот процесс отчуждения политической власти от индивида в эпоху Ульпиана достиг апогея; произошел окончательный разрыв двух социальных сфер: публичных и частных отношений, каждая из них получила свое особое право. Принцип *imperium* (власти) стал основой публичного права, *dominium* – частного. Как отметил Гегель, «в этом царстве различие доходит до бесконечного разрыва нравственной жизни на две крайности – на личное частное самосознание и на абстрактную всеобщность»⁴.

Попытки разграничить частные и публичные интересы применительно к праву, закону предпринимались не только в Древней Греции и Риме, но и в Китае. Хань Фэй в III в. до н. э. писал: «Необходимо выяснить, что такое частное и что общее, и расследовать законы. Прежние цари понимали это»⁵. По его мнению, законы устанавлива-

¹ Демосфен. Речи: в 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова и др.; пер. с гр. В. Г. Боруховича и др. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1994. С. 295.

² Там же.

³ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. С. 473–474.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 376.

⁵ Антология мировой мысли. Т. 1. С. 504.

ются для упразднения частного во имя общего: «...когда законы действуют, частным интересам нет места; частное вносит смуту в закон. Поэтому основное положение и гласит: закон вносит порядок, интересы частных лиц – смуту. Когда законы установлены, нельзя делать того, что преследует личные цели»¹. Таким образом, по словам Хань Фэя, законодатель должен разграничивать общий и частный интересы, но не для того, чтобы им придать значение самостоятельных, образующих систему права элементов, а чтобы исключить частное из права и закона.

В России, как и в Китае, отсутствовали социально-политические и культурно-исторические предпосылки для разделения права на частное и публичное по образцу Древнего Рима. Как отмечал М. М. Сперанский, «от самой древности до времен наших, российское законодательство, исключая двух эпох: при Ярославе и при Петре Великом, действовало и возрастало собственными своими природными силами, и, может быть, одно во всей Европе ничего почти не почерпало в общем источнике законов, в римском праве»². Первый юридический документ, который, по его мнению, имел целью сближение российского права с континентальным европейским, – Наказ Екатерины II, оказавший определенное влияние на умы отечественных юристов и политических деятелей, но при этом не ставший действующим актом.

Российский правовед отмечал внутреннюю противоречивость римского деления законов на естественные и положительные, публичные и частные, полагал, что «сия система, во-первых, есть произвольна и неудобна, и, во-вторых, не может быть приложена к российскому законодательству»³. Законы естественные как веления разума, по представлениям М. М. Сперанского, нельзя противопоставлять законам положительным, первые должны быть основанием для вторых, человеческие законы не должны противоречить разуму. Разделение законов на публичные и частные также неправильно и произвольно: закон состоит из двух частей, из правила и его охранения, охранение всех законов есть сила государственная (публичная), следовательно, все законы суть публичные.

Развивая мысль М. М. Сперанского о неприменимости римского деления права к российскому дореволюционному законодательству, в качестве еще одного важного аргумента против заимствования римского правового опыта можно отметить патриархальный, общинный российский уклад, в котором нет места частному праву, да и «о лицах трактовать в системе наших прав гражданских в ту пору не было резона» (Н. М. Карамзин). В России, как и в других восточных цивилизациях, не было того раскола, отчуждения индивида от государства, публичной власти, который произошел в Древнем Риме. Патриархально-общинный экономический уклад предполагал патриархальную государственность с «царем-батюшкой». Российская правовая система сформировалась на иной, чем в Риме, социальной почве, на совершенно другом культурно-историческом фундаменте.

Для понимания причин, обусловивших возникновение в Древнем Риме «бесконечного разрыва нравственной жизни на две крайности» и формирование исходных римских правовых идей, взглядов, следует, как предлагал Р. Иеринг, «оставить дома весь наш теперешний образ представления о государстве и правовом порядке, когда вступаем на древнеримскую почву»⁴. Состояние необузданности и беззакония – это, по его мнению, правовые истоки Древнего Рима. Его основателями были разбойники, изгнанные из общины, искатели приключений, оставившие дома своих богов, «скопище индивидуумов, атомов, ничем не соединенных, кроме своего неукротимого духа и общей цели грабежа»⁵. Квинтэссенция древнеримского воззрения на жизнь и право заключалась в том, что каждый отдельный индивид сам своим мечом и копьем

¹ Антология мировой мысли. Т. 1. С. 505.

² Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т. XV. Вып. 1–4. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. С. 596.

³ Там же. С. 593. Л. И. Петражицкий еще более категорично заявлял о том, что римское деление права в том виде, в каком оно теперь существует, «с теоретической точки зрения вообще несостоятельно и покоится на недоразумениях» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 648–649).

⁴ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. С. 94.

⁵ Там же. С. 82.

может творить собственное право, устанавливать границы дозволенного, присваивать чужую собственность и защищать ее от других¹.

Как справедливо отмечал Гегель, когда общественная природа людей не находит своего выражения и вынуждена искать выход в особенностях, она настолько искажается, что направляет всю свою силу на отделение от других и в утверждении своего обособления доходит до безумия. А безумие, по его мнению, есть не что иное, как полное обособление индивидуума от своего рода². Анализируя становление и развитие римского государства, Гегель, как и Р. Иеринг, обращал внимание на то, что Рим с самого начала был чем-то искусственным, насильственным, что возник он как разбойничье государство. Из такого происхождения вытекает не нравственная связь, достойная свободных людей, а вынужденная субординация. Основа римского государства – римская семья – формировалась не в результате глубокой связи, взаимного влечения, а путем насилия, захвата; первые римляне именно так добывали себе жен³. За суровость, которая проявлялась к римлянину в государстве, он вознаграждался суровостью иного рода, которую он проявлял по отношению к своей семье: с одной стороны, он был рабом, с другой – деспотом; это, по Гегелю, составляло римское величие.

Несвободной, бездушной и бессердечной рассудочности римского мира, по мнению Гегеля, мы обязаны возникновением и развитием положительного права; римляне придумали правовой принцип, внешний, т. е. не зависящий от настроения и чувства, произвели великое правовое разграничение, они формально подарили нам многое, но мы не должны делать себя жертвами этой сухой рассудочности, «считая ее для себя окончательным воплощением мудрости и разума»⁴.

Сами римляне, по его представлениям, оказались жертвами своей рассудочности; римское частное право стало небытием, непризнанием личности, это состояние права есть совершенное бесправие, субъект по принципу своей личности имеет право только на владение, а личность, возвышающаяся над всеми личностями, – на владение всеми, так что единичное право в то же время снимается и оказывается бесправием; он усматривал в этом несчастье римского мира. Гегель связывал гибель Рима с разложением целого (государственного строя), падением единичных лиц до уровня частных лиц: «Живой государственный организм и одушевлявший его римский образ мыслей низведены теперь к раздробленности мертвого частного права. Подобно тому как при гниении физического тела каждая точка его начинает жить своею отдельной жизнью, но это лишь жалкая жизнь червей, так и здесь государственный организм распался на атомы частных лиц»⁵. Само развитие частного права, по его мнению, было связано с распадом римской государственности, политической жизни. Созданное Древним Римом положительное право не является результатом нравственного развития, оно не есть «окончательное воплощение мудрости и разума», а лишь холодной рассудочности. Деление права на публичное и частное не содержит нравственной идеи, внутреннего принципа правового развития, а выражает лишь противопоставление абстрактной всеобщности государства частным, партикулярным интересам его граждан.

Гегелевский суровый, «патолого-анатомический» диагноз состояния гражданско-правового строя Древнего Рима периода его разложения на атомы частных лиц, а также его «холодный» скепсис в отношении созданного римскими юристами «великого правового разграничения» – это сигнал для убежденных сторонников формулы Ульпиана к ее критическому переосмыслению. Гегель и Иеринг пришли к одному и тому же «знаменателю», к выводу о том, что римское государство – не естественное образование, возникшее в ходе закономерного развития социума; что оно было создано искусственно в результате принудительного объединения преступников, авантюристов, других антисоциальных элементов. Древний Рим – это не норма, не эталон нравственно-правового генезиса, естественного созревания государственного строя, скорее социальная аномалия.

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 95.

² Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 176.

³ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII: Философия истории. М.; Л.: Гос. изд-во, 1935. С. 267–270.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 299–300.

Римское деление права на частное и публичное хотя и основано на идеях греческих мыслителей, но включает в себе совсем иной, антисоциальный смысл. В нем частное понималось не как часть целого, элемент правовой всеобщности, что было свойственно общественному сознанию в полисной демократии, а в смысле отчужденности индивида от государства, социума¹. Индивид как частное лицо в Древнем Риме – это отдельный правовой мир, самостоятельный, не зависимый от других лиц правовой атом, противостоящий им и государству. Для него государство, империя есть не его правовое продолжение, а враждебная ему внешняя политическая сила. В Риме в эпоху распада государственного организма одному правовому атому – индивиду – противостоял другой правовой атом – государство. Римская империя, поскольку она перестала служить общим интересам, по сути сама оказалась частным лицом.

Современная западная цивилизация унаследовала от Древнего Рима не только право, но и римский атомический индивидуализм. Без этой субъективной основы, без восприятия себя в качестве социального атома мертвое римское право, очевидно, невозможно было бы реанимировать в средневековой Европе. Привлекательность идеи частного права для европейцев, на наш взгляд, в значительной мере определяется привитым им в период римского владычества индивидуалистическим типом сознания, тем эгоизмом, который делает «себя самого средоточием мира»². Необузданный эгоизм, с одной стороны, порождает социальное отчуждение индивида, стремление обособиться от государства; с другой стороны, приводит к возрождению в Европе римского имперского духа, римских амбиций к завоеванию мира и римской идеи силы как основы публичного права.

Как утверждали О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби, два знатока современной западной цивилизации, *Homo Occidentalis* (человек западный) – отнюдь не добрый христианин, аскет, проповедующий свободу и любовь к ближнему, а колонизатор, завоеватель, стремящийся «превратить всю земную поверхность в единую колониальную область и экономическую систему»³; он постепенно утратил страх перед внешними врагами, возможностью военного вторжения со стороны других народов, иных цивилизаций, сам стал постоянной угрозой миру и в этом стремлении достиг искомой цели – всемирного экономического, политического и культурного господства⁴. Западный человек сделал то, чего не смогли осуществить римские легионеры, воплотил их мечту о мировом господстве в жизнь.

В сфере права европейцы не просто заимствовали отдельные идеи, классификации, принципы, конструкции и институты римского права. Освоение чужого правового опыта не ограничилось внешней формой, римский дух проник в политическое и правовое сознание, он сегодня определяет образ мыслей современных западных юристов, постановку и решение ими практических правовых задач⁵. Как утверждал Р. Иеринг, «наше юридическое мышление, наш метод, наша манера созерцания, короче, все наше юридическое образование сделалось римским»⁶.

Возможно, по этой причине западная правовая наука пошла не по пути формирования принципиально новой системы права, отражающей современные реалии и основывающейся на ином высшем делении правовых сфер, а по пути укрепления теоретического фундамента «развалины великолепного здания» (М. М. Сперанский) римского права. На протяжении нескольких столетий лучшие умы Европы пытаются разрешить неразрешимые противоречия, обосновать логическую стройность и уни-

¹ Р. Иеринг отмечал, что сходство римлян с греками в правовой сфере является мнимым, хотя римские юристы и заимствовали многие греческие идеи, но их правовые понятия и институты имели существенное отличие от греческих: «Сколько бы ни насчитали отдельных учреждений, законов, обычаев, которые были общи Римлянам и Грекам, – ни в одной области нельзя так легко и так верно познать независимость Римлян от Греков и своеобразность всего их существа, как в области права» (Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 272).

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 273.

³ Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1. С. 394, 475.

⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 245.

⁵ Так, Г. Дернбург заявлял, что римское деление есть «высшее деление науки о праве, а также всего его содержания», имеющее «не только научное, но и практическое значение» (Дернбург Г. Пандекты: перевод с немецкого. Общая часть. Т. 1. М.: Универ. тип., 1906. С. 53).

⁶ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 12.

версальный характер римского деления права, необходимость его использования в будущем. Многие известные западные юристы до сих пор убеждены в том, что в нем заключена сущность права, его социальная природа.

Римский правовой дух оказал заметное влияние и на западное философское сознание. В концепциях идеального правового мироустройства Канта и Гегеля римское высшее деление права было взято за основу, хотя и с некоторыми оговорками, коррективами. Кант полагал, что частное право соответствует естественному состоянию общества, публичное же право – гражданскому состоянию, при этом под гражданским состоянием он понимал состояние, «гарантирующее мое и твое посредством публичных законов»¹. Публичное право, по Канту, представляет собой систему законов, изданных для народа или для множества народов, оно призвано создать правовое состояние, когда действует одна, объединяющая их воля, нуждающаяся в конституции. Чтобы гарантировать возможность ненасильственного существования, необходимо, по его мнению, выйти из естественного состояния, в котором каждый поступает по собственному разумению, и объединиться со всеми остальными, с тем чтобы подчиниться внешнему, опирающемуся на публичное право принуждению, т. е. вступить в гражданское состояние. В естественном состоянии «хотя и можно по *правовым* понятиям каждого приобретать нечто внешнее путем завладения или договора, но такое приобретение все же лишь *предварительное*, пока оно не санкционируется публичным законом, потому что это приобретение не определено никакой общественной (распределяющей) справедливостью и не гарантировано никакой осуществляющей это право властью»². Таким образом, только наличие внешней власти, основывающейся на публичных законах, есть гарантия частных прав. К публичному праву Кант относил не только государственное право, но и международное, которое, по его словам, необходимо подводить к идее права государства народов или права гражданства мира³.

Кантовский критерий деления права на частное и публичное, основанный на разграничении состояний общества (естественное и гражданское), не получил признания в юридической науке. Как представляется, причина кроется не в абстрактности сформулированного им критерия деления, а во внутренних противоречиях, заключенных в его концепции. В самом деле, можно ли говорить о частном праве как праве вообще, когда еще не существует правового состояния? Это скорее предправо, чем право в собственном смысле. Если частное право по своей природе является естественным, то в гражданском состоянии, когда отношения между частными лицами опосредуются публичной властью, оно должно трансформироваться в публичное. Кроме того, вызывает сомнение исходный кантовский тезис о естественной природе частного права. Как уже отмечалось ранее, оно было естественным для Древнего Рима и для производной от него западной цивилизации, но не для всего человечества. Не случайно, на наш взгляд, кроме романо-германской правовой системы нигде в мире, в других правовых культурах нет деления права на частное и публичное; даже в англосаксонском праве, где традиции Древнего Рима еще живы, классификация Ульпиана не стала «высшим правовым делением».

Гегель рассматривал деление права на частное и публичное сквозь призму соотношения особенного и всеобщего, частной сферы (частного блага, семьи, гражданского общества) и государства. Особенный интерес одного лица, по Гегелю, не реализуется в праве обособленно от интересов других лиц; интерес семьи, гражданского общества должен концентрироваться в государстве, но при этом всеобщность цели не может достигаться без осуществления особых интересов, особой воли, которая должна сохранять свое право: «Всеобщее должно деятельно осуществляться, но вместе с тем субъективность должна обрести полное и жизненное развитие»⁴. По отношению к сфере частного права для Гегеля государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят частно-правовые законы и интересы; с другой стороны, имманентная цель сферы частного

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 152.

² Там же. С. 233.

³ Там же. С. 231–232.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 286.

права, и его сила – в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов.

По Гегелю, «в частноправовом и моральном отсутствует *действительная* необходимость отношения и, следовательно, налично лишь *абстрактное* равенство содержания; то, что в этих абстрактных сферах есть право для одного, должно быть правом и для другого, и то, что есть обязанность одного, должно быть обязанностью и для другого»¹. Индивидуальность и ее особенные интересы получают признание в частном праве и вместе с тем переходят в интерес всеобщего, признают его как свой собственный интерес, действуют для него как для своей конечной цели. Часть имеет смысл и должна рассматриваться лишь в ее отношении к целому, частное право (как право индивидуальности) должно быть соотнесено с всеобщим. «Все дело – в единстве всеобщности и особенности в государстве»², – заключает Гегель.

Гегелевский критерий разделения права на частное и публичное, как и аналогичный критерий, сформулированный Аристотелем (который, напомним, предложил делить законы на частные и общие), представляет научный интерес, как и сама идея достижения в праве единства всеобщности и особенности. Однако немецкий философ приложил эту идею к уже существующей системе права, которая выстроена в другой парадигме, зиждется на принципах противостояния частного интереса публичному, индивида – государству. Чтобы эту идею практически осуществить, необходимо кардинально перестроить все существующие правовые институты, пересмотреть правовые понятия, конструкции. Более того, придется изгнать из частного права его римский дух.

Попытки подвести под римскую систему права современный философско-правовой фундамент, смягчить заключенную в ней исходную жесткость римских правовых нравов, придать ей отвечающую требованиям современной правовой культуры адекватную форму, на наш взгляд, неконструктивны, обречены на провал. Проблема заключается не только в основаниях деления права на частное и публичное, т. е. в фундаменте, но и в самой системе, в ее элементах: в понимании собственности, договора, правовых отношений, роли государства в правовой коммуникации и т. д.

Уже в период формирования римского права идея господства лица над вещью (обозначаемая термином «*dominium*») стала исходной, определяющей для понимания сути правового отношения собственности, вещного права. В I в. н. э. юристы начали постепенно ограничивать это господство собственника, устанавливать для него юридические пределы, но при этом сама идея господства лица над вещью сохранилась: «Классическая юриспруденция понимала собственность как неограниченное и исключительное правовое господство лица над вещью, как право, свободное от ограничений по самому своему существу и абсолютное по своей защите»³. Как отмечает Д. В. Дождев, «непосредственность связи индивида с вещью наделяет собственность свойствами первичного и основополагающего частного права»⁴.

Попытки приложить исходные римские представления о праве собственности, да и о вещном праве в целом, к современной правовой реальности наталкиваются на ряд препятствий.

Во-первых, государство начиная с XIX в. основательно вторглось в отношения собственности, опосредовало их, все более ограничивая права собственника. По сути, собственность перестала быть правом неограниченного и исключительного господства лица над вещью. Как заметил Р. Иеринг, общество становится все более алчным, более притязательным по отношению к личности, к собственнику: «Неправда, что собственность по самой „идее“ ее включает в себе право абсолютного распоряжения. Общество не может допустить и никогда не допускало собственности в таком виде; „идея“ собственности не может заключать в себе ничего такого, что бы противоречило „идее“ общества»⁵. Л. Дюги, исходя из тенденций развития современного пра-

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 287.

² Там же. С. 288.

³ Римское частное право: учеб. С. 204. И. А. Покровский также писал о том, что право собственности в древнеримском праве «предоставляет собственнику в принципе полную власть над вещью» (Покровский И. А. *История римского права*. СПб.: Юрид. книжн. склад «Право», 1913. С. 324).

⁴ Дождев Д. В. *Римское частное право: учеб. для вузов*. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2003. С. 377.

⁵ Иеринг Р. *Цель в праве*. СПб.: Н. В. Муравьев, 1881. Т. 1. С. 379.

ва, также утверждал, что законодатель может создать для собственника любые ограничения, соответствующие общественным нуждам, собственность не принадлежит к числу священных и неприкосновенных прав; собственник «не может претендовать на другое право, кроме как только на возможность свободно, полно и совершенно выполнять социальную функцию собственника»¹.

Во-вторых, римское понимание собственности как непосредственной связи индивида с вещью, т. е. субъект-объектного отношения, не соответствует современным представлениям о социальной природе права и о предмете правового регулирования. Право не регулирует отношения между лицом и вещью, это не его предмет, оно опосредует отношения между лицами. Стремление юристов обосновать особую природу вещного права, его особый предмет ведет цивилистику в тупик. Законодатель, следуя римской традиции, устанавливает правомочия собственника по отношению к вещи, а социальная природа права «требует» от него закрепления прав собственника по отношению к государству, к третьим лицам (прежде всего на юридическую защиту, на регистрацию, на государственное признание права собственности и т. д.).

В-третьих, и это самое главное, собственность в современном западном и российском праве перестала быть частной в римском ее понимании. Она давно стала социальным фактом, социальным явлением. Она возникает не с момента захвата вещи, овладения, господства над ней, а с момента государственной регистрации права собственности (в отношении недвижимых вещей) или с момента, установленного законом (в отношении движимых вещей). Собственность в современном праве создается и защищается не мечом и копьем, как в Древнем Риме, а системой правопорядка: законодательными актами, судебными решениями, органами государственной регистрации прав на недвижимое имущество, БТИ, нотариальными свидетельствами о праве собственности, кадастрами, реестрами и т. д. За две с половиной тысячи лет собственность изменила свою природу, стала социальной, ее нельзя оценивать взглядом римских разбойников, промышлявших под предводительством двух легендарных «частных лиц»: Ромула и Рема.

Не только собственность, но и договор в современном праве – это не проявление произвола частных лиц, как в древнеримском праве. Договор лишь тогда становится правовым явлением, когда в нем соблюдены требования законодателя, когда он встраивается в существующую систему правопорядка. Стороны договора взаимодействуют друг с другом не как частные лица, а как участники глобальной, всеобщей правовой коммуникации, наделенные правосубъектностью, правами и обязанностями. Без этого признания, без правосубъектности нет договорно-правовых отношений, невозможна юридическая защита заключенных сторонами соглашений. С учетом современных правовых реалий римский взгляд на договор как соглашение двух частных особей, порождающих право исключительно своей собственной волей, представляется неконструктивным.

Еще менее приложим к существующему праву римский правовой взгляд на семью. В нем выражено безнравственное отношение отцов римских семейств к своим родным и близким, когда жена и дети рассматриваются как имущественная масса, приравниваются в своем правовом положении к рабам. Как и в собственности, принцип *dominium* в семейном праве имел решающее значение. В семейном деспотизме наиболее полно проявлялась бездушная и бессердечная рассудочность римского мира, о которой писал Гегель. Современное семейное право давно перестало быть сферой произвола частных лиц, оно не нуждается в римском правовом подходе к регулированию данного вида отношений.

Идея публичного права в ее древнеримском понимании также вызывает принципиальные возражения. Когда власть (*imperium*) рассматривается как источник публичного права, то закономерно возникает вопрос о разграничении двух коммуникативных систем: политической и правовой. Н. Луман утверждал, что смешение политики и права произошло в Новое время², однако, учитывая сформировавшееся в римской правовой системе разделение двух социально-правовых сфер, можно утверждать, что оно произошло значительно раньше – в Античности, в Древнем Риме.

¹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 905.

² Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 357, 363.

Это смешение, «узаконенное» посредством высшего правового деления, до сих пор определяет особый характер публично-правовых отношений и специфику правового регулирования организации и деятельности государственной власти в европейских странах.

Многие зарубежные и российские правоведы отмечали политически-властную природу публичного права, его принципиальную несхожесть с частным правом, которое основано на совершенно иных принципах взаимодействия субъектов. Например, Л. Эннекцерус писал о том, что «частное право регулирует правоотношения отдельных лиц как таковых на основе равенства»; в публичном же праве, «поскольку речь идет об отношениях между обществом и его членами, преобладает принцип господства и подчинения»¹. Решающим моментом для установления публично-правовой природы правоотношений, по его концепции, является то, участвует ли в нем «публичная организация – носитель публичной власти как таковой»².

Схожую позицию по поводу деления права на частное и публичное занимал немецкий юрист Г. Еллинек. По его мнению, различие частного и публичного права может быть сведено к той основной идее, что частное право регулирует взаимные отношения индивидов как таковых, «между тем как публичное право нормирует отношения между различными субъектами власти или организацией и функции субъектов власти и их отношения к подчиненным этой власти»³; «публичное право есть то право, которое связывает обладающее верховной властью общество в его отношениях к равным и подчиненным ему лицам»⁴.

Принципиальное различие между частным и публичным правом также отмечал Л. Гумплович: «В то время как частное право представляет из себя норму, правило, предписание для суждения об известных деяниях и отношениях отдельных личностей, – государственное право является юридическим *выражением действительных отношений властвования* (выделено мной. – С. А.)»⁵. По его убеждению, государство посредством государственного права (немецкие юристы рассматривали государственное право как важнейший элемент, часть публичного права) защищает, охраняет не личность, а свое собственное существование, «слово „право“ употребляется здесь совсем не в обычном смысле, так как в данном случае оно не обозначает тех постановлений, которые издаются государством для соблюдения их отдельными лицами; нет, здесь оно означает самую организацию, поддерживающую государство; тут под словом „право“ кроется совокупность тех мероприятий, которыми оперирует государство для сохранения своей силы, для того, чтобы осуществлять свое властвование и справляться со своими судебными и карательными функциями»⁶.

Л. Гумплович, на наш взгляд, наиболее точно и верно обозначил политическую природу публичного права, справедливо утверждая, что государство не просто выступает в качестве полномочного посредника в правовом общении, оно далеко выходит за эти рамки, берет на себя миссию властителя, господина, который диктует своим гражданам собственную волю. Публичное (государственное) право – это совсем не то, что обычно понимается под правом, это политическая власть, которая облечена во внешнюю юридическую форму.

Начиная с Древнего Рима в западном мире произошло смешение двух коммуникативных систем: политики и права. Римское публичное право внешне, поскольку представляло собой совокупность принятых компетентными органами законов, других нормативных актов, признавалось правом, однако по своей сути, по духу было облеченным в юридическую форму политическим господством государства над своими подданными. Когда одни владеют имуществом, включая рабов, жен и детей, другие же, находящиеся на вершине власти, владеют всеми, то это не правовая коммуника-

¹ Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1: Введение и общая часть. М.: Изд-во иностранной лит., 1949. С. 22, 127–132.

² Там же. С. 130.

³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. С. 249.

⁴ Там же. С. 251. Среди современных российских правоведов есть также сторонники данной точки зрения. См., например: Брагинский М. И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / отв. ред. В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. М.: Городец, 2000. С. 68.

⁵ Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. С. 380.

⁶ Там же. С. 379–380.

ция, а узаконенное бесправие. Гегель, на наш взгляд, прав в том, что римское деление права на частное и публичное не содержит внутреннего принципа правового развития, в нем не заключена идея права с точки зрения ее осуществления.

Римское деление права на частное и публичное, а вместе с ним и идея правовой отчужденности личности, индивида от государства стали достоянием западноевропейской теории правового государства. Государство в этом философском учении не изменило своей политической природы, оно не стало по-настоящему правовым лицом, целью которого является служение праву и всеобщим интересам. Сторонники теории правового государства декларируют правовые идеалы, права человека, высшую ценность человеческой личности, но в системе государственного устройства человеку по-прежнему противостоит суверен, который властвует над ним, является по отношению к нему «высшим существом», господином¹. В рамках данной теории не произошло разграничения двух коммуникативных систем: права и политики.

Правовая и политическая коммуникации – это конкурирующие системы, у них разные исходные идеи и принципы. В основе правовой коммуникации лежат идеи свободы, справедливости, формального равенства субъектов, совмещения их интересов (напомним, по Канту, право есть «совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»); в основе политической – идея власти, социального господства. У каждой из этих коммуникативных систем – свои собственные предпосылки, внутренняя «логика», каждая предполагает свою всемирную социальную историю и ее конечную цель.

В современной юридической литературе доминирует точка зрения, согласно которой правовое отношение по своей природе есть отношение власти и подчинения². В основе данного утверждения, на наш взгляд, лежит предположение, что без политической власти невозможно обеспечить действие правовых норм. Требования правовых норм должны быть гарантированы, в том числе принудительно, но из этого тезиса не следует вывод о том, что право не может существовать без политической власти, что правовое отношение есть властеотношение. Если взять за основу наиболее «чистую» форму правовой коммуникации, а именно отношения договорные, обязательственные, то можно заметить, что они не являются по своей природе властными отношениями, основаны на других коммуникативных началах. Главной гарантией их осуществления выступают собственные интересы, взаимная выгода участников коммуникации, политическая же власть представляет собой инородный элемент в этом правовом общении свободных и равных субъектов.

Государство как политически властвующий субъект не гарант права, как полагают сторонники идеи властеотношений, а его главный враг. Механизмы, обеспечивающие принудительное осуществление правовых норм, должны существовать и использоваться в правовой коммуникации как вспомогательное средство, дополняющее систему внутренних стимулов участников отношений, но они должны принадлежать не Левиафану, а государству – служителю правопорядка. В правовой коммуникации недопустимо присутствие в качестве гарантов и посредников политически суверенных государств, независимых от своих граждан и от международно-правового порядка.

Римское деление права на частное и публичное представляет сегодня не только теоретическую проблему для российской юридической науки и законодателя. Результатом заимствования древнеримского опыта разделения правовых сфер и использования в отечественном праве частноправового и публично-правового подходов к правовому регулированию общественных отношений стали весьма негативные для страны социальные последствия. Две глобальные социальные катастрофы, пережитые Россией в двадцатом столетии (крушение Российской империи в 1917 г. и распад СССР в 1991 г.), на наш взгляд, тесно связаны с использованием западных, римских технологий в нашей социально-правовой среде.

¹ Подробнее см.: Архипов С. И. Теория восходящего правового развития человечества: основные недостатки и пути их устранения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5. С. 8; Еро же. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 173.

² См., например: Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. доклада. СПб., 2002. С. 62.

В конце XIX в. после отмены крепостного права российский законодатель избрал путь кардинального реформирования страны по западному образцу, предполагающему переход от общественной, коллективной к частной собственности на землю. В стране, где на протяжении веков существовал общинный уклад и соответствующий ему патриархальный тип государственности, без необходимых социальных «амортизаторов», без учета существенных культурно-исторических различий Запада и России начал внедряться инородный опыт частнопроводного регулирования, что в конечном счете привело к социальной катастрофе. Политические революции и крушение Российской империи стали следствием разрушения исходного социально-правового фундамента страны.

Вторая социальная катастрофа (1991 г.) в значительной степени была обусловлена другой правовой крайностью – публично-правовым регулированием социальных отношений. Отказ от всего частного во имя идеи построения коммунистического общества, в котором нет права, государства и социальных антагонизмов, после временного революционного энтузиазма и эйфории от скорого приближения «светлого будущего» привел к утрате экономических, «материальных» стимулов к труду, предпринимательского «духа», а также чувства, «инстинкта» собственности, следствием чего стало экономическое банкротство советского государства. Советское право, основанное на политической идеологии, системе властеотношений, игнорирующее частные интересы, фактор частной собственности, в жесткой конкурентной борьбе проиграло западной правовой системе ценностей. Идеи частной собственности, правовой свободы оказались более живучими, чем предполагали сторонники коммунистических идеалов.

Оставаясь в рамках частно/публичной парадигмы, отечественный законодатель рискует ввергнуть страну в очередную, третью, глобальную социально-правовую катастрофу, которая может оказаться последней для российской цивилизации. На наш взгляд, римское деление права и основанные на нем подходы к регулированию общественных отношений не отражают социальную природу права, его сущность и предназначение. Для России, которая сегодня находится на цивилизационной развилке, назрела необходимость искать другие подходы к правовому регулированию, основанные на иных критериях разделения правовых сфер. Следует формировать такую систему права, которая не является заложницей исторического прошлого, нацелена на будущее, на социально-правовой прогресс человечества.

Список литературы

Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античный мир и Восточные цивилизации. М.: Мысль, 1999. 750 с.

Аристотель. Риторика / пер. с гр. Н. Платоновой. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К., 1894. 204 с.

Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 272 с.

Архипов С. И. Теория восходящего правового развития человечества: основные недостатки и пути их устранения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5.

Брагинский М. И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / отв. ред. В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. М.: Городец, 2000. С. 46–80.

Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 437 с.

Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII: Философия истории. М.; Л.: Гос. изд-во, 1935. 470 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. 516 с.

Демосфен. Речи: в 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова и др.; пер. с гр. В. Г. Баруховича и др. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1994. 608 с.

Дернбург Г. Пандекты: перевод с немецкого. Общая часть. Т. 1. М.: Универ. тип., 1906. 481 с.

Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2003. 784 с.

Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. 957 с.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. 532 с.

Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. 309 с.

- Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Н. В. Муравьев, 1881. Т. 1. 412 с.
- Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.
- Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 319–758.
- Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.
- Покровский И. А. История римского права. СПб.: Юрид. книжн. склад «Право», 1913. 572 с.
- Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. доклада. СПб., 2002. 94 с.
- Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. 608 с.
- Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т. XV. Вып. 1–4. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. 678 с.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. 362 с.
- Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1. 528 с.
- Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1: Введение и общая часть. М.: Изд-во иностранной лит., 1949. 432 с.
- Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004. 498 p.

References

- Antologiya mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. T. 1: Antichnyi mir i Vostochnye tsivilizatsii* (1999) [Anthology of world legal thought: in 5 volumes. Vol. 1: The Ancient World and Eastern Civilizations]. Moscow, Mysl', 750 p.
- Aristotel' (1894) *Ritorika* [Rhetoric], transl. from ancient Greek by N. Platonova. Saint-Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva i K., 204 p.
- Arkhipov S. I. (2024) *Teoriya voskhodyashchego pravovogo razvitiya chelovechestva: osnovnye nedostatki i puti ikh ustraneniya* [The theory of the ascending legal development of mankind: the main disadvantages and ways to eliminate]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 5, pp. 5–17, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5.
- Arkhipov S. I. (2025) *Pravovoi progress: zarozhdenie, razvitie, krizis idei: monografiya* [Legal progress: origin, development, crisis of the idea: monography]. Moscow, Norma: INFRA-M, 272 p.
- Braginskii M. I. (2000) *O meste grazhdanskogo prava v sisteme «pravo publichnoe – pravo chastnoe»* [On the place of civil law in the system «public law – private law»]. In Litovkin V. N., Rakhmilovich V. A. (Eds.) *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava: sbornik statei*. Moscow, Gorodets, pp. 46–80.
- Demosfen (1994) *Rech'i: v 3 t. T. 1* [Speeches: in 3 volumes. Vol. 1], ed. by E. S. Golubtsova, et al. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 608 p.
- Dernburg G. (1906) *Pandekty: perevod s nemetskogo. Obshchaya chast'. T. 1* [Pandects: translated from German. The general part. Vol. 1]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 481 p.
- Dozhdev D. V. (2003) *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Roman private law: textbook for universities], 2nd ed., revised and add. Moscow, Norma, 784 p.
- Dyugi L. (1908) *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional law. The general theory of the state]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina, 957 p.
- Ellinek G. (1903) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [The general doctrine of the state]. Saint-Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 532 p.
- Ennektserus L. (1949) *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava. T. 1. Polutom 1: Vvedenie i obshchaya chast'* [Course of German civil law. Vol. 1. Half volume 1: Introduction and general part]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 432 p.
- Gegel' G. V. F. (1935) *Sochineniya. T. VIII: Filosofiya istorii* [Essays. Vol. VIII: Philosophy of History]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 470 p.
- Gegel' G. V. F. (1978) *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow, Nauka, 437 p.
- Gegel' G. V. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.
- Gumplovich L. (1910) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [The general doctrine of the state]. Saint-Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 516 p.
- Iering R. (1875) *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya. Ch. 1* [The spirit of Roman law at various stages of its development. Part 1]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 309 p.
- Iering R. (1881) *Tsel' v prave. T. 1* [The goal in law. Vol. 1]. Saint-Petersburg, N. V. Murav'ev, 412 p.
- Kant I. (1965) *Sochineniya: v 6 t. T. 4. Ch. 2* [Essays: in 6 volumes. Vol. 4. Part 2]. Moscow, Mysl', 478 p.
- Luhmann N. (2004) *Law as a social system*. Oxford, Oxford University Press, 498 p.
- Novitskii I. B., Pereterskii I. S. (Eds.) (2014) *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman private law: textbook]. Moscow, KNORUS, 608 p.

Petrzhitskii L. I. (1910) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti*: v 2 t. T. 2 [Theory of law and the state in connection with the theory of morality: in 2 vols. Vol. 2], 2nd ed., revised and add. Saint-Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, pp. 319–758.

Platon (1998) *Gosudarstvo. Zakony. Politik* [State. Laws. Politik]. Moscow, Mysl', 798 p.

Pokrovskii I. A. (1913) *Istoriya rimskogo prava* [The history of Roman law]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii knizhnyi sklad «Pravo», 572 p.

Polyakov A. V. (2002) *Kommunikativnaya kontseptsiya prava (genezis i teoretiko-pravovoe obosnovanie): dis. ... d-ra yurid. nauk v vide nauchnogo doklada* [The communicative concept of law (genesis and theoretical and legal substantiation): a doctor of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 94 p.

Russkaya starina. Ezhemesyachnoe istoricheskoe izdanie. T. XV. Vyp. 1–4 (1876) [Russian antiquity. Monthly historical publication. Vol. XV. Issues 1–4]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 678 p.

Shershenevich G. F. (1995) *Obshchaya teoriya prava: uchebnoe posobie*: v 2 t. T. 2. Vyp. 2, 3, 4 [General theory of law: textbook: in 2 volumes. Vol. 2. Is. 2, 3, 4]. Moscow, Yuridicheskii kolledzh MGU, 362 p.

Shpengler O. (2003) *Zakat Evropy*: v 2 t. T. 1 [The Decline of Europe: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Airis-press, 528 p.

Toinbi A. Dzh. (1991) *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress, 736 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.12.2024

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_19

РАЗУМНЫЙ СРОК СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ИЛИ СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ?

Осинцев Дмитрий Владимирович

Профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0001-8484-0055, e-mail: dimios@mail.ru.

В попытке разрешить предлагаемый юридический софизм сошлись знаменитые ученые, практики и только ступающие на путь юридического познания обучающиеся образовательных организаций. Все они задают себе один вопрос: может ли законный срок быть разумным или все-таки это нечто иное, может ли суд выйти за лимитированные временные периоды или всегда связан ими? Поскольку закон дает и ту, и другую возможность, задача кажется неразрешимой. В действительности никакой проблемы не существует, так как установленный законом срок сам по себе уже является разумным, ведь рациональность парламентариев не ставится под сомнение, а единоличное изменение срока недопустимо, иначе судья подменяет законодательную власть. Нормы времени на разрешение дел подлежат строгому хронометражу и могут быть исчислены согласно математическим формулам, а компенсация за содействие власти (присутствие в суде) есть форма вознаграждения, которая уже имеет денежный эквивалент и должна присуждаться заинтересованным и (или) участвующим лицам, как если бы они были профессиональными участниками судопроизводства.

Ключевые слова: своевременность рассмотрения дела, разумный срок судопроизводства, исчисление процессуальных сроков, компенсация и возмещение

Для цитирования: Осинцев Д. В. Разумный срок судопроизводства: законодательное установление или судебское усмотрение? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 19–38. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_19.

REASONABLE TIME FOR JUDICIAL PROCEEDINGS: LEGISLATIVE ESTABLISHMENT OR JUDICIAL DISCRETION?

Osintsev Dmitry

Professor, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-8484-0055, e-mail: dimios@mail.ru.

In an attempt to resolve the proposed legal sophism famous scientists, practitioners and students of educational organizations who are just embarking on the path of legal knowledge have come together. They all ask themselves the same questions: can a legal term be reasonable or is it something else, can a court go beyond limited time periods or is it always bound by them? Since the law provides both possibilities, the task seems unsolvable. In fact, there is no problem, since the deadline set by law is already reasonable in itself, because the rationality of parliamentarians is not questioned, and its sole change is not acceptable, otherwise the judge replaces the legislative branch. The time standards for resolving cases are subject to strict timekeeping and can be calculated according to mathematical formulas, and compensation for government assistance (presence in court) is a form of remuneration that already has a monetary equivalent and should be awarded to interested or (and) participating persons, no matter how they are professional participants in the proceedings.

Key words: timely consideration of the case, reasonable time of legal proceedings, calculation of procedural time limits, recovery and compensation

For citation: Osintsev D. (2025) Reasonable time for judicial proceedings: legislative establishment or judicial discretion? In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 19–38, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_19.

Существует ли единое понимание «разумного срока» в судебной (судебной) деятельности? Ответ таков: введенная в оборот норма ст. 6.1 ГПК РФ не определяет понятие «разумный срок», а лишь регламентирует необходимость его соблюдения при осуществлении судопроизводства¹. В таком случае можно ли считать положения названной статьи полноценной нормой и относить ее именно к правовым нормам?

Что в целом обозначает словосочетание «разумный срок»: философское учение, субъективное предпочтение, нормативную директиву или возможность произвольного выбора? Попробуем ответить на заданный вопрос.

Атрибутика процессуальной разумности в содержании ст. 6.1 ГПК РФ следующая: разумный срок разбирательства, продление сроков не в ущерб их разумности, правила сложения и параметры исчисления сроков, разумный срок исполнения судебных актов, ускорение рассмотрения дела. Комплементарные нормам данной статьи требования: компенсация за потерю времени в разумных пределах (ст. 99 ГПК РФ), установление сроков с учетом принципа разумности (ч. 1 ст. 107 ГПК РФ), влияние процедур примирения сторон и оставления искового заявления без движения на разумный срок судопроизводства (ч. 4.1 ст. 154 ГПК РФ), разумный срок исправления недостатков апелляционной или кассационной жалоб и представления в отношении них возражений (чч. 1, 2 ст. 323, ч. 2 ст. 378.2 ГПК РФ).

Сходные правила действуют в арбитражном судопроизводстве (ст. 6.1, ч. 3 ст. 152, ч. 4 ст. 291.1, ч. 3 ст. 293.3, п. 1 ч. 7 ст. 291.6, ч. 6 ст. 291.9, ст. 291.11, 291.12, 291.13, п. 6 ч. 1 ст. 291.14, абз. 2 ч. 3 ст. 319 АПК РФ). Дополнительно целая глава АПК РФ (гл. 27.1) посвящена рассмотрению дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или на исполнение судебного акта в разумный срок. Аналогичные требования в ст. 10, ч. 1 ст. 92, ч. 1 ст. 130, п. 1 ч. 3 ст. 135, ч. 3 ст. 141, ч. 4 ст. 246, гл. 26, ч. 1 ст. 300, ч. 3.1 ст. 353 КАС РФ.

Несколько сложнее обстоят дела в уголовном процессе, что требует дополнительного исследования (ст. 6.1 УПК РФ), так как процессуальная активность этого вида может носить характер досудебный или судебный.

Понятие «разумный срок» относят к разряду оценочных, характеризуют его положительно, так как общие, абстрактные, нечеткие категории, которые выражены в источниках права, предназначены для того, чтобы предоставить правоприменителю относительную свободу действий в рамках конкретного дела².

Этому понятию присваиваются различные атрибуты, например масштаб усмотрения, добросовестность поведения, справедливая процедура и пр., что относится к классу языковых уловок, а именно многозначности понятия (характеристика выражения языка, способного иметь в разных контекстах разное значение), неясности понятия (оно размытое и недостаточно определенное в отношении своего содержания), неточности понятия (обозначает нечетко очерченный класс объектов)³, поэтому «исходя из неопределенности содержания и бесспорного отнесения категории „разумность“ к оценочным понятиям, отметим, что ее реальное законодательное закрепление по этим причинам невозможно. Установление жестких критериев в данной ситуации не представляется также реально достижимым, поэтому все они должны являться относительными»⁴.

Кстати сказать, споры об определениях в юридическом дискурсе об установлении юридических конструкций «разумного срока» продолжаются уже более 15 лет и пора-

¹ Стуконогов А. И. К вопросу о понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97-6. С. 92–94.

² Опалев Р. О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., 2008. С. 33.

³ Ивин А. А. Логика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Изд-во Оникс; Мир и Образование, 2008. С. 146, 149, 152.

⁴ Соколинская Ю. М. Приостановление производства по гражданскому делу: проблемы разумности процессуальных сроков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2013. № 2. С. 184–192.

жают своей безысходностью, так как на основе софизма¹ делается попытка научного вывода, что изначально обречено на неудачу. Создается впечатление, что такая неудовлетворительная ситуация устраивает всех: доктринеров в том, что всегда есть повод для публикации независимо от ее результативности, так как из ложной посылки можно делать любой вывод, а правоприменителей в том, что можно оправдать любую организацию юрисдикционной работы и не нести за это никакой ответственности.

На самом деле справедливый срок исходя из тех критериев, что даны в вышеперечисленных статьях процессуальных кодексов, является арифметически рассчитываемой величиной, определение которой не составляет никакой сложности даже для школьника, только для ее вычисления необходимо применить дополнительно ряд правовых актов и стандартов, а также специальные правила сложения и умножения временных единиц.

Все же сначала продолжим разговор именно в нормативно-правовом дискурсе, прежде чем обращаться к естественно-научной (арифметической, физической и астрономической) стороне этого вопроса.

К законодателю всегда обращено требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования². Неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного его истолкования и, следовательно, произвольного применения, т. е. противоречивую правоприменительную практику, и тем самым ослабляют гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 27 мая 2003 г. № 9-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 14 апреля 2020 г. № 17-П и др.). Неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных ст. 45 и 46 (чч. 1 и 2) Конституции РФ гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 29 июня 2012 г. № 16-П и др.).

При регулировании общественных отношений федеральный законодатель обязан руководствоваться вытекающим из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом общеправовым требованием определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями (постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 25 февраля 2004 г. № 4-П, от 20 апреля 2009 г. № 7-П, от 6 декабря 2011 г. № 27-П, от 29 июня 2012 г. № 16-П и др.).

Закрепленные в Конституции РФ и международных правовых актах общепризнанные стандарты правосудия, которые основаны на приоритете прав и свобод человека, верховенстве права, состязательности судопроизводства и юридическом равенстве участников судебного разбирательства, предполагают следование суда порядку судопроизводства, установленному законом, что должно исключать возможность неограниченного усмотрения в правоприменительной практике при определении содержания прав и обязанностей участников судопроизводства. Субъект, чье право на судебную защиту признается законом, не может быть поставлен в ситуацию недо-

¹ Софизм (от гр. *σόφισμα* – мастерство, умение, хитрая выдумка, уловка) – формально кажущееся правдивым, но ложное по существу умозаключение, основанное на преднамеренно неправильном подборе исходных положений. См.: Новоселов М. М. Софизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. М.: Мысль, 2010. В данном случае используются достаточно известные и легко опровергаемые софистические приемы: ошибка сложения, когда разделительному термину придается значение собирательного, и ошибка разделения, обратная, когда собирательному термину дается значение разделительного. Подробнее см.: Брадис В. М., Минковский В. Л., Харчева А. К. Ошибки в математических рассуждениях. 3-е изд. М.: Просвещение, 1967; Билык А. М., Билык Я. М. К вопросу о проблемной технике софизма (ее связь с современным пониманием научной проблемы) // Философские науки. 1989. № 2. С. 114–117; Морозов Н. А. О научном значении математических софизмов // Известия научного института им. П. Ф. Лесгафта. 1919. Т. 1. С. 193–207.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2024 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан А. В. Бaeвой и И. В. Филькова».

пустимой неопределенности относительно правил доступа к правосудию и своего участия в судебном разбирательстве¹.

Установление юридической конструкции «разумный срок» не свидетельствует о том, что вообще была создана норма права, так как к субъекту этого высказывания («срок») присоединен не свойственный ему предикат «разумный» (напомним, процессуальный срок – дата, событие, период, определяемые в соответствии с Федеральным законом от 3 июня 2011 г. № 107-ФЗ «Об исчислении времени» и исчисляемые согласно ст. 107 ГПК РФ).

Что есть «разумный»? Разумный опыт есть познание отношений вещей между собой². Разумными бывают существа³, а сроки бывают исчисляемыми этими существами.

Итак, перед нами принципиальная невозможность и недопустимость использования юридической конструкции «разумный срок», так как под этим кроется совершенно иное содержание, нет ни четкости, ни ясности, ни конкретности.

В доктрине собраны различные подходы:

1) под разумным сроком обычно понимается время судебного разбирательства или исполнения судебного акта, которые гарантируют реальную защиту права или законных интересов заинтересованного лица⁴;

2) разумный срок трактуется как время, которое наилучшим образом соответствует интересам сторон в споре, но не должно превышать максимального срока, формально установленного законом⁵;

3) разумный срок = законный срок ± объективно необходимый срок⁶ (последний является лишь пожеланием, так как в законе он не назван, причем пожеланием эфемерным, так как объективность предполагает тождество позиций всех участников процесса, что невозможно, иначе это не суд, а симфонический оркестр, более того, осуществление процесса всегда от имени государства предполагает наличие юридически более сильной стороны, так что красивая формула перечеркивается напрочь ее последним элементом);

4) разумный срок отличается от законного тем, что может быть как более продолжительным, так и более коротким. Главное, чтобы он способствовал всестороннему и полному рассмотрению дела⁷;

5) термин «разумный срок» является размытым и не позволяет однозначно идентифицировать нарушение сроков судопроизводства или исполнения судебного акта. Содержащиеся в Федеральном законе от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» критерии недостаточны, следует точно установить временные рамки таких нарушений и сделать шкалирование в зависимости от длительности такого нарушения⁸;

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта „з“ пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“, частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“ в связи с жалобами граждан А. В. Андропова, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области».

² Маковельский А. О. История логики. М.: Кучково поле, 2004. С. 296.

³ Талиаферро Ч. Доказательство и вера: философия и религия с XVII века до наших дней / пер. с англ. С. С. Пименова, Т. В. Малевич; науч. ред. А. Р. Фокин. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 44.

⁴ Гражданский процесс: учеб. / под ред. М. К. Треушникова. М.: Статут, 2014. С. 206.

⁵ Мусаева А. Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия права граждан на судебную защиту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14.

⁶ Новопашина Н. Н., Карпекина Е. А. Разумный срок судопроизводства: проблемы определения его продолжительности и соблюдения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 278–280.

⁷ Агеева Г. Е., Соловьева А. В. Нужен ли разумный срок в гражданском процессе? // Проблемы теории и юридической практики в России: материалы 14-й междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, специалистов и студентов / отв. ред. А. А. Павлушина. Самара: Самарский гос. экон. ун-т, 2017. С. 5–8.

⁸ Закиров Р. Ф. Объективные и субъективные факторы, влияющие на своевременность рассмотрения дела судом и исполнения судебных актов // Правотворчество и применение права: тенденции развития

б) в действительности, никаких конкретных правил определения разумного срока судопроизводства законодатель не предусмотрел. То, что он обозначил в качестве «правил», каких-либо четких указаний относительно определения разумного срока судопроизводства не дает¹.

В целом, каждый автор показал свою рациональность, а точнее, собственные предпочтения по формулированию содержания единого предиката «разумный».

Полагаем, что из всех представленных подходов оптимальным и рациональным можно признать именно второй, так как иное свидетельствовало бы о том, что законодатель, утверждая процессуальные нормы о сроках, вводит их опрометчиво и необдуманно, что в корне неверно и является дискредитацией российской правовой системы, так как если уж длительная практика и опыт правоприменительной работы свидетельствуют о том, что дело может быть разрешено и в рамках статистической закономерности в большинстве случаев разрешается и исполняется в отведенные законом сроки и не более того, то безусловное соблюдение сроков выступает (в рамках указанного лимита времени) именно реализацией требований о разумном сроке судопроизводства, и только в рамках такого лимита реализуются все без исключения процессуальные и иные мероприятия (действия), о которых можно судить как о результативных, эффективных, оптимальных, обоснованных и пр.

Возможно ли признание отступления от лимита процессуального срока разрешением дела в разумный срок? Есть мнение, что такое допустимо, правда, «с учетом конкретных обстоятельств процедуры», однако тот же автор отмечает, что «своевременное рассмотрение дела приравнивается к пониманию процессуальных сроков рассмотрения дела»². Стоит согласиться с дальнейшими утверждениями, что «своевременное рассмотрение дела» и «соблюдение разумного срока» – соотносимые понятия с различным содержанием.

Более точным представляется утверждение о том, что разумный срок судопроизводства и своевременное разрешение дела соотносятся как часть и целое, так как имеет место соблазн рассматривать все с точностью до наоборот, когда установление процессуального срока как бы вообще неважно, его можно преодолевать, ссылаясь на необходимость разумного разрешения дела.

Если рассматривать две предложенные юридические конструкции как оценочные (абстрактные понятия), то они выступают взаимоисключающими, и когда неудобным становится нормативно установленный императивный срок, тогда можно прибегнуть к процессуальной разумности и его нарушить, пользуясь формулой: нарушение установленных законодательством РФ сроков рассмотрения дела или исполнения судебного акта само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок³.

В таком случае суд становится правотворческим органом, самостоятельно вводит новые нормы, что является отступлением от конституционного принципа разделения властей (ст. 10 Конституции РФ).

Насколько разумными выглядят решения, которые выносятся в последние дни срока? Если пять дней отведено на принятие искового заявления, то определение об этом выносится на пятый день, если срок рассмотрения апелляций установлен в два месяца, то рассмотрение приходится на шестидесятый день со дня их поступления и т. д. В первом случае необходимы какие-то формальные действия, связанные с предварительным ознакомлением с доказательствами, определением состава лиц, которые будут участвовать в деле, во втором случае нужно лишь логически переосмыслить доводы сторон в апелляционных документах и сопоставить их с текстом судебного акта. Неужели для этого *всегда* требуется два месяца, а порой и более?

Объяснимы случаи, когда выход за пределы лимитированного нормативно установленного срока произошел вследствие реализации запланированных действий,

правовых концепций и отраслевых правовых институтов: сб. ст. X Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации. Казань: Отечество, 2023. С. 229–232.

¹ Пучнина М. В. Разумный срок исполнения судебных актов. Проблемы определения // Закон и право. 2016. № 1. С. 167–170.

² Иванова В. В. Разумный срок судопроизводства как имманентная составляющая судопроизводства // Энигма. 2020. № 27-3. С. 47–52. См. также: Смирнова И. Г., Климентьева Ю. Д. Принцип разумного срока в уголовном судопроизводстве // Научный компонент. 2023. № 1. С. 19–25.

³ Решение Верховного Суда РФ от 4 декабря 2024 г. № АКПИ24-948.

обусловленных надлежащей организацией судебного заседания, последовательным исследованием доказательств, необходимостью завершения процессуального действия, которое началось в пределах установленного срока и не могло быть завершено вовремя вследствие непрерывности судебных действий, а равно возникновения обстоятельств, исключающих определенные периоды времени из первоначально установленного срока (отложение и приостановление производства по делу вследствие обстоятельств объективного характера), если они сложились еще в период законного срока рассмотрения дела, непрерывно следуют за ним, как правило, составляют его незначительную часть и непосредственно зависят от действий третьих лиц (экспертов, специалистов, судей (судов) и органов, принимающих преюдициальные решения и пр.), без учета мнения которых невозможно вынесение судебного постановления. В любом случае представляется неразумным превышение законного срока рассмотрения дела в два раза и более.

Допустим, что мировым судьей дано судебное поручение через месяц после поступления в суд искового заявления. С учетом ст. 62, 63 ГПК РФ превышение срока будет незначительным, если по выполнению данного поручения сразу будет назначено и проведено судебное заседание. Иное дело, когда по делу назначена экспертиза, но с момента возбуждения дела в суде прошло уже более полугода, тогда приостанавливать течение процессуальных сроков не имеет смысла, так как могут быть приостановлены только те процессуальные сроки, которые еще не истекли (ст. 86, 110 ГПК РФ).

Пускаться в частности поисков того, какое дело было сложным, какие действия были эффективными, какое право применимо, каков состав участников и т. п., значит попасть в дурную бесконечность изложения разумного объяснения пропуска процессуальных сроков, что больше уже походит на объяснительную записку нерадивого клерка, чем на высокий стиль правосудия.

Публикаций на эту тему множество (причем нарративов обстоятельных, доходчивых, аргументированных¹), но в любой из них упускается один немаловажный момент, а именно, когда законодатель устанавливал процессуальные сроки, он уже модульным образом предусмотрел максимально возможные вариации сложности и емкости дела. Зачем еще раз это повторять и проделывать работу за законодателя заново? Тем самым, стоит повторить, создается не соответствующая Конституции РФ практика корректировки закона единоличным мнением правоприменительной инстанции вопреки официально выраженной позиции законодательной власти и главы государства.

Вот уж поверьте, если в любом деле пересчитать, что нужно было бы совершить и сколько времени ушло на фактическую организацию судебного разбирательства, как говорится «от и до», то окажется, что времени предостаточно, еще с запасом, только надежда на «авось» в очередной раз подвела: отложили рассмотрение на последние дни срока, а процесс не пошел или пошел не в том направлении.

Условно говоря, введение новой категории «разумного срока» выступило «спасательным кругом» в тех ситуациях, когда в рамках нормативного срока ничего не делалось, а потом в спешке нагромодили массу отвлекающих маневров и была создана видимость эффективной работы по разрешению дела.

Допустим, судьей было проведено около десятка судебных заседаний, приглашено с десятков третьих лиц в разное время, назначена экспертиза, удовлетворены ходатайства о приобщении новых доказательств и пр. На первый взгляд, сложное дело, а по факту – на каждом заседании, постоянно повторяясь, выступали по существу только стороны, третьи лица были вызваны, но в процесс не вступили, на судебные заседания не являлись, свою правовую позицию не представляли, было приобщено не более двух десятков документов, содержание которых лаконично и доступно, экспертиза состояла из одного вопроса, осуществлялась лишь по материалам, трудоемкое

¹ Курченко В. Н. Критерии разумного срока уголовного судопроизводства: интерпретация судебной практики // Уголовное право. 2024. № 8. С. 68–80; Мошев Д. С. Актуальные вопросы понятия и особенностей разумного срока в административном судопроизводстве // Флагман науки. 2024. № 6. С. 711–713; Гаджиев Т. Ф., Беланова Г. О. Разумный срок гражданского судопроизводства: проблемы закрепления и реализации // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 3. С. 477–478; Маркова Н. Л. Обеспечение судопроизводства в арбитражных судах в разумные сроки // Юрист. 2010. № 6. С. 50–54.

исследование не требовалось. Совокупно судебное заседание с такими исходными данными заняло 4 ч, реально процесс продолжался около двух лет¹.

Вообще говоря, в том-то и состоит разница в случае определения процессуальных сроков, что в рамках внесудебного юридического процесса соблюдение любых сроков является обязательным требованием закона, обеспечиваемым ведомственным, в том числе процессуальным, контролем и прокурорским надзором, последующей судебной проверкой своевременного совершения процессуальных действий (отдельных процедур) и принятия решений, отступление от сроков даже минимально признается дисциплинарным проступком, а продление сроков требует особой аргументации и участия в этом нескольких многопрофильных инстанций². В судебной деятельности такие правила отсутствуют в силу независимости судей, выход за лимиты процессуального срока считается вполне нормальной практикой, подкрепленной почти что магической формулой «внутреннего убеждения судьи».

Кстати сказать, нарушение сроков проведения мероприятий по контролю (надзору) влечет недействительность результатов проверки в целом³, а нарушение процессуальных сроков судьей вообще не влечет никаких последствий, т. е. при равных условиях наступают противоположные последствия. Не дискриминация ли это?

Однако следует учесть еще и то, что во внесудебном юридическом процессе при неукоснительном соблюдении сроков требуется еще скомплектовать фактологическую и (или) доказательственную базу, ресурсно и организационно ее подкрепить, определиться с составом участников имеющихся и намеченных процедур и т. д., а вот судье это делать не требуется, так как перед ним предстает уже готовое дело, а никак не непознаваемый факт, безусловно, форматно-логический контроль осуществлять куда проще, чем реально «на земле» по крупицам собирать материалы для последующей аналитики и делания выводов⁴.

Удивительное дело: сам по себе факт нарушения судом конкретного срока рассмотрения дела, установленного в АПК РФ, еще не дает лицу права предъявлять соответствующие требования о компенсации и не свидетельствует о нарушении судом принципа разумности сроков производства; наличие или отсутствие вины арбитражного суда либо иного компетентного органа, должностного лица в нарушении разумных сроков никак не влияет на возможность присуждения компенсации⁵.

Так вот, разумность должна быть включена в лимит процессуального срока, и неразумным в смысле ч. 2 ст. 6.1 ГПК РФ будет уже само по себе превышение такого срока, иначе требование о разумности остается понятием с пустым содержанием⁶.

В противном случае элементарная нерасторопность и несобранность прикрываются субъективной интерпретацией термина «разумность». Вне сомнения, если никакие объективные обстоятельства не могут быть расценены как процессуальные факты, влияющие на продолжительность процессуального действия или необходимость совершения иных процессуальных действий, то одно лишь желание увеличить срок судопроизводства председательствующим в судебном заседании не говорит об эффективности такого решения.

В литературе звучит иная позиция, однако рассуждения подобного рода носят спекулятивный характер, но не выступают научным обоснованием рационального

¹ Мотивированное решение от 27 декабря 2024 г., 66OS0000-01-2024-000847-38, 3а-965/2024. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=15834366&case_uid=6124c77b-a852-4762-90d5-1e14653bcd30&delo_id=41 (дата обращения: 19.11.2024).

² Литвина Л. М. Разумные сроки уголовного судопроизводства при продлении сроков содержания под стражей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3. С. 112–117.

³ Лытнева Н. А., Кыштымова Е. А., Киданова Н. Л. Практико-ориентированный подход к планированию внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 1. С. 103–110; Ковалева Е. В., Нугаева Е. В. Развитие государственного земельного контроля на современном этапе (на примере Белгородской области) // Вектор ГеоНаук. 2021. Т. 4. № 4. С. 4–10.

⁴ Егорова Р. Е. Соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела // Евразийская адвокатура. 2022. № 4. С. 68–73.

⁵ Стуконог А. И. Компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в арбитражном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-5. С. 115–117.

⁶ «Понятие $xA(x)$ фактически пусто, если фактически не существует предметов x с данной характеристикой $A(x)$ ». См.: Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика: учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. С. 201.

судейского поведения, выводы сводятся к тому, что сами по себе сроки процессуальных кодексов лишь ориентирующие, а независимое решение судьи формирует практику разумным образом¹.

Честно говоря, в самом процессуальном законе заложена неправильно построенная формула², говорящая о том, что продление сроков допустимо в случаях и в порядке, которые установлены ГПК РФ, но судопроизводство должно осуществляться в разумный срок. При этом согласно ст. 111 ГПК РФ назначенные судом процессуальные сроки могут быть продлены судьей.

При поверхностном и «удобном» прочтении такой нормы ее сокращенный вариант получает следующий вид: судья, определив календарную дату совершения процессуального действия (действий), впоследствии может по своему усмотрению отступить от нее, а сроки, данные непосредственно в законе, не в счет, так как разумность определяется судебским усмотрением. Тогда невольно возникает вопрос: для чего законодатель вообще устанавливал процессуальные сроки, давал их лимиты? Верно отмечает П. С. Барышников, что вышеназванное понятие не может входить в систему гражданско-процессуальных норм, поскольку существует только два вида сроков: установленные законом и определяемые судьей. Так как в соответствии со ст. 6.1 ГПК РФ судопроизводство должно быть осуществлено в разумный срок, это ставит под вопрос императивность сроков, которые указаны в законе³.

Налицо классический вариант логического противоречия: «Ничто не может быть заразом основанием утвердительного и отрицательного суждений. Этим законом изгоняется из нашего мира противоречие. В добавление к этому закону в нашей логике существует закон исключенного третьего, который исключает всякую третью форму суждения. Благодаря этим законам наша логика имеет дело только с утвердительными и отрицательными суждениями, только с утвердительными и отрицательными модусами силлогизма»⁴. В самом деле, срок может быть продлен судьей, но только в рамках периода времени, данного в соответствующем процессуальном кодексе, речь не идет о допустимости превышения процессуального срока, это напрочь исключено, допустима лишь минимизация (оптимизация) процессуальных действий в рамках лимита процессуального срока (организационные упущения не в счет – ч. 4 ст. 6.1 ГПК РФ).

Если судья несколько раз заслушивает участников процесса об одних и тех же обстоятельствах дела (при этом судебные заседания назначены на разные далеко отстоящие календарные даты), вызывает лиц, представивших соответствующие документы, чтобы устно огласить их содержание, приглашает случайно выбранных третьих лиц вступить в дело, чтобы начать производство сначала и тем самым обеспечить видимость процессуальной сложности разбирательства, назначает экспертизу при отсутствии каких-либо материалов для ее организации и проведения, а равно совершает ряд иных беспорядочных процедур, которые в конечном счете не приносят никакого процессуального результата, то, безусловно, такую суету нельзя рассматривать как разумную, хотя бы даже действия были совершены в рамках лимита процессуального срока разрешения дела. Конституционный Суд РФ единственно верным образом называет такую активность не тщательным разбирательством, а избыточным доказыванием⁵.

¹ *Белякова А. В.* Соотношение понятий «своевременность» и «разумный срок судопроизводства» в гражданском и арбитражном судопроизводстве // *Право и экономика.* 2014. № 4. С. 74–79.

² Правильно построенная формула (формула, ППФ) – одно или несколько высказываний (переменных), соединенных логическими операциями. Результат вычисления формулы – истина или ложь. Примеры неправильно построенных формул: $A \vee B \rightarrow \neg A \rightarrow \vee C$, $\leftrightarrow A \wedge B$ и т. д. Подробнее см.: *Чупахин И. Я., Бродский И. Н.* Формальная логика. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. С. 203–205.

³ *Барышников П. С.* Некоторые актуальные проблемы гражданского процесса // *Актуальные проблемы российского права.* 2015. № 4. С. 29–30.

⁴ *Васильев Н. А.* Логика и металогики // *Логос.* М.: Тип. Т-ва А. А. Левенсон, 1912–1913. Кн. 1 и 2.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок“, частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой» (п. 3.2, абз. 5, 6).

Строгая формула звучит относительно обстоятельств, влияющих на определение разумного срока судопроизводства. К таким обстоятельствам относятся:

правовая и фактическая сложность дела. Она сама по себе не может оправдать общую продолжительность его рассмотрения, таким образом, общий срок судопроизводства по делу нельзя признать разумным. В качестве примера приводится судебное разбирательство, которое началось 19 октября 2017 г., а 21 декабря 2022 г. по делу постановлен приговор, продолжительность производства составила 6 лет 1 месяц 19 дней и является чрезмерной, а общий срок судопроизводства по делу нельзя признать разумным¹;

поведение участников процесса. Для примера: отсутствуют основания для признания права нарушенным, поскольку образованию этого периода (с декабря 2000 г. по апрель 2013 г.) способствовало именно поведение административных истцов, выраженное в сокрытии следов преступлений, совершенных ими в различный период, а также в применении иных способов и приемов, направленных на избежание уголовного преследования в отношении себя². Так же обстоят дела в арбитражном судопроизводстве: истец фактически сам длительное время не предпринимал никаких действий, направленных на обеспечение исполнения ответчиком обязанностей, установленных судебным актом, в связи с чем сама по себе продолжительность периода исполнения судебного акта не свидетельствует о превышении разумных сроков исполнения³;

достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела. Например, после 15 февраля 2022 г. до дня вынесения обжалуемого решения судебное заседание продолжалось 16–18, 21, 25, 28 февраля, 1–5, 9–11, 14, 15, 18, 23–25, 28–30 марта, 18, 20, 22, 25, 27–29 апреля, 4–6, 11–13, 16–19 мая, 17, 20–24, 27–29 июня 2022 г., т. е. действия суда на этом этапе являются достаточными и эффективными. Однако продолжительность судебного разбирательства по уголовному делу, составившая на день вынесения обжалуемого решения 5 лет 6 месяцев 2 дня, признается чрезмерной, а общий срок судопроизводства по делу нельзя считать разумным;

общая продолжительность судебного разбирательства⁴. По сути, дается комплексная оценка соблюдения сроков судопроизводства: в период с 12 июля 2012 г. по 18 июля 2013 г. производство по уголовному делу осуществлялось под председательством судьи Т., 19 июля 2013 г. уголовное дело было передано для рассмотрения судье С. в связи с невозможностью судьи Т. исполнять свои профессиональные обязанности по состоянию здоровья. Имевшая место замена судьи при производстве уголовного дела значительно повлияла на длительность судопроизводства по делу, поскольку повлекла за собой рассмотрение дела сначала, минуя стадию предварительного слушания.

Также суд отмечает, что имели место отложения судебных заседаний на длительные сроки без указания причин с 22 августа на 2 сентября, с 6 на 12 ноября 2012 г., с 13 февраля на 4 марта, с 12 на 18 марта 2013 г., с 7 на 19 февраля 2014 г. Дважды судебные заседания откладывались по причине отсутствия электроэнергии в здании суда: 3 сентября 2012 г. и 2 сентября 2013 г. Со 2 на 9 февраля 2013 г. судебное заседание было отложено по причине занятости судьи в другом процессе. 26 марта 2014 г. судебное заседание не состоялось в связи с невозможностью предоставления СИЗО г. Новосибирска помещения для проведения судебного заседания. С 20 на 27 октября 2014 г. судебное заседание отложено по причине отсутствия конвоя.

Несмотря на объем постановленного приговора, который составил 4235 листов, не может быть признан обоснованным период нахождения суда в совещательной комнате для постановления приговора с 14 марта по 15 декабря 2016 г.

¹ Решения Верховного Суда РФ от 6 июля 2022 г. № АКПИ22-430, от 16 февраля 2023 г. № АКПИ23-21, апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 февраля 2023 г. № АПЛ22-669.

² Решение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № АКПИ19-123.

³ Решение Арбитражного суда Московского округа от 16 декабря 2019 г. № Ф05-18854/19(1) по делу № А41-55816/2016.

⁴ Чистилина Д. О., Делова А. Д. Разумный срок уголовного судопроизводства: возникновение принципа, практика его реализации и влияние ЕСПЧ // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 139–153.

Действия суда в обозначенные периоды не были достаточными и эффективными, а общая продолжительность судопроизводства по данному делу с учетом названных периодов была чрезмерной и не отвечающей требованию разумного срока, при этом ни за одну из образовавшихся задержек разбирательства дела потерпевшие ответственности не несут¹.

В целом из 398 дел данной категории, рассмотренных Верховным Судом РФ, удовлетворены требования административных истцов (частично) в 209 случаях, в арбитражных судах пропорция составляет 94 / 51, в судах общей юрисдикции – 15 585 / 6355.

Предлагается понимать под правовой сложностью структуры уголовного дела особенностями состава преступления, квалификации, например многоэпизодность, соучастие, совокупность преступлений и др., т. е. сложность с уголовно-правовой точки зрения.

Представляется, что сами по себе состав преступления и его квалификация не должны вызывать никаких сложностей ни при каких условиях, так как сие с лихвой компенсируется профессионализмом и высокой квалификацией властных участников уголовного судопроизводства, иное не предполагается.

Относительно многоэпизодности, соучастия, совокупности и другой материально-правовой и процессуальной множественности элементов уголовного судопроизводства следует заметить, что речь идет о работе не по одному, а по нескольким взаимосвязанным делам одновременно, поэтому вполне разумно будет увеличение (умножение) процессуальных сроков на соответствующие коэффициенты.

Норматив времени на работы, выполняемые судьей, установлен по уголовному делу, где к ответственности привлекается одно лицо по одному составу преступления, дело в одном томе – п. 1.8 Норм нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов (утв. постановлением Минтруда РФ, Минюста РФ от 27 июня 1996 г. № 416/06-74-125).

Ю. Н. Андреев рассматривает дело и рассчитывает необходимое количество времени на его разрешение с учетом сложности дела:

большой объем (52 тома): коэффициент 1,19 за 5 и более томов (п. 3 табл. 5 Норм нагрузки);

многоэпизодность: при наличии 5 и свыше составов преступления коэффициент 1,44 (п. 2 табл. 5 Норм нагрузки);

количество обвиняемых (12 человек): при наличии 5 и свыше человек коэффициент составляет 1,27 (п. 1 табл. 5 Норм нагрузки);

число потерпевших (13 человек), свидетелей (74 человека): от 21 и более человек коэффициент 1,52 (п. 4 табл. 5 Норм нагрузки);

предъявление обвинений в совершении тяжких преступлений и особо тяжких преступлений (убийство, похищение человека, кража, мошенничество и др.): 15 ч на одно дело, связанное с посягательством на жизнь человека, 16,3 – кража, 17,3 – мошенничество, 9,1 – похищение человека (табл. 2 Норм нагрузки);

множество судебных экспертиз: 1,1 ч на одно отложение дела с назначением судебных экспертиз (табл. 3 Норм нагрузки).

Таким образом, совокупное время на разрешение вышеприведенного дела должно составлять в его разумном видении $52 \times 1,19 + 5 \times 1,44 + 12 \times 1,27 + 87 \times 1,52 + 12 \times (15 + 16,3 + 17,3 + 9,1) = 61,88 + 7,2 + 15,24 + 132,24 + 692,4 = 908,96$ ч, или 113,62 дней при восьмичасовом рабочем дне, т. е. около четырех месяцев, однако оно длилось, как указывает Ю. Н. Андреев, более 11 лет. Явно ненормальная ситуация.

Куда более совершенными выступают правила административной юрисдикции, которые однозначно определяют, что о совершении административного правонарушения составляется протокол (ч. 1 ст. 28.2 КоАП РФ), т. е. одним делом считается ведение производства в отношении одного лица с единой квалификацией одного противоправного действия (бездействия) – ст. 2.1 КоАП РФ. Иное запрещено.

Составление по результатам одной проведенной проверки одного протокола о нескольких незаконных действиях (фактах бездействия), каждое из которых образует самостоятельный состав административного правонарушения, само по себе считается не существенным, но все-таки процессуальным нарушением, которое при опреде-

¹ Решение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. по делу № АКПИ17-898.

ленных обстоятельствах может отрицательно сказаться на правовой позиции административного органа¹.

Протокол о допущенном руководителем юридического лица административном правонарушении не дает оснований привлечь к административной ответственности само юридическое лицо, а протокол в отношении последнего не влечет административного наказания его руководителей или иных работников². При возбуждении согласно ст. 28.2 КоАП РФ в отношении руководителя дела об административном правонарушении к административной ответственности не может быть привлечено юридическое лицо³.

Поскольку прокуратура вынесла одно постановление о возбуждении дела об административном правонарушении сразу по всем фактам нецелевого использования денежных средств без ссылки на совершение организацией 14 самостоятельных правонарушений и без выделения их в самостоятельные составы правонарушения, постановление признано незаконным⁴.

В постановлении ФАС Дальневосточного округа от 28 июля 2011 г. № Ф03-3348/2011 по делу № А59-145/2011 сказано следующее: было заявлено требование об отмене постановления по ч. 1 ст. 18.1 КоАП РФ. Требование удовлетворено, поскольку три однородных правонарушения зафиксированы в одном протоколе, хотя каждое правонарушение должно быть зафиксировано отдельным протоколом.

Итак, КоАП РФ допускается оформление одного протокола в отношении одного лица, совершившего несколько административных правонарушений, но не предусматривается оформление одного протокола по правонарушениям нескольких лиц⁵.

Таким образом, правовая сложность любого (не только уголовного) дела возникает в крайне ограниченном числе случаев, где от субъекта правоприменения (судьи) при разрешении дела требуется прибегнуть к помощи конституционной юстиции (1), или использовать приемы компаративистики в случае применения иностранного права (2), или дать верную трактовку норм иного типа (допустим, провести дифференциацию юридико-нормативной и нормативно-технической сферы регламентации отдельных видов деятельности) (3), т. е. применить самостоятельно специальные гуманитарные знания, отличные от экспертизы.

По запросам судов Конституционным Судом РФ было рассмотрено чуть более 900 дел за все время деятельности этой высшей судебной инстанции (треть века), но суды ежегодно рассматривают около 40 млн дел⁶. Таким образом, доля сложных дел подобной категории составляет 7-7%, что не является даже погрешностью.

Само по себе то обстоятельство, что в деле нужно применять множество правовых актов, не говорит о его сложности, таковы особенности правовой системы России, каждому субъекту правоприменения об этом известно, а если он к такому не готов, то это свидетельствует об отсутствии надлежащей квалификации, но никак не о разумном подходе к судопроизводству.

Далее. Фактическая сложность – «это сложность уже с уголовно-процессуальной и криминалистической точки зрения, когда структура дела сама по себе обыденна, а усложнен ход следствия, например, расследование производится в условиях неочевидности, следственной группой, со значительным количеством версий; лицами, совершившими преступления, использовались умелые методы сокрытия преступной деятельности в ходе ее осуществления, в том числе уничтожение и маскировка следов преступления и других объектов, обладающих криминалистической значимостью; создание ложных следов, криминальных инсценировок и т. д. Заметим, что

¹ Пункт 10 постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях».

² Постановление Президиума ВАС РФ от 24 февраля 2004 г. № 13894/03 по делу № А19-6866/03-26.

³ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22 мая 2008 г. № Ф04-3157/2008(5384-А75-43) по делу № А75-107/2008.

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 ноября 2016 г. № Ф08-7359/2016 по делу № А32-726/2016.

⁵ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 2 марта 2006 г. № Ф08-589/2006-263А по делу № А32-17677/2005-60/414-37АЖ.

⁶ Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносковой по итогам 2024 года. URL: <https://www.vsr.ru/files/34239/> (дата обращения: 19.11.2024).

сложное в правовом смысле дело не всегда сложно фактически, и наоборот, поэтому каждое конкретное дело следует рассматривать исключительно, с учетом всех фактов»¹.

Это понятно. Но у судьи разве те же самые условия осуществления деятельности, и она носит также творческий, поисковый, прорывной характер? Ничего подобного, факты описаны и содержатся в материалах дела, т. е. приходится работать в рамках обычных структур классической логики², делая простые суждения о фактах, были таковые или нет.

Дело может стать фактически сложным, когда необходимо применить к фактам правила неклассической логики (интуиционистской, не содержащей законов исключенного третьего, (снятия) двойного отрицания, косвенного доказательства; парадоксы импликации, релевантную логику; использовать модальные построения (необходимость, возможность, случайность и пр.), а также когда требуются «применение логики времени, описывающей логические связи высказываний, у которых временной параметр включается в логическую форму; паранепротиворечивая логика, не позволяющая выводиться из противоречий все, что угодно; эпистемическая логика, изучающая понятия „опровержимо“, „неразрешимо“, „доказуемо“, „убежден“, „сомневается“ и т. п.; логика предпочтений, имеющая дело с высказываниями, содержащими понятия „лучше“, „хуже“, „равноценно“; логика абсолютных оценок, описывающая логические связи высказываний с абсолютными оценочными понятиями „хорошо“, „плохо“ и „безразлично“; логика изменения, говорящая об изменении и становлении; логика причинности, изучающая логические связи утверждений о причинности, и др.»³.

Если уж быть скрупулезно точным, то в Нормах нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов разумный срок разрешения дела определен с точностью до минуты. Например, судья, рассматривающий дела о посягательстве на жизнь человека, ориентируется на норматив 15 ч, если число подсудимых возрастает, то применяется поправочный коэффициент: двое – 1,06, трое – 1,12, четверо – 1,19, пять и более – 1,27; по гражданским делам специально не категоризованные дела должны быть рассмотрены в течение 9 ч, даже при наличии более 10 лиц норматив увеличивается всего в 1,2 раза (!), факультативные действия, связанные с судебными расходами, разрешаются в течение 0,2 ч. Необходимо учитывать, что нормативы приведены на каждое действие судьи любой инстанции, основное, факультативное, внепроцессуальное, организационное.

Вопрос исчерпан, должен быть снят, дальнейшее обсуждение нормативно установленного периода времени излишне.

Если реагирования на поведение участников процесса, в том числе с применением по отношению к ним мер процессуального принуждения, не требовалось и (или) не состоялось, то не представляется возможным положить названное обстоятельство в основу сложности дела, более того, Нормы нагрузки судей и работников аппарата судов субъектов РФ (утв. постановлением Минтруда РФ, Минюста РФ от 27 июня 1996 г. № 41а/06-74-124) устанавливают соответствующие требования к разумности действий всех участников судопроизводства, определяют нормы времени на надлежащую организацию процесса и реагирования в случае отступления кого-либо от порядка в судебном заседании.

В качестве вариантов недобросовестного поведения участников рассматривают затягивание судебного разбирательства для отсрочки вступления в силу решения суда, а также его исполнения либо извлечения иных преимуществ, необоснованное заявление ходатайств, обжалование судебных актов, предъявление встречного иска, примирительные процедуры без реального намерения разрешить дело, необоснованные или неоднократные отводы суду, злоупотребление правом на защиту (заявление необоснованных жалоб, предоставление недостоверных сведений в отзыве на иск), ссылка на неполучение корреспонденции⁴.

¹ Чистилина Д. О., Делова А. Д. Указ. соч. С. 145.

² Подробнее см.: Бочаров В. А. Аристотель и традиционная логика (Анализ силлогистических теорий). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 136 с.

³ Ивин А. А. Указ. соч. С. 77.

⁴ Горшкова П. А. Недобросовестное поведение участника арбитражного судопроизводства как фактор, влияющий на отправление правосудия в разумный срок // Бизнес, менеджмент и право: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2024. С. 568–574.

Давайте по порядку.

Затягивание разбирательства. Кем именно, одним из участников? Это невозможно, так как судья выступает единственным распорядителем процессуального времени, а извлечение преимуществ из процессуальной деятельности – это способ реализации и (или) защиты субъективного права (законного интереса). Преимущество – это еще не преступление!

Что значит «необоснованное ходатайство»: не устраивающее одну из сторон (участников) или неудобное для суда? Допустим, ответчик, увидев незаверенную копию платежного документа, просит направить запрос о реальном поступлении платежа в банк и налоговый орган. Что здесь неправильно? Суд отказывает, так как документ уже в деле имеется.

Смешно слушать, когда обжалование судебных актов относится к злоупотреблению правом. Не будет величайшей тайной современности, что суд создан как раз для того, чтобы разрешать жалобы.

Неоднократные отводы суду, если заявлены по одному и тому же основанию, да, выступают злоупотреблением правом. А если в первый раз поводом послужило то обстоятельство, что в отношении судьи проводится проверка по факту утраты поступившей от сторон корреспонденции, во второй раз выяснилось, что судья назначен судьей иного суда, а продолжает принимать к производству и рассматривать дела на прежнем месте выполнения должностных обязанностей, в третий раз установлено, что истец ранее была классным руководителем в школе, где училась судья? Никакого злоупотребления правом здесь не прослеживается, так как ангажированные процессы в России запрещены.

Однако безусловно, что предоставление недостоверных сведений в суде, хоть умышленно сфабрикованных, хоть непроверенных, должно пресекаться немедленно и быть наказуемо, но такой фактор не влияет на время судопроизводства непосредственно, а вот несвоевременное представление доказательств таковым является.

Также несомненным нарушением разумного срока судопроизводства выступает необоснованное привлечение третьих лиц в ходе судебного разбирательства в целях его саботирования. Причина даже не в опасениях судьи, что их отсутствие может быть расценено вышестоящей инстанцией как разрешение вопроса о правах и обязанностях лиц, которые не были привлечены к участию в деле; участие именно в таком статусе необходимо для того, чтобы избежать инцидента с процессуальной ложью, ведь третье лицо не несет ответственности по ст. 307 УК РФ, а гражданин, будучи привлеченным в качестве свидетеля или специалиста, может быть подвергнут уголовному преследованию в случае недостоверности (ложности) при даче показаний (заклучений).

Утверждается, что достаточность и эффективность действий властных субъектов судопроизводства – это сугубо субъективное, оценочное обстоятельство, хотя на самом деле все с точностью до наоборот, так как логическая категория *достаточности* хорошо проработана и под ней понимается ситуация, когда «родовое явление (состояние, событие) Р является достаточным условием Q: всякий раз, когда имеется Р, будет иметь место также Q; присутствия (наличия) Р достаточно, чтобы гарантировать присутствие (наличие) Q. Утверждение, что Р является необходимым условием Q, означает, что всякий раз, когда имеется Q, должно быть и Р, т. е. присутствие (наличие) Q требует или предполагает присутствие (наличие) Р»¹. Проще говоря, достаточными называются такие условия, при наличии (выполнении, соблюдении) которых утверждение В является истинным. Суждение Р – достаточное условие суждения Х, когда из (истинности) Р следует (истинность) Х, т. е. в случае истинности Р проверять Х уже не требуется. Для суждений Х типа «объект принадлежит классу М» такое суждение Р называется *признаком* принадлежности классу М².

Таким образом, процессуальный вывод состоится при наличии определенного объема информации, дублировать и перепроверять ее не требуется, иное будет считаться избыточностью, но не достаточностью, следовательно, нарушением права на разумный срок разрешения дела. Проблема возникнет в ситуации, когда неполное

¹ Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр. / пер. с англ.; сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов; общ. ред. Г. А. Рузавина, В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986. 594 с.

² Эдельман С. Л. Математическая логика. М.: Высшая школа, 1975. С. 30.

использование ресурсов привело к неэффективной деятельности объекта аудита эффективности в данной части. При этом располагаемых ресурсов было достаточно для достижения нужных результатов, в том числе достаточно было нормативного регулирования соответствующей сферы отношений¹.

В силу п. 3.7.10 ГОСТ Р ИСО 9000-2015 (Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь) (утв. приказом Росстандарта от 28 сентября 2015 г. № 1390-ст) *эффективность* – соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами. Ее следует отличать от *результативности* (п. 3.7.11) – степени реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов.

Неэффективными являются действия (деятельность), связанные с наличием возможных проблем при формировании и (или) реализации тех или иных документов стратегического планирования, а также с носящими системный характер нарушениями нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения (п. 2.10 Методических рекомендаций по применению аудита эффективности), увеличение общего объема ресурсов, направляемых на достижение результата (п. 3.6), нарушение процедур планирования и распределения ресурсов (п. 4.3), полная замена использованного ресурса (п. 6.7).

Что касается определения размера компенсации, то критерии в законе и доктрина либо не определены, либо не имеют точного содержания, либо ошибочны. Часто выделяют следующие позиции: требования заявителя, вид нарушенного права, обстоятельства дела (своевременность обращения за защитой, правовая сложность, поведение участников процесса, общая продолжительность процесса), длительность нарушения сроков судопроизводства, наступившие последствия, их значимость для лица, обратившегося за компенсацией, справедливость и разумность².

Можно критиковать такой подход, но это непродуктивно, так как нужна формула, позволяющая дать сумму в цифрах, а не только нагромождение оценочных суждений о том, хорошо ли, плохо ли работали властные структуры. В конечном счете «компенсация – это способ правовой защиты и мера юридической ответственности, возмещение причиненного вреда (убытков) в денежном эквивалентном или неэквивалентном виде при невозможности его возмещения в натуре (предоставление взамен уничтоженной (поврежденной) вещи другой вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи и т. п.)»³. В любом случае «денежная компенсация за нарушение разумных сроков рассмотрения судебных (гражданских, уголовных, административных) дел и исполнения судебных актов по искам к казне – это мера гражданско-правовой ответственности государства за нарушение конституционного права физических и юридических лиц на судопроизводство и исполнение судебных актов в разумный срок, на судебную защиту и доступ к правосудию, на юридическое равенство и законность в сфере правосудия (судопроизводства)»⁴. Если уж это мера ответственности, то она должна быть исчисляемой, а не произвольно устанавливаемой.

Первым шагом в этом направлении предлагается установить минимальный размер компенсации⁵, но это вызовет еще больший негативный резонанс, так как самым простым способом будет все время назначать компенсацию именно в этом размере. Формально никаких отступлений от закона не будет, однако будет исключен индивидуальный подход к фактически складывающимся ситуациям.

Приведем примеры такого рода несправедливых решений. Общая продолжительность судопроизводства по уголовному делу составила 5 лет 5 месяцев 11 дней. Вер-

¹ Пункт 6.11 Методических рекомендаций по применению аудита эффективности (утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 28 сентября 2021 г. № 63К (1506)).

² Белицкий В. Ю. К вопросу об определении размера компенсации за нарушение разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 273–277.

³ Андреев Ю. Н. Компенсация за нарушение разумных сроков судопроизводства // Общество. Закон. Правосудие. Научно-практический юридический журнал. 2016. № 1. С. 7–12.

⁴ Золотарев А. П. О компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства // Современное право. 2018. № 4. С. 90–95.

⁵ Колоева Л. А. Рассмотрение дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок: эффективность закона в укреплении дисциплины суда // Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательство в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: ИД «Петролис», 2015. С. 168–180.

ховный Суд РФ считает, что требуемая административным истцом сумма 300 000 руб. является чрезмерной, и определяет размер компенсации равным 70 000 руб. Однако в результате рассмотрения дела в течение столь продолжительного срока административный истец длительное время подвергался мерам процессуального принуждения, многократно был этапирован в суд, подвергался ограничениям, содержанию в следственном изоляторе, в камере, а не в колонии, где имел бы свидания с близкими и возможность осуществления телефонных звонков. Указанное причинило ему моральные страдания, отразившиеся на состоянии его здоровья¹.

Для сравнения: не может быть признан разумным период с 1 августа 2014 г. по 13 марта 2017 г. (с момента начала судебного разбирательства до постановления приговора), составивший 2 года 7 месяцев 13 дней. Судебные заседания до января 2016 г. назначались 1–4 раза в месяц, с января 2016 г. по 13 марта 2017 г. – 1–8 раз в месяц, в связи с чем действия суда в указанный период не были достаточными и эффективными и привели к существенному затягиванию рассмотрения дела. Требуемая административным истцом сумма 1 150 000 руб. чрезмерна, размер компенсации установлен равным 250 000 руб.²

Иначе говоря, при неразумном сроке более 5 лет причитается компенсация в 70 000 руб., а не более трех лет – 250 000 руб. В чем тогда заключается логика расчета компенсационной выплаты? При той же пятилетке в ином деле выплата составила 500 000 руб.³

Компенсация рассматривается либо как возмещение, либо как вознаграждение⁴. Однако в данном контексте компенсация не будет возмещением, так как она не направлена на восполнение имущественных потерь заинтересованного лица и не заменяет собой устранения имущественного вреда, причиненного ему незаконными действиями (бездействием) государственных органов. Присуждение компенсации лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда (ч. 4 ст. 1 Закона о компенсации, ст. 151, 1069, 1070 ГК РФ)⁵.

М. А. Енгибарян совершенно верно подчеркивает, что компенсация – это вознаграждение за определенные заслуги или правомерное поведение, направленные на уравнивание общественных отношений и достижение социальной справедливости⁶. Какого рода это вознаграждение, оговорено в ст. 164 ТК РФ: денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами.

В связи с чем могут быть назначены компенсационные выплаты из-за привлечения кого-либо судом для участия в судебных действиях:

для свидетеля в связи с потерей времени исходя из фактических затрат времени на исполнение обязанностей свидетеля и их среднего заработка; неработающим гражданам, вызываемым в суд в качестве свидетелей, выплачивается денежная компенсация исходя из фактических затрат времени на исполнение обязанностей свидетеля⁷;

для стороны за фактическую потерю времени⁸;

убытки и компенсации в связи с обеспечением иска⁹;

¹ Решение Верховного Суда РФ от 6 июля 2022 г. № АКПИ22-430.

² Решение Верховного Суда РФ от 13 августа 2021 г. по делу № АКПИ21-522.

³ Решение Верховного Суда РФ от 4 декабря 2024 г. № АКПИ24-948.

⁴ Енгибарян М. А. Понятие и значение компенсации // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3. С. 177–182.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

⁶ Енгибарян М. А. Указ. соч. С. 178.

⁷ Часть 3 ст. 70, ч. 2 ст. 95 ГПК РФ, ч. 7 ст. 56, ч. 4 ст. 107 АПК РФ, ч. 12 ст. 51, ч. 2 ст. 108 КАС РФ, постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации».

⁸ Статья 99 ГПК РФ.

⁹ Статья 97 АПК РФ.

имущественная компенсация морального вреда в рамках предъявления гражданского иска¹;

расходы на оплату труда адвоката (компенсируются за счет средств федерального бюджета²) и ряд других.

Поскольку по смыслу Закона о компенсации получателями таковой могут быть лишь субъекты с самостоятельным процессуальным интересом и правовой позицией, то их труд необходимо рассматривать как квалифицированный. Например, необоснованно рассматривать истца, ответчика, третьих лиц и прочих субъектов как свидетелей; поскольку они высказывают свои суждения относительно вопросов права, то минимально их труд должен быть оценен как труд адвоката или иного профессионального представителя.

Так, согласно ст. 57, 126, 129, 135, 136, 139, 144, 152, разд. VII ТК РФ, приказу Минздравсоцразвития России от 29 декабря 2007 г. № 822 «Об утверждении Перечня видов выплат компенсационного характера в федеральных бюджетных, автономных, казенных учреждениях и разъяснения о порядке установления выплат компенсационного характера в этих учреждениях» применим п. 3 Приложения № 1 к приказу Минздравсоцразвития России от 29 декабря 2007 г. № 822: выплаты за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных (при выполнении работ различной квалификации, совмещении профессий (должностей), сверхурочной работе, при выполнении работ в других условиях, отклоняющихся от нормальных).

Разъяснение о порядке установления выплат компенсационного характера в федеральных бюджетных, автономных, казенных учреждениях (Приложение № 2 к названному приказу) определяет «компенсацию» как выплаты компенсационного характера, которые устанавливаются к окладам (должностным окладам), ставкам заработной платы работников, если иное не закреплено в федеральных законах и указах Президента РФ.

Согласно ст. 170 ТК РФ государственный орган или общественное объединение, которые привлекли работника к исполнению государственных или общественных обязанностей, выплачивают работнику за время исполнения этих обязанностей компенсацию в размере, определенном ТК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ либо решением общественного объединения (ч. 2).

В рассматриваемом случае специальные основания и нормы о компенсации за участие в судопроизводстве сверх разумного времени установлены Федеральным законом № 68-ФЗ. Требования о начислении компенсации при выполнении работ различной квалификации, совмещении профессий (должностей), сверхурочной работе, при выполнении работ в других условиях, отклоняющихся от нормальных, и участии в судебных заседаниях (подготовке к судебным заседаниям) сверх нормативного срока, установленного ГПК РФ, должны применяться в совокупности.

Вообще говоря, непонятно, почему возникает сложность или разногласия по данному вопросу. Ведь как только срок судопроизводства превысил нормативный, следует установить доплату исходя из того труда, какой участники судопроизводства выполняют, будучи привлеченными для выполнения государственных обязанностей. Время, потраченное на выполнение обязанностей перед государством, известно, ставки оплаты установлены Правительством РФ, далее необходимо произвести незначительные арифметические операции для того, чтобы установить размер компенсации, никакой неясности нет, достаточно системного применения правовых норм.

Список литературы

Агеева Г. Е., Соловьева А. В. Нужен ли разумный срок в гражданском процессе? // Проблемы теории и юридической практики в России: материалы 14-й междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, специалистов и студентов / отв. ред. А. А. Павлушина. Самара: Самарский гос. экон. ун-т, 2017. С. 5–8.

Андреев Ю. Н. Компенсация за нарушение разумных сроков судопроизводства // Общество. Закон. Правосудие. Научно-практический юридический журнал. 2016. № 1. С. 7–12.

Барышников П. С. Некоторые актуальные проблемы гражданского процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 29–30.

¹ Часть 1 ст. 44 УПК РФ.

² Часть 2.1 ст. 45, ч. 5 ст. 50 УПК РФ.

Белицкий В. Ю. К вопросу об определении размера компенсации за нарушение разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 273–277.

Белякова А. В. Соотношение понятий «своевременность» и «разумный срок судопроизводства» в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Право и экономика. 2014. № 4. С. 74–79.

Билык А. М., Билык Я. М. К вопросу о проблемной технике софизма (ее связь с современным пониманием научной проблемы) // Философские науки. 1989. № 2. С. 114–117.

Бочаров В. А. Аристотель и традиционная логика (Анализ силлогистических теорий). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 136 с.

Брадис В. М., Минковский В. Л., Харчева А. К. Ошибки в математических рассуждениях. 3-е изд. М.: Просвещение, 1967. 191 с.

Васильев Н. А. Логика и металогики // Логос. М.: Тип. Т-ва А. А. Левенсон, 1912–1913. Кн. 1 и 2. С. 53–81.

Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика: учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 528 с.

Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр. / пер. с англ.; сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов; общ. ред. Г. А. Рузавина, В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986. 594 с.

Гаджиев Т. Ф., Беланова Г. О. Разумный срок гражданского судопроизводства: проблемы закрепления и реализации // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 3. С. 477–478.

Горшкова П. А. Недобросовестное поведение участника арбитражного судопроизводства как фактор, влияющий на отправление правосудия в разумный срок // Бизнес, менеджмент и право: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2024. С. 568–574.

Гражданский процесс: учеб. / под ред. М. К. Треушников. М.: Статут, 2014. 960 с.

Егорова Р. Е. Соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела // Евразийская адвокатура. 2022. № 4. С. 68–73.

Енгибарян М. А. Понятие и значение компенсации // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3. С. 177–182.

Закиров Р. Ф. Объективные и субъективные факторы, влияющие на своевременность рассмотрения дела судом и исполнения судебных актов // Правотворчество и применение права: тенденции развития правовых концепций и отраслевых правовых институтов: сб. ст. X Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации. Казань: Отечество, 2023. С. 229–232.

Золотарев А. П. О компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства // Современное право. 2018. № 4. С. 90–95.

Иванова В. В. Разумный срок судопроизводства как имманентная составляющая судопроизводства // Энигма. 2020. № 27-3. С. 47–52.

Ивин А. А. Логика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Изд-во Оникс; Мир и Образование, 2008. 336 с.

Ковалева Е. В., Нугаева Е. В. Развитие государственного земельного контроля на современном этапе (на примере Белгородской области) // Вектор ГеоНаук. 2021. Т. 4. № 4. С. 4–10.

Колоева Л. А. Рассмотрение дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок: эффективность закона в укреплении дисциплины суда // Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательства в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: ИД «Петролис», 2015. С. 168–180.

Курченко В. Н. Критерии разумного срока уголовного судопроизводства: интерпретация судебной практики // Уголовное право. 2024. № 8. С. 68–80.

Литвина Л. М. Разумные сроки уголовного судопроизводства при продлении сроков содержания под стражей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3. С. 112–117.

Лытнева Н. А., Кыштымова Е. А., Киданова Н. Л. Практико-ориентированный подход к планированию внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 1. С. 103–110.

Маковельский А. О. История логики. М.: Кучково поле, 2004. 323 с.

Маркова Н. Л. Обеспечение судопроизводства в арбитражных судах в разумные сроки // Юрист. 2010. № 6. С. 50–54.

Морозов Н. А. О научном значении математических софизмов // Известия научного института им. П. Ф. Лесгафта. 1919. Т. 1. С. 193–207.

Мошев Д. С. Актуальные вопросы понятия и особенностей разумного срока в административном судопроизводстве // Флагман науки. 2024. № 6. С. 711–713.

Мусаева А. Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия права граждан на судебную защиту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 17 с.

Новопашина Н. Н., Карпекина Е. А. Разумный срок судопроизводства: проблемы определения его продолжительности и соблюдения // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 9. С. 278–280.

Новоселов М. М. Софизм // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина*. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 601–602.

Опалев Р. О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, 2008. 234 с.

Пучнина М. В. Разумный срок исполнения судебных актов. Проблемы определения // *Закон и право*. 2016. № 1. С. 167–170.

Смирнова И. Г., Климентьева Ю. Д. Принцип разумного срока в уголовном судопроизводстве // *Научный компонент*. 2023. № 1. С. 19–25.

Соколинская Ю. М. Приостановление производства по гражданскому делу: проблемы разумности процессуальных сроков // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер.: Право. 2013. № 2. С. 184–192.

Стуконого А. И. К вопросу о понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве // *Тенденции развития науки и образования*. 2023. № 97-6. С. 92–94.

Стуконого А. И. Компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в арбитражном процессе // *Тенденции развития науки и образования*. 2023. № 93-5. С. 115–117.

Талиаферро Ч. Доказательство и вера: философия и религия с XVII века до наших дней / пер. с англ. С. С. Пименова, Т. В. Малевич; науч. ред. А. Р. Фокин. М.: Языки славянской культуры, 2014. 584 с.

Формальная логика / отв. ред. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. 357 с.

Чистилина Д. О., Делова А. Д. Разумный срок уголовного судопроизводства: возникновение принципа, практика его реализации и влияние ЕСПЧ // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Сер.: История и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 139–153.

Эдельман С. Л. Математическая логика. М.: Высшая школа, 1975. 176 с.

References

Ageeva G. E., Solov'eva A. V. (2017) Nuzhen li razumnyi srok v grazhdanskom protsesse? [Is a reasonable period of time necessary in civil proceedings?]. In Pavlushina A. A. (Ed.) *Problemy teorii i yuridicheskoi praktiki v Rossii: conference papers*. Samara, Samarskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, pp. 5–8.

Andreev Yu. N. (2016) Kompensatsiya za narushenie razumnykh srokov sudoproizvodstva [Compensation for violation of reasonable time limits of legal proceedings]. In *Obshchestvo. Zakon. Pravosudie. Nauchno-prakticheskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 7–12.

Baryshnikov P. S. (2015) Nekotorye aktual'nye problemy grazhdanskogo protsessa [Some actual problems of civil procedure]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 4, pp. 29–30.

Belitskii V. Yu. (2023) K voprosu ob opredelenii razmera kompensatsii za narushenie razumnogo sroka ugovnogo sudoproizvodstva [On the issue of determining the amount of compensation for violation of a reasonable period of criminal proceedings]. In *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1, pp. 273–277.

Belyakova A. V. (2014) Sootnoshenie ponyatii «svoevremennost'» i «razumnyi srok sudoproizvodstva» v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve [The relationship between the concepts of «timeliness» and «reasonable time for legal proceedings» in civil and arbitration proceedings]. In *Pravo i ekonomika*, no. 4, pp. 74–79.

Bilyk A. M., Bilyk Ya. M. (1989) K voprosu o problemnoi tekhnike sofizma (ee svyaz' s sovremennym ponimaniem nauchnoi problemy) [On the issue of the problematic technique of sophism (its relation to the modern understanding of the scientific problem)]. In *Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 114–117.

Bocharov V. A. (1984) *Aristotel' i traditsionnaya logika (Analiz sillogisticheskikh teorii)* [Aristotle and Traditional Logic (Analysis of syllogistic theories)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 136 p.

Bradis V. M., Minkovskii V. L., Kharcheva A. K. (1967) *Oshibki v matematicheskikh rassuzhdeniyakh* [Errors in mathematical reasoning], 3rd ed. Moscow, Prosveshchenie, 191 p.

Chistilina D. O., Delova A. D. (2023) Razumnyi srok ugovnogo sudoproizvodstva: vzniknovenie printsipa, praktika ego realizatsii i vliyanie ESPCH [Reasonable time for criminal proceedings: the emergence of the principle, the practice of its implementation and the impact on the activities of the ECHR]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya i pravo*, vol. 13, no. 2, pp. 139–153.

Chupakhin I. Ya., Brodskii I. N. (Eds.) (1977) *Formal'naya logika* [Formal Logic]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 357 p.

Edel'man S. L. (1975) *Matematicheskaya logika* [Mathematical logic]. Moscow, Vysshaya shkola, 176 p.

Egorova R. E. (2022) Soblyudenie printsipa razumnogo sroka ugolovnogo sudoproizvodstva na stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela [Observance of the principle of a reasonable period of criminal proceedings at the stage of initiation of a criminal case]. In *Evrasiiskaya advokatura*, no. 4, pp. 68–73.

Engibaryan M. A. (2017) Ponyatie i znachenie kompensatsii [The concept and meaning of compensation]. In *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 3, pp. 177–182.

Gadzhiev T. F., Belanova G. O. (2015) Razumnyi srok grazhdanskogo sudoproizvodstva: problemy zakrepleniya i realizatsii [About a reasonable period of civil proceedings: problems of consolidation and implementation]. In *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike*, no. 3, pp. 477–478.

Gorshkova P. A. (2024) Nedobrosovestnoe povedenie uchastnika arbitrazhnogo sudoproizvodstva kak faktor, vliyayushchii na otpravlenie pravosudiya v razumnyi srok [Unfair behavior of a participant in arbitration proceedings as a factor affecting the administration of justice within a reasonable time]. In *Biznes, menedzhment i pravo: conference papers*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet imeni V. F. Yakovleva, pp. 568–574.

Ivanova V. V. (2020) Razumnyi srok sudoproizvodstva kak immanentnaya sostavlyayushchaya sudoproizvodstva [Reasonable term of legal proceedings as an immanent component of legal proceedings]. In *Enigma*, no. 27-3, pp. 47–52.

Ivin A. A. (2008) *Logika: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Logic: A textbook for university students]. Moscow, Izdatel'stvo Oniks, Mir i Obrazovanie, 336 p.

Koloeva L. A. (2015) Rassmotrenie del o prisuzhdenii kompensatsii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyi srok: effektivnost' zakona v ukreplenii distsipliny suda [Consideration of cases on the award of compensation for violation of the right to judicial proceedings within a reasonable time: the effectiveness of the law in strengthening the discipline of the court]. In *Problemy realizatsii norm, reguliruyushchikh dokazyvanie i dokazatel'stva v grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom sudoproizvodstve: conference papers*. Saint-Petersburg, ID «Petrolis», pp. 168–180.

Kovaleva E. V., Nugaeva E. V. (2021) Razvitie gosudarstvennogo zemel'nogo kontrolya na sovremennom etape (na primere Belgorodskoi oblasti) [Development of state land control at the present stage (on the example of the Belgorod region)]. In *Vektor GeoNauk*, vol. 4, no. 4, pp. 4–10.

Kurchenko V. N. (2024) Kriterii razumnogo sroka ugolovnogo sudoproizvodstva: interpretatsiya sudebnoi praktiki [Criteria for a reasonable period of criminal proceedings: interpretation of judicial practice]. In *Ugolovnoe pravo*, no. 8, pp. 68–80.

Litvina L. M. (2023) Razumnye sroki ugolovnogo sudoproizvodstva pri prodlenii srokov soderzhaniya pod strazhei [Reasonable time limits for criminal proceedings during the extension of detention]. In *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, vol. 14, no. 3, pp. 112–117.

Lytneva N. A., Kyshtymova E. A., Kidanova N. L. (2023) Praktiko-orientirovannyi podkhod k planirovaniyu vnutrennego gosudarstvennogo (munitsipal'nogo) finansovogo kontrolya [A practice-oriented approach to planning internal state (municipal) financial control]. In *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, no. 1, pp. 103–110.

Makovel'skii A. O. (2004) *Istoriya logiki* [The history of logic]. Moscow, Kuchkovo pole, 323 p.

Markova N. L. (2010) Obespechenie sudoproizvodstva v arbitrazhnykh sudakh v razumnye sroki [Ensuring judicial proceedings in arbitration courts within a reasonable time]. In *Yurist*, no. 6, pp. 50–54.

Morozov N. A. (1919) O nauchnom znachenii matematicheskikh sofizmov [On the scientific significance of mathematical sophisms]. In *Izvestiya nauchnogo instituta im. P. F. Lesgafta*, vol. 1, pp. 193–207.

Moshev D. S. (2024) Aktual'nye voprosy ponyatiya i osobennosti razumnogo sroka v administrativnom sudoproizvodstve [Actual issues of the concept and features of a reasonable period in administrative proceedings]. In *Flagman nauki*, no. 6, pp. 711–713.

Musaeva A. G. (2013) *Sudoproizvodstvo v razumnyi srok kak garantiya prava grazhdan na sudebnuyu zashchitu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal proceedings within a reasonable period of time as a guarantee of citizens' rights to judicial protection: an abstract of a candidate of juridical sciences thesis]. Moscow, 17 p.

Novopashina N. N., Karpekina E. A. (2023) Razumnyi srok sudoproizvodstva: problemy opredeleniya ego prodolzhitel'nosti i soblyudeniya [A reasonable period of legal proceedings: problems of determining its duration and compliance]. In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 9, pp. 278–280.

Novoselov M. M. (2010) Sofizm [Sophism]. In Stepin V. S. (Ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 3*, 2nd ed., revised and add. Moscow, Mysl', pp. 601–602.

Opalev R. O. (2008) *Otsenochnye ponyatiya v arbitrazhnom i grazhdanskom protsessual'nom prave* (Evaluation concepts in Arbitration and Civil Procedure Law). Moscow, Volters Kluver, 234 p.

Puchnina M. V. (2016) Razumnyi srok ispolneniya sudebnykh aktov. Problemy opredeleniya [Reasonable time for the execution of judicial acts. Problems of definition]. In *Zakon i pravo*, no. 1, pp. 167–170.

Smirnova I. G., Kliment'eva Yu. D. (2023) Printsip razumnogo sroka v ugolovnom sudoproizvodstve [The principle of reasonable time in criminal proceedings]. In *Nauchnyi komponent*, no. 1, pp. 19–25.

Sokolinskaya Yu. M. (2013) Priostanovlenie proizvodstva po grazhdanskomu delu: problemy razumnosti protsessual'nykh srokov [Suspension of proceedings in a civil case: problems of reasonableness of procedural deadlines]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, no. 2, pp. 184–192.

Stukonog A. I. (2023) K voprosu o ponyatii razumnogo sroka v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the issue of the concept of a reasonable time in civil proceedings]. In *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 97-6, pp. 92–94.

Stukonog A. I. (2023) Kompensatsiya za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyi rok v arbitrazhnom protsesse [Compensation for violation of the rights to legal proceedings within a reasonable time in the arbitration process]. In *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 93-5, pp. 115–117.

Taliaferro Ch. (2014) *Dokazatel'stvo i vera: filosofiya i religiya s XVII veka do nashikh dnei* [Proof and faith: Philosophy and Religion from the 17th century to the present day], transl. from English by S. S. Pimenova, T. V. Malevich, ed. by A. R. Fokin. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 584 p.

Treushnikov M. K. (Ed.) (2014) *Grazhdanskii protsess: uchebnik* [Civil procedure: textbook]. Moscow, Statut, 960 p.

Vasil'ev N. A. (1912–1913) Logika i metalogika [Logic and metalogics]. In *Logos*. Moscow, Tipografiya Tovarishchestva A. A. Levenson, books 1 and 2, pp. 53–81.

Voishvillo E. K., Degtyarev M. G. (2001) *Logika: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Logic: a textbook for university students]. Moscow, VLADOS-PRESS, 528 p.

Vrigh G. Kh. fon (1986) *Logiko-filosofskie issledovaniya: izbrannye trudy* [Logical and Philosophical Studies: selected works], transl. from English by V. A. Smirnov, ed. by G. A. Ruzavin, V. A. Smirnov. Moscow, Progress, 594 p.

Zakirov R. F. (2023) Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory, vliyayushchie na svoevremennost' rassmotreniya dela sudom i ispolneniya sudebnykh aktov [Objective and subjective factors influencing the timeliness of the court's consideration of a case and the execution of judicial acts]. In *Pravotvorchestvo i primeneniye prava: tendentsii razvitiya pravovykh kontseptsii i otraslevykh pravovykh institutov: conference papers*. Kazan', Otechestvo, pp. 229–232.

Zolotarev A. P. (2018) O kompensatsii za narusheniye razumnykh srokov sudoproizvodstva [On compensation for violation of reasonable time limits of legal proceedings]. In *Sovremennoye pravo*, no. 4, pp. 90–95.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.12.2024

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025

УДК / UDC 343

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_39

О НЕКОТОРЫХ РЕАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Глушков Максим Рудольфович

Старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции (Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0003-3964-6784, e-mail: glushkov.mr@mail.ru.

В статье скептически оцениваются некоторые сложившиеся в правовом сообществе взгляды на возможности применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Негативная тенденция состоит в том, что эти возможности воспринимаются с крайних позиций: либо явно недооцениваются (и тогда высокопроизводительные вычислительные мощности предлагается применять для решения примитивных задач), либо на них возлагаются неоправданные надежды (задачи при этом масштабны и абстрактны). Предлагаются практически востребованные и конкретные направления использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: расчет нагрузки на следователя и автоматизация протоколирования допросов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, нейросети, Digital Twins, Big Data, Crimeserieslinkage, расчет нагрузки на следователей, автоматическое протоколирование допросов, транскрибирование

Для цитирования: Глушков М. Р. О некоторых реальных возможностях применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 39–46. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_39.

ABOUT SOME REAL POSSIBILITIES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Glushkov Maxim

Senior lecturer, Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, colonel of justice (Saint-Petersburg), ORCID: 0000-0003-3964-6784, e-mail: glushkov.mr@mail.ru.

The article critically evaluates some of the views that have developed in the legal community on the possibilities of using artificial intelligence in criminal proceedings. The negative trend is that these capabilities are perceived from extreme positions – either they are clearly underestimated (and then high-performance computing power is proposed to be used to solve primitive tasks), or unjustified hopes are placed on them (when the tasks differ in scale and abstract nature). Practically demanded and specific directions of using artificial intelligence in criminal proceedings are proposed: calculating the burden on the investigator and automating the recording of interrogations.

Key words: artificial intelligence, criminal proceedings, neural networks, Digital Twins, Big Data, Crimeserieslinkage, calculation of the workload of investigators, automatic recording of interrogations, transcription

For citation: Glushkov M. (2025) About some real possibilities of using artificial intelligence in criminal proceedings. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 39–46, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_39.

Мы в глупом положении человека, рвущегося
к цели, которой он боится, которая ему не нужна...

Станислав Лем

Искусственному интеллекту (ИИ) в уголовном судопроизводстве посвящено немало работ, однако их изучение свидетельствует о том, что авторы понимают данный феномен, в общем, обывательски: как подобие волшебной палочки, взмахом которой решаются любые проблемы. Отсюда – преобладание абстрактных суждений и отсутствие конструктивных идей.

Так, утверждается, что «...искусственный интеллект вполне способен взять на себя роль такого фильтра (для отсева недоброкачественной, а значит, и потенциально недостоверной информации. – М. Г.). При собирании доказательств следователь всегда получит от виртуальной системы сигнал, если сведения получены не путем проведения следственных действий или с нарушением правил их производства, если они собраны ненадлежащим субъектом или из не установленных в законе источников»¹. Вопрос, возникающий по поводу такой публикации, состоит даже не в том, каким именно образом сама система должна понять, что ей пора подавать сигналы, а в том, почему искусственному интеллекту (раз уж он способен на такое волшебство) не поручить сразу расследование дела в полном объеме и направление его прокурору?

Нужно учитывать, что по своей сути ИИ – это «всего лишь» небывалые вычислительные мощности современных компьютеров, настолько высокие, что в них может быть заложен алгоритм «самообучения», что воплощается сейчас в так называемых нейросетях (еще одно броское название и маркетинговый ход для продвижения программного продукта). Но каким бы производительным ни был компьютер, он все равно остается вычислителем и ничем иным никогда не будет. Перед ИИ требуется ставить конкретные задачи, его нельзя просто включить в розетку и «поднести» к уголовному судопроизводству, чтобы дальше он сам каким-то образом все улучшил.

Авторы, которые это понимают, нередко уходят, однако, в другую крайность и недооценивают возможности цифровых технологий, предлагая ставить перед ними задачи, с одной стороны, действительно конкретные, но с другой – явно несопоставимые с этими возможностями.

Так, предлагается решать проблему недостаточной мотивированности решений следователя о применении мер пресечения (прямо скажем, не самую актуальную) с помощью программы, которая «предусматривала бы определенные „кодовые слова“, отсутствие которых блокировало бы распечатку немотивированного решения или ходатайства следователя, понуждая его быть более точным при составлении таких документов»². Сложно представить, в каких формах могла бы протекать борьба следователя с компьютером, отказывающимся печатать документы, но как раз в этом случае можно прогнозировать превосходство обычного интеллекта над искусственным.

Другая «проблема», решить которую рекомендуется с помощью ИИ, «связана с несвоевременным, запоздалым признанием лиц потерпевшими. Цифровая программа могла бы содержать определенный таймер: если в заявлении, в постановлении о возбуждении уголовного дела содержится информация о том, кому и какой причинен вред, это лицо имеет право быть признанным потерпевшим, и программа могла бы постоянно напоминать следователю о необходимости незамедлительно произвести такое действие»³. Неясно, почему автор исходит из убеждения о том, что непризнание потерпевшим обуславливается забывчивостью следователя (на самом деле это всегда сознательный ход), но даже в этом случае спорно выглядит идея о возложении функций простой «напоминалки» на систему, способную синтезировать голос и динамическое изображение человека, неотличимые от настоящих.

Еще одно направление, в котором предлагается использовать ИИ, можно условно именовать криминалистическим (приведенные выше точки зрения касались процессуальных аспектов). В качестве примера здесь следует привести экспертную систему

¹ Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 31.

² Воскобитова Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 46.

³ Там же.

«Маньяк», разработанную для поддержки принятия решений при раскрытии серийных убийств, совершенных на сексуальной почве. Она осуществляет разработку наиболее вероятной версии о типе преступника с ограничением круга лиц, подлежащих проверке на причастность к преступлению¹. НИИ криминалистики Следственного комитета РФ в 2021 г. запатентовало компьютерную программу Crimeserieslinkage, предназначенную для построения поисковых портретов серийных преступников, выявления в массиве нераскрытых деяний тех, что носят серийный характер, и установления наиболее вероятного подозреваемого из числа лиц, учтенных в базе данных о преступниках (так называемой *приоритезации* подозреваемого)².

Сходная современная технология – цифровой двойник (Digital Twins). Это синхронизированная виртуальная модель любых объектов, систем, людей, процессов и сред, имитирующая внутренние процессы, технические характеристики и поведение реального объекта в условиях воздействия помех и окружающей среды. Цифровой двойник отслеживает прошлое, предсказывает будущее и является обучаемой системой, состоящей из комплекса математических моделей разного уровня сложности³. Цифровой двойник, например, серийного убийцы будет формироваться с учетом его устойчивого криминального почерка, по которому можно установить однотипность жертв, стереотипность преступных действий, орудия, способа и обстановки его совершения, а также характера нанесенных телесных повреждений, ранений и иных признаков, отобразившихся в следовой информации⁴.

Применение технологии Big Data (обработки больших массивов данных) позволит, как ожидается, повышать достоверность и точность рекомендаций для производства следователем тех или иных действий в конкретной следственной ситуации. Более того, в зависимости от практического результата использования каждой такой рекомендации искусственный интеллект может самообучаться и повышать их достоверность. Например, если производство предложенного им следственного действия не приведет к получению нового доказательства, то он «отметит» для себя это действие как неудачное, а если будет положительный результат, то как удачное⁵.

В отдельных учебных изданиях можно встретить такое утверждение: «При расследовании конкретного уголовного дела в компьютер автоматизированного рабочего места следователь в диалоговом режиме вводит сведения о составе и способе преступления, предмете преступного посягательства, потерпевшем и др. После обработки на дисплей выдаются рекомендации, которые могут быть использованы в планировании расследования, позволяют сгруппировать данные по эпизодам и по участникам, подсказывают, как осуществить конкретное следственное действие, произвести поиск и сопоставление эпизодов, фамилий, кличек, дат и пр.»⁶ Приведенные выше рекомендации не учитывают, однако, того важного обстоятельства, что компьютерной программе, какой бы совершенной она ни была, требуются исходные данные, которые она смогла бы обчислить. А для следователя, занимающегося версионной работой, проблема состоит как раз в острой нехватке таких данных.

Вместо того чтобы анализировать отрывочные сведения, из которых может следовать все что угодно, и выстраивать на них абстрактные версии, следователю нужно концентрироваться на получении новых фактов. Это делается путем производства следственных и процессуальных действий, на которые у следователя подчас просто не хватает времени в силу загруженности другой работой. Эта работа в большинстве

¹ Бутышкин И. А., Вольскас А. С. Искусственный интеллект в праве // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (24–25 февраля 2022 года, Москва – Красноярск). Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2022. С. 37.

² Бессонов А. А. Использование технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений: преимущества и ограничения // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики: материалы конф. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. С. 118–124.

³ Новогонская М. С., Федоров А. Р., Федоров П. А. Высокотехнологичное моделирование как метод выявления серийных убийц // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы. С. 189.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Малина М. А. Указ. соч. С. 31.

⁶ Криминалистика: учеб. 2-е изд., испр., доп. и перераб. / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

своем техническая и рутинная, такая, например, как копирование материалов уголовного дела, доклады о результатах расследования, выезд в экспертное учреждение, представление уголовного дела в прокуратуру или следственное управление.

Большой и ничем не оправданный объем неквалифицированной работы, которую приходится выполнять следователю, – вот главная проблема досудебного производства по уголовным делам в нашей стране. Соответственно, основная задача по совершенствованию предварительного расследования состоит в снижении этого объема.

Следствие продвигается вперед, опираясь на факты, а не на рассуждения (хотя нередко и на них тоже). Это не значит, что мыслительная работа следователя неважна или что раскрытие и расследование преступлений должно осуществляться только «ногами». Это значит, что разработки всевозможных интеллектуальных помощников для следователя, который тратит по несколько часов на то, чтобы подшить уголовное дело с помощью архаичных приспособлений, скопировать и отнести документы в суд, отвезти запрос в батальон конвойной службы и т. д., выглядят не вполне уместно (не говоря уже о результативности и перспективах этих разработок, вызывающих большие вопросы).

Важно учитывать это соображение: не от творческой и когнитивной работы нужно стремиться освободить следователя, а от технической и рутинной, в отсутствие которой, располагая необходимым временем, с когнитивными задачами он справится сам. Пока же приходится констатировать настойчивые и необъяснимые попытки оптимизировать работу, на которую приходится максимум 5 % временных затрат следователя, в сочетании с полным игнорированием остальных 95 %.

С учетом изложенного не вполне оправданной выглядит рекомендация о том, чтобы ИИ «подсказывал» следователю, какие следственные действия обычно производятся в данной типовой ситуации¹, или о том, чтобы компьютер составлял для допроса перечень исходных вопросов, был «участником» беседы, помогал следователю в управлении разговором, осуществлял оперативный анализ ответов и корректировал мысль следователя².

То же касается судей, хоть и в меньшей степени: большой объем рутинной работы для них выполняют помощники и секретари. Поэтому спорным представляется предлагаемое для них подспорье в виде калькулятора размеров наказания. Однако более подробное рассмотрение этой проблемы, лежащей преимущественно в плоскости уголовного права и криминологии, выходит за рамки данной статьи.

Надо сказать, что вопросы вызывает также не вполне понятная закрытость упомянутых «криминалистических» методик: из посвященных им публикаций невозможно понять, какое именно программное обеспечение призвано их реализовать, на каких алгоритмах оно основано и каковы его возможности – не потенциальные, о которых пишут в сослагательном наклонении, а действительные, которые можно посмотреть на примере конкретных уголовных дел³.

Возвращаясь к теме данной публикации, отметим также, что об этих методиках, нацеленных на раскрытие преступления, едва ли можно говорить как о применении ИИ в уголовном судопроизводстве, по крайней мере, если воспринимать последнее в его буквальном значении, а именно как юридическую процедуру.

Если говорить о раскрытии преступления (установлении лица) с помощью ИИ, то правовая дискуссия по этому поводу, как представляется, лишена перспективы, поскольку эта деятельность практически никак не регламентирована и допускает применение любых технологий, методов и средств любой сложности и в любом качестве. У такой дискуссии просто не будет предмета (поскольку говорить можно о чем угодно – от таблиц Excel до тех же баз данных и алгоритмов распознавания лиц) или же он будет иметь сильно «размытые» границы, неуклонно смещаясь в сторону технических дисциплин. От дискуссии нужно отличать обмен положительным опытом раскрытия и расследования преступлений с помощью информационных технологий, который целесообразен и необходим, учитывая их многообразие и повсеместное распространение.

¹ Малина М. А. Указ. соч. С. 31.

² Пржиленский В. И. Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 131.

³ Едва ли можно обнаружить правдоподобную информацию о раскрытии преступлений исключительно с помощью создаваемых для этого компьютерных программ.

Возможности ИИ оказались превратно восприняты не только в уголовном судопроизводстве. Так, эксперты опровергают в целом технологический прорыв, связанный с появлением нейросетей¹. Известно, что по результатам сравнения роста на рынке с 2021 по 2023 г. акций «обычных» компаний и компаний, специализирующихся на развитии искусственного интеллекта, показатели вторых оказались существенно хуже².

Считается, что применение нейросетей «обоснованно для решения узкого круга задач и для еще более узкого круга практически полезных задач³. Фактическое применение ИНС⁴ далеко выходит за рациональные рамки, а информационный шум во круг этого применения вовсе неадекватен»⁵.

Действительно, компьютер, каким бы мощным он ни был, не может поставить себе цель и определить задачи. Это всегда будет делать человек, а машина была и останется лишь исполнителем заложенной в нее программы. Поэтому и пресловутая способность нейросетей к «самообучению» имеет место лишь до какого-то предела. Говорить о компьютерных технологиях в уголовном судопроизводстве можно, лишь имея в виду постановку перед ними конкретных и узких задач. И хоть уголовное судопроизводство многообразно и заменить действующих в нем людей технологии, вероятно, никогда не смогут, отдельные его элементы вполне могут быть формализованы, оценены количественно и подвергнуты математическим преобразованиям.

Чтобы в какой-то мере компенсировать деструктивное звучание предшествующего текста, по принципу «критикуешь – предлагай» далее приводятся примеры конструктивного подхода к роли искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

Первая проблема, которая могла бы быть решена с помощью вычислительных технологий, – это точный расчет нагрузки на следователей. Выполнить его, учитывая все разнообразие профессии, очень непросто, никто этого и не делает, что представляется упущением, поскольку работа должностных лиц, решающих судьбы людей, заслуживает большего внимания. Направленное в суд уголовное дело – это, бесспорно, простой и ясный показатель, но о затратах и заслугах следователя не говорит даже приблизительно. Еще меньше говорит число разрешенных отказных материалов, число дел, находившихся в производстве, и т. д. Точнее было бы ориентироваться на совокупность показателей, но, учитывая их разный вес, без сложной системы коэффициентов она окажется столь же неинформативной⁶.

В информационную систему может быть также заложена функция автоматического распределения уголовных дел и сообщений о преступлениях между следователями – взамен ручного, которое субъективно и к тому же являет собой коррупциогенный фактор. Здесь, с одной стороны, можно возразить, что ни одна система не знает лучше руководителя о возможностях каждого из следователей, их сильных и слабых сторонах (кто-то лучше расследует преступления против личности, кто-то – хозяйственные, кому-то интереснее работа с людьми, кому-то – аналитическая и т. д.), но с другой – автоматическое не значит случайное. В систему нетрудно заложить данные о профессиональных предпочтениях и заслугах следователя (через категории преступлений, данные об опыте расследования предыдущих уголовных дел, результаты психологического тестирования, анкетирования и т. д.). И тем более возможно программными средствами посчитать объем выполненной работы. Все необходимые данные для этого у системы будут: статья УК РФ, количество обвиняемых, количество следственных и процессуальных действий, объем времени, проведенный в системе,

¹ Ученые Стэнфорда считают, что возможности ИИ переоценены и зависят от человека // SecurityLab. URL: <https://www.securitylab.ru/news/537999.php> (дата обращения: 22.12.2023).

² Иван Грачев: «Вес влияния цифрового интеллекта на прогресс сильно переоценен» // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/614888> (дата обращения: 22.12.2023).

³ Упомянув о победах компьютера над чемпионами мира по шахматам (Гарри Каспаровым в 1997 г.) и го (Ли Седоном в 2016 г.), автор отмечает, что от искусственного интеллекта ожидалось нечто большее, нежели успехи в настольных играх.

⁴ Искусственные нейронные сети.

⁵ Павлов Д. А. Искусственные нейросети в контексте науки и образования // Компьютерные инструменты в образовании. 2017. № 6. С. 30.

⁶ Глушков М. Р. О некоторых преимуществах электронного судопроизводства // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики. С. 205.

и т. д. В отличие от руководителя, который, даже действуя из благих побуждений, на грузку прикидывает все равно «на глазок».

Равномерное распределение нагрузки – действенный фактор здорового психологического климата в коллективе, когда сотрудники видят непредвзятое и справедливое отношение к себе. Особенно он значим в коллективе следователей, которые сами – на переднем крае борьбы с несправедливостью и призваны действовать активно и беспристрастно.

Обратим внимание, что автоматическое распределение уголовных дел представляет собой не что иное, как процессуальное решение, принятое информационной системой, которая в данном случае забирает часть полномочий руководителя следственного органа (согласно п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ именно он вправе поручать подчиненным следователям расследование конкретных уголовных дел, а также изымать их из производства и передавать другим следователям)¹.

Второе перспективное направление – составление протоколов допросов по их аудиозаписи. Распознавание голосов и звучащей речи, преобразование ее в текст (транскрибирование) – давно освоенные технологии. Из этого текста потребуются убрать повторы, слова-паразиты и междометия, не несущие смысловой нагрузки. Выделить в высказывании ключевые слова и расставить их в том порядке, в каком требуют правила русского языка и официальный стиль протокола, программа, вероятно, сможет. По крайней мере, те возможности искусственного интеллекта, что демонстрируют современные смартфоны, позволяют это допустить. На этапе «обучения» программы потребуется вводить в компьютер составленные ею пока несовершенные протоколы, исправленные следователем, с тем чтобы она «понимала», как правильно.

В целом эта задача представляется крайне трудной, но выполнимой – именно потому, что она конкретная и узкая (см. выше). Едва ли нужно доказывать ее важность – допросы являются самым распространенным следственным действием, следователи проводят их ежедневно по несколько раз, а времени на протоколирование в типичном случае тратится в разы больше, чем собственно на допрос, т. е. получение показаний (правдоподобным представляется соотношение $\approx 80 : 20$).

Если грубо посчитать экономию времени от применения такого продвинутого транскрайбера, то счет пойдет, очевидно, на миллионы человеко-часов в год (это только для следователей СК России²). Один миллион часов (только один) при 40-часовой рабочей неделе – это 500 высвобожденных сотрудников, что называется, по самым скромным подсчетам³. Более доходчивой будет другая арифметика: реалистичные расчеты показывают, что автоматическое протоколирование допросов экономит для следователя как минимум 1/10 его рабочего времени (опять-таки полезного). Это означает, что каждый день он мог бы уходить с работы на полтора-два часа раньше.

В заключение обозначим еще раз идею, красной нитью идущую сквозь статью: перспективы применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве туманны и останутся таковыми до тех пор, пока обсуждение предмета будет отвлеченным и абстрактным. Слова профессора Снаута из «Соляриса», вынесенные в эпиграф, звучат, возможно, слишком сильно, но мысль автора (не исключено, впрочем, что ошибочную) передают ясно: в правовом сообществе много пишут об искусственном интеллекте, но не знают, что с ним делать. Едва ли можно уклониться от вопроса о причинах такого положения дел. Как представляется, одной из них является тот факт, что российский уголовный процесс в нынешнем своем виде невосприимчив к внедрению информационных технологий. Качественно улучшить ситуацию, сделав судопроизводство технологичным и эффективным, возможно лишь через реформу законодательства, основу которой составят электронное уголовное дело и электронный документооборот.

Как именно потребуются изменить законодательство – это отдельный вопрос, но покуда оно остается прежним, никакой революции в судопроизводстве технологии не произведут. Как не произвели в начале 2000-х гг., когда начиналась компьютериза-

¹ Глушков М. Р. Указ. соч. С. 203–204.

² Чуть менее 10 тыс. человек.

³ Транскрайбер экономит не рабочее время вообще, из которого складываются эти 40 часов в неделю, а полезное – время, в течение которого работник занят делом.

ция органов прокуратуры и внутренних дел¹. А то был действительный прорыв, скачкообразный рост возможностей, по сравнению с которым теперешний прогресс – это, как сказали бы классики советской сатиры, детская игра в крысу. Если иметь в виду доступную для практиков вычислительную технику, то сейчас, в эпоху ИИ, можно говорить, что более производительные процессоры заменяют собой менее производительные, в то время как в начале нулевых годов компьютеры заменили собой ничто (если не считать технологиями авторучки и пишущие машинки).

Список литературы

Бессонов А. А. Использование технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений: преимущества и ограничения // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики: материалы конф. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. С. 118–124.

Бутышкин И. А., Вольскас А. С. Искусственный интеллект в праве // Высотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (24–25 февраля 2022 года, Москва – Красноярск). Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2022. С. 33–39.

Воскобитова Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 34–51.

Глушков М. Р. О некоторых преимуществах электронного судопроизводства // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики: материалы конф. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. С. 194–208.

Криминалистика: учеб. 2-е изд., испр., доп. и перераб. / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 29–32.

Новогонская М. С., Федоров А. Р., Федоров П. А. Высотехнологичное моделирование как метод выявления серийных убийц // Высотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (24–25 февраля 2022 года, Москва – Красноярск). Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2022. С. 188–192.

Павлов Д. А. Искусственные нейросети в контексте науки и образования // Компьютерные инструменты в образовании. 2017. № 6. С. 25–30.

Пржиленский В. И. Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 125–132.

References

Bessonov A. A. (2022) Ispol'zovanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestuplenii: preimushchestva i ogranicheniya [The use of artificial intelligence technologies in crime investigation: advantages and limitations]. In *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya tekhniko-kriminalisticheskogo i ekspertnogo soprovozhdeniya rassledovaniya prestuplenii, sopryazhennykh s ispol'zovaniem sredstv vychislitel'noi tekhniki. Tsifrovye tekhnologii sovremennoi kriminalistiki: conference papers*. Moscow, Sledstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii, pp. 118–124.

Butyshkin I. A., Vol'skas A. S. (2022) Iskusstvennyi intellekt v prave [Artificial intelligence in law]. In *Vysokotekhnologichnoe pravo: genezis i perspektivy: conference papers*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, pp. 33–39.

Glushkov M. R. (2022) O nekotorykh preimushchestvakh elektronnoho sudoproizvodstva [About some advantages of electronic legal proceedings]. In *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya tekhniko-kriminalisticheskogo i ekspertnogo soprovozhdeniya rassledovaniya prestuplenii, sopryazhennykh s ispol'zovaniem sredstv vychislitel'noi tekhniki. Tsifrovye tekhnologii sovremennoi kriminalistiki: conference papers*. Moscow, Sledstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii, pp. 194–208.

Ishchenko E. P., Toporkov A. A. (2010) Kriminalistika: uchebnik [Criminalistics: textbook], 2nd ed. Moscow, KONTRAKT, INFRA-M. In *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

Malina M. A. (2021) Tsifrovizatsiya rossiiskogo ugovnogo protsessa: iskusstvennyi intellekt dlya sledovatelya ili vmesto sledovatelya [Digitalization of the Russian criminal process: artificial intelligence for the investigator or instead of the investigator]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 2, pp. 29–32.

Novogonskaya M. S., Fedorov A. R., Fedorov P. A. (2022) Vysokotekhnologichnoe modelirovanie kak metod vyyavleniya seriinykh ubiits [High-tech modeling as a method of identifying serial killers]. In

¹ Нельзя сказать, что на этом этапе закон не менялся – с 1 июля 2002 г. начал действовать ни много ни мало новый Уголовно-процессуальный кодекс. Он привнес немало новшеств в уголовное судопроизводство, но формат расследования оставил бумажным.

Vysokotekhnologichnoe pravo: genezis i perspektivy: conference papers. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, pp. 188–192.

Pavlov D. A. (2017) *Iskusstvennye neiroseti v kontekste nauki i obrazovaniya* [Artificial neural networks in the context of science and education]. In *Komp'yuternye instrumenty v obrazovanii*, no. 6, pp. 25–30.

Przhilenskij V. I. (2020) *Opyt matematizatsii prirody v tsifrovizatsii ugovnogo sudoproizvodstva* [The experience of mathematization of nature in the digitalization of criminal proceedings]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 6, pp. 125–132.

Voskobitova L. A. (2020) *Ispol'zovanie funktsional'nogo podkhoda dlya tsifrovizatsii ugovnogo sudoproizvodstva* [Using a functional approach to digitalize criminal proceedings]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, no. 10, pp. 34–51.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.12.2024

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025

УДК / UDC 343

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_47

ГАРМОНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГРУБЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ РФ (ст. 264.1–264.3 УК РФ)

Щетинина Наталья Валерьевна

Профессор кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-4013-0216, e-mail: shchetinina.74@mail.ru.

Первухин Александр Сергеевич

Преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-7761-9237, e-mail: ann.alexandr@mail.ru.

В статье описываются проблемы, вызванные казуистичным подходом законодателя к конструированию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за грубые нарушения ПДД РФ (ст. 264.1–264.3 УК РФ). По мнению авторов, действующая редакция названных статей создает условия для нарушения принципов справедливости и равенства, а также снижает эффективность уголовно-правовой политики в борьбе с грубыми нарушениями ПДД РФ и их последствиями. Формулируется вывод о необходимости консолидации указанных составов преступлений в единичных сложных составах преступлений с административной и уголовной преюдицией с альтернативными признаками.

Ключевые слова: транспортное преступление, состав преступления, административная преюдиция, принцип справедливости, принцип равенства, правила дорожного движения

Для цитирования: Щетинина Н. В., Первухин А. С. Гармонизация уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за грубые нарушения Правил дорожного движения РФ (ст. 264.1–264.3 УК РФ) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 47–54. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_47.

HARMONIZATION OF CRIMINAL LAW NORMS PROVIDING FOR LIABILITY FOR GROSS VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES OF THE RUSSIAN FEDERATION (Art. 264.1–264.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Shchetinina Natalya

Professor, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, associate professor, ORCID: 0000-0003-4013-0216, e-mail: shchetinina.74@mail.ru.

Pervukhin Alexandr

Lecturer, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-7761-9237, e-mail: ann.alexandr@mail.ru.

The article describes the problems caused by the casual approach of the legislator to the construction of criminal law norms providing for liability for gross violations of traffic regulations of the Russian Federation (Art. 264.1–264.3 of the Criminal Code). According to the authors, the current version of these articles creates conditions for violating the principles of justice and equality, and also reduces the effectiveness of criminal law policy in combating gross violations of traffic laws of the Russian Federation and their consequences. The conclusion is formulated about the need to

consolidate these types of crimes into single complex crimes with administrative and criminal prejudice with alternative signs.

Key words: transport crime, corpus delicti, administrative prejudice, principle of justice, principle of equality, traffic rules

*For citation: Shchetinina N., Pervukhin A. (2025) Harmonization of criminal law norms providing for liability for gross violations of Traffic rules of the Russian Federation (Art. 264.1–264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 47–54, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_47.*

На протяжении последнего десятилетия уголовно-правовая политика в сфере безопасности дорожного движения ужесточалась, что, в частности, выразилось в криминализации грубых нарушений Правил дорожного движения РФ (далее – ПДД РФ), совершенных лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость за аналогичные нарушения. В действующей редакции уголовного закона отдельными статьями предусмотрена ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ), нарушение ПДД РФ лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (ст. 264.2 УК РФ), управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.3 УК РФ).

В науке уголовного права немало исследований посвящено вопросам обоснованности криминализации грубых нарушений ПДД РФ, соблюдения правил при конструировании составов перечисленных преступлений, а также применения норм, предусматривающих ответственность за их совершение. Однако объектом большинства исследований выступает уголовная ответственность за отдельное грубое нарушение ПДД РФ. В связи с этим проблемы, обусловленные казуистичным подходом законодателя к конструированию составов преступлений, предусмотренных названными статьями уголовного закона, остаются малоизученными.

Первая проблема вызвана нарушением одного из правил конструирования составов преступлений – недопустимости избыточных составов преступлений, приводящих к удвоению наказания¹. Проявляется она при оценке общественной опасности деяний, в которых усматриваются признаки более одного состава транспортного преступления, содержащего административную или уголовную преюдицию (далее – преюдирующие преступления): общественная опасность личности учитывается дважды.

Общественная опасность преюдирующего преступления обуславливается деянием и общественной опасностью личности – суммой «зарядов» общественной опасности, которые они несут. С помощью математического выражения сказанное можно представить следующим образом:

Общественная опасность преюдирующего преступления = ООД + ООЛ,

где ООД – «заряд» общественной опасности деяния, ООЛ – «заряд» общественной опасности личности.

Данная формула «соблюдается» при изолированной оценке общественной опасности отдельно взятого преюдирующего транспортного преступления. Однако все меняется при попытке оценить общественную опасность деяний, совершенных одновременно или за короткий промежуток времени и содержащих признаки более одного состава преюдирующего транспортного преступления.

Так, приговором Ковылкинского районного суда Республики Мордовия от 8 февраля 2023 г. по делу № 1-15/2023 И. осужден по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, ч. 1 ст. 264.2 УК РФ. Из текста приговора следует, что И. управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Заметив патрульный автомобиль ДПС, И. предпринял попытку скрыться, чтобы избежать ответственности, и допустил выезд в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения. В момент совершения преступления И. был лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транс-

¹ Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: моногр. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Проспект, 2023. С. 124, 128.

портным средством в состоянии алкогольного опьянения лицом, лишенным права управления транспортным средством (ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ), и за выезд в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное нарушение (ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ). По ч. 1 ст. 264.1 УК РФ И. было назначено наказание в виде обязательных работ сроком на 300 ч с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на два года; по ч. 1 ст. 264.2 УК РФ – в виде обязательных работ сроком на 300 ч с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на два года. Окончательное наказание было назначено путем частичного сложения в виде обязательных работ сроком на 400 ч с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на два года восемь месяцев.

В приведенном примере при оценке общественной опасности совершенных преступлений «заряд» общественной опасности личности учитывался дважды:

$$\text{Суммарная общественная опасность} = (\text{ООД}_1 + \text{ООЛ}) + (\text{ООД}_2 + \text{ООЛ}),$$

где ООД_1 – «заряд» общественной опасности первого деяния; ООД_2 – «заряд» общественной опасности второго деяния; ООЛ – «заряд» общественной опасности личности.

Общественная опасность личности в случае с преюдирующими преступлениями подразумевает наличие интенции на совершение деяний, создающих угрозу или причиняющих вред однородным общественным отношениям. Познается она через общественно опасное поведение – совокупность юридически значимых противоправных актов, в качестве которых выступают предикатные административные правонарушения и деяние, составляющее объективную сторону преюдирующего преступления¹. Совершенные одновременно или за короткий промежуток времени несколько грубых нарушений ПДД РФ действительно в совокупности несут большой «заряд» общественной опасности. Это свидетельствует о большей общественной опасности личности. Однако необходимо учитывать, что ст. 264.1–264.3 УК РФ «примыкают» друг к другу и расположены в одной главе, как и нормы административно-деликтного права, которые предусматривают ответственность за совершение предикатных для них административных правонарушений. Следовательно, можно предположить, что объект этих составов преступлений и предикатных для них правонарушений совпадает. Значит, совершение любого нарушения ПДД РФ, составляющего объективную сторону преступлений, предусмотренных указанными статьями, свидетельствует об интенции личности на совершение деяний, создающих угрозу причинения вреда однородной группе общественных отношений. В связи с этим правильнее будет констатировать наличие большей общественной опасности личности, но не ее «удвоение» (дублирование). Другими словами, общественная опасность должна определяться суммой «зарядов» общественной опасности, которые в себе несут деяния и повышенная общественная опасность личности:

$$\text{Суммарная общественная опасность} = \text{ООД}_1 + \text{ООД}_2 + \text{ПООЛ},$$

где ООД_1 – «заряд» общественной опасности первого деяния; ООД_2 – «заряд» общественной опасности второго деяния; ПООЛ – «заряд» повышенной общественной опасности личности.

Таким образом, в действующей редакции статьи, предусматривающие ответственность за совершение преюдирующих транспортных преступлений, создают условия для нарушения принципа справедливости, потому как общественная опасность личности учитывается дважды.

Следующая проблема также обусловлена нарушением одного из правил конструирования составов преступлений, согласно которому он должен быть непробельным (требование полноты состава)². Заключается она в том, что некоторые вариации общественно опасного поведения, которые проявляют общественную опасность личности, остаются за рамками действия уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преюдирующие транспортные преступления.

¹ Мирошниченко Д. В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование: моногр. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 64.

² Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. С. 141.

Например, допущенный дважды выезд в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления обладает предкриминальной общественной опасностью в том смысле, что следующее аналогичное деяние или превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч будет признаваться преступлением, предусмотренным ст. 264.2 УК РФ. Но если вместо этого лицо, например, допустит управление транспортным средством в состоянии опьянения, которое не охватывается объективной стороной ст. 264.2 УК РФ, то его действия будут квалифицированы по соответствующим статьям административно-деликтного законодательства (ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ). Вместе с этим очевидно, что управление транспортным средством в состоянии опьянения не в меньшей степени проявляет общественную опасность личности, чем превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч или выезд на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления. Следовательно, любое из этих деяний при преюдиции должно влечь уголовную ответственность.

Указанный законодательный пробел, во-первых, приводит к снижению эффективности уголовно-правовой политики в борьбе с грубыми нарушениями ПДД РФ, потому как часть де-факто общественно опасных деяний остаются за пределами действия уголовного закона; во-вторых, создает условия для нарушения принципа равенства граждан и справедливости. Выражается это в том, что отдельные лица, которые проявляют общественную опасность, не несут заслуженного наказания.

Выход видится в консолидации уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 264.1–264.3 УК РФ, в рамках составов единичных сложных преступлений с административной и уголовной преюдицией с альтернативными признаками. При этом законодателю не следует строго определять последовательность и комбинацию деяний, составляющих общественно опасное поведение.

Данное решение представляется перспективным в связи с тем, что такие составы позволяют исключить искусственную совокупность преступных деяний¹, обеспечить единую оценку, как правило, функционально близких или взаимосвязанных вариантов преступного поведения, способных совершаться в устойчивом сочетании, а также беспробельность правового регулирования уголовной ответственности за совершение преступления².

Конструирование составов преступлений с альтернативными признаками не должно носить спонтанный характер. В качестве значимых условий, при соблюдении которых допустимо их конструирование, называются следующие:

1) альтернативные признаки должны иметь однородный характер и близкую степень общественной опасности³;

2) состав преступления с альтернативными признаками должен охватывать распространенные, устойчивые и взаимосвязанные варианты криминального поведения⁴.

Общественно опасное поведение в случае с преступлениями, предусмотренными ст. 264.1–264.3 УК РФ, составляют:

1) управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами;

2) управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения;

3) невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения;

¹ Сальников Н. В. Преступления с альтернативными признаками состава: уголовно-правовая характеристика, проблемы правовой оценки и законодательной регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 83; Чикин Д. С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 117.

² Мусина Р. Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 250.

³ Мусина Р. Р. Указ. соч. С. 254; Сальников Н. В. Указ. соч. С. 155; Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 313; Чикин Д. С. Указ. соч. С. 118.

⁴ Сальников Н. В. Указ. соч. С. 155; Чикин Д. С. Указ. соч. С. 119.

4) превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 км/ч, но не более 80 км/ч;

5) превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 80 км/ч;

6) выезд в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления.

Факты совершения одновременно или за короткий промежуток времени указанных выше деяний встречаются достаточно часто. Об этом свидетельствуют статистические данные о дорожно-транспортной аварийности. Так, в 2023 г. только количество ДТП, связанных с выездом на полосу встречного движения, совершенных водителями, находившимися в состоянии опьянения либо отказавшимися от прохождения медицинского освидетельствования, составило 1959, а водителями, лишенными права управления транспортными средствами, – 233. В том же году с участием водителей, имеющих признаки опьянения и лишенных права управления, было зафиксировано 964 ДТП¹. Можно предположить, что количество фактов, когда водители допускают одновременно или за короткий промежуток времени несколько деяний, указанных выше, объединенных единым умыслом, с учетом их латентности значительно больше.

Определить распространенность различных вариантов общественно опасного поведения в зависимости от комбинации и последовательности совершаемых деяний затруднительно. Однако исключить хотя бы один из них невозможно.

Особое внимание следует обратить на то, что деяния из приведенного перечня, совершенные в различной последовательности и комбинации, не обладают криминальной общественной опасностью, но при этом в равной степени проявляют общественную опасность личности. Они имеют единое функциональное предназначение. Будучи деяниями, составляющими общественно опасное поведение, они служат индикатором общественной опасности личности.

Из сказанного следует, что управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами или находящимся в состоянии опьянения, невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 км/ч, выезд в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления могут совершаться в устойчивом сочетании и составлять общественно опасное поведение в любой последовательности и комбинации, выполняя при этом единую функцию – индцировать общественную опасность личности.

Сложнее разрешить вопрос о наличии или отсутствии «критической» разницы в общественной опасности указанных деяний. Если их рассматривать вне связи с общественной опасностью личности, то по своим признакам они совпадают с признаками составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 12.7, чч. 1, 3 ст. 12.8, чч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15, ст. 12.26 КоАП РФ. Следовательно, изучать характер и степень их общественной опасности можно и опираясь на нормы административно-деликтного законодательства.

Повторимся, что названные статьи расположены в гл. 12 КоАП РФ («Административные правонарушения в области дорожного движения»). Можно констатировать, что деяния, составляющие общественно опасное поведение лица, при совершении им преступлений, предусмотренных ст. 264.1–264.3 УК РФ, посягают на одни и те же общественные отношения, а значит, по характеру общественной опасности не отличаются. На это же указывает «соседствующее» расположение ст. 264.1–264.3 УК РФ в рамках гл. 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта».

Несколько сложнее определить различия в степени их общественной опасности. Отражение ее законодательной оценки можно определить, также обратившись к нормам административно-деликтного законодательства. Общественная опасность деяния и строгость санкций коррелируют: чем строже наказание, тем выше законо-

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/5767457> (дата обращения: 19.01.2025).

дательная оценка общественной опасности правонарушения. Разница в строгости санкций отражает отличие в общественной опасности.

Одним из основных индикаторов, указывающих на наличие или отсутствие существенных отличий в общественной опасности правонарушений, может служить вид наказания, предусмотренного санкцией. В административно-деликтном законодательстве, как и в уголовном, перечень наказаний, предусмотренный ст. 3.2 КоАП РФ, имеет определенную последовательность: сначала идут менее, а затем более суровые¹.

Если сравнивать санкции чч. 1, 3 ст. 12.8, чч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15, ст. 12.26 КоАП РФ, придерживаясь данной логики, то можно констатировать наличие ощутимого отличия в степени их общественной опасности. За совершение большинства нарушений ПДД РФ санкции предусматривают наиболее строгое наказание в виде лишения права управления транспортными средствами или административного ареста. Выделяется на их фоне санкция ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ, которая в качестве наиболее строгого вида наказания предусматривает обязательные работы. Подробнее см. в Таблице.

Норма КоАП РФ	Наиболее строгое наказание
Часть 4 ст. 12.9 (превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 км/ч, но не более 80 км/ч)	Лишение права управления транспортными средствами на срок от 4 до 6 месяцев
Часть 4 ст. 12.15 (выезд в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления)	
Часть 5 ст. 12.9 (превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 80 км/ч)	Лишение права управления транспортными средствами на срок 6 месяцев
Часть 1 ст. 12.8 (управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния)	Лишение права управления транспортными средствами на срок от 1 года 6 месяцев до 2 лет
Часть 1 ст. 12.26 (невыполнение водителем транспортного средства законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, если такие действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния)	
Часть 3 ст. 12.8 (управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния)	Административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток
Часть 2 ст. 12.26 (невыполнение водителем транспортного средства, не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами, законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, если такие действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния)	
Часть 2 ст. 12.7 (управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами)	Обязательные работы на срок от 100 до 200 ч

¹ Андреев Д. С. Строгость административного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2018. № 2. С. 223.

Мы полагаем, что критической разницы в степени общественной опасности анализируемых деяний, препятствующей конструированию составов преюдирующих транспортных преступлений (с административной и уголовной преюдицией) с альтернативными признаками, нет.

Большинство санкций в качестве наиболее строгого вида наказания предусматривают лишение права управления транспортными средствами (чч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15, ч. 1 ст. 12.8, ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ) и административный арест (ч. 3 ст. 12.8, ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ). Указанные наказания соседствуют в иерархии наказаний в ст. 3.2 КоАП РФ, что свидетельствует об ощутимой, но не критической разнице в степени общественной опасности. Кроме того, строить суждения, отталкиваясь только от видов наказаний, предусмотренных санкциями, было бы не совсем верно. Строгость наказания определяется не только его видом, но и размером. Поэтому разница кажется не столь большой.

Отдельного внимания заслуживает ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами. В качестве наиболее строгого вида наказания за совершение данного административного правонарушения предусмотрены обязательные работы, которые (судя по расположению в ст. 3.2 КоАП РФ) существенно строже, чем лишение права управления транспортными средствами и административный арест. Однако, на наш взгляд, законодательная оценка общественной опасности данного деяния гипертрофирована. В этом можно убедиться, если сравнить количество ДТП, совершенных водителями в состоянии опьянения и лишенными права управления транспортными средствами, а также тяжесть их последствий. Так, в 2023 г. по вине водителей, лишенных права управления транспортными средствами, было совершено 1630 ДТП; тяжесть последствий составила 12,5. За тот же период по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения, было совершено 3133 ДТП; тяжесть последствий составила 15,8¹. Из приведенных статистических данных следует, что управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения (ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ), как минимум не уступает по степени общественной опасности управлению транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами (ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ).

Непросто разрешить вопрос о степени сходства (отличия) «заряда» общественной опасности личности. Для этого необходимо проанализировать возможные варианты общественно опасного поведения через призму трех характеристик: качественной (определяется общественной опасностью деяний, составляющих общественно опасное поведение), количественной (соответствует количеству юридически значимых правонарушений, составляющих общественно опасное поведение) и временной (определяется предельным временным периодом, в течение которого возможно привлечение лица к уголовной ответственности за совершение преюдирующего преступления). Конфигурация каждой из них влияет на «заряд» общественной опасности личности. Однако в нашем случае сравнивать необходимо лишь качественную характеристику, т. е. общественную опасность деяний, составляющих поведение, потому как построение состава преюдирующего транспортного преступления с альтернативными признаками предполагает приведение количественной и временной характеристик к единому знаменателю.

Выше была аргументирована позиция об отсутствии критических отличий в общественной опасности деяний, выраженных в управлении транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами или находящимся в состоянии опьянения, невыполнении водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, превышении установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 км/ч, выезде в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления. Следовательно, не будет таких отличий в «зарядах» различных вариантов общественно опасного поведения при условии совпадения их количественных и временных характеристик, а следовательно, и общественной опасности личности.

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор.

Сказанное в совокупности позволяет сделать вывод о необходимости и допустимости консолидации уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 264.1–264.3 УК РФ в рамках единичных сложных составов преюдицирующих транспортных преступлений (с административной и уголовной преюдицией) с альтернативными признаками. Это устранил условия для нарушения принципов справедливости и равенства, а также позволит повысить эффективность уголовно-правовой политики в борьбе с грубыми нарушениями ПДД РФ.

Список литературы

Андреев Д. С. Строгость административного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2018. № 2. С. 217–232.

Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: моногр. / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Проспект, 2023. 352 с.

Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 462 с.

Мирошниченко Д. В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование: моногр. М.: Юрлитинформ, 2022. 208 с.

Мусина Р. Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 250–254.

Сальников Н. В. Преступления с альтернативными признаками состава: уголовно-правовая характеристика, проблемы правовой оценки и законодательной регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 245 с.

Чикин Д. С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 189 с.

References

Andreev D. S. (2018) Strogost' administrativnogo nakazaniya [Severity of administrative punishment]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, no. 2, pp. 217–232.

Chikin D. S. (2013) *Slozhnye edinichnye prestupleniya (ugolovno-pravovaya kharakteristika, problemy kvalifikatsii i zakonodatel'nogo konstruirovaniya): dis. ... kand. yurid. nauk* [Complex single crimes (criminal and legal characteristics, problems of qualification and legislative construction): a candidate of legal science thesis]. Krasnodar, 189 p.

Ivanchin A. V. (2014) *Kontseptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The conceptual foundations of the construction of the corpus delicti: a doctor of legal sciences thesis]. Yaroslavl, 462 p.

Ivanchin A. V. (2023) *Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika: monografiya* [Constructing the corpus delicti: theory and practice: monography]. Moscow, Prospekt, 352 p.

Miroshnichenko D. V. (2022) *Prejuditsiya v ugolovnom prave Rossii: teoretiko-prikladnoye issledovanie: monografiya* [Prejudice in Russian criminal law: theoretical and applied research: monography]. Moscow, Yurлитinform, 208 p.

Musina R. R. (2011) K voprosu ob osnovaniyakh i sposobakh formulirovaniya sostavov prestuplenii s al'ternativnymi priznakami ob'ektivnoi storony [On the question of the grounds and methods of formulating the elements of crimes with alternative signs of the objective side]. In *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, no. 3, pp. 250–254.

Sal'nikov N. V. (2023) *Prestupleniya s al'ternativnymi priznakami sostava: ugolovno-pravovaya kharakteristika, problemy pravovoi otsenki i zakonodatel'noi reglamentatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes with alternative elements of composition: criminal law characteristics, problems of legal assessment and legislative regulation: a candidate of legal science thesis]. Moscow, 245 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2025

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЗАСТРОЙЩИКА В РОЛИ РУКОВОДИТЕЛЯ ДЕВЕЛОПЕРСКОГО ПРОЕКТА

Коган Денис Игоревич

Заместитель руководителя проекта, ГК «Смайнэкс» (Москва), ORCID: 0009-0006-8620-2376, e-mail: deniskogan@yahoo.com.

Рассматривается институт субсидиарной ответственности генерального директора специализированного застройщика в контексте девелоперских (строительных) проектов в России. Субсидиарная ответственность представляет собой дополнительный механизм защиты прав участников и кредиторов в рамках создания объекта недвижимости. Субсидиарная ответственность применяется при невозможности удовлетворения требований за счет имущества юридического лица, в чьей ответственности находится обязанность по созданию объекта недвижимости. Основное внимание уделено юридическим и экономическим аспектам, которые связаны с привлечением генеральных директоров к субсидиарной ответственности, в том числе на основании положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и ст. 399 Гражданского кодекса РФ. Анализируется механизм применения субсидиарной ответственности к руководителям специализированных застройщиков, а также проблема применения такой ответственности в контексте устоявшейся практики в девелоперской и строительной отраслях, в которых зачастую должности генеральных директоров специализированных застройщиков в составе крупных холдингов и групп компаний занимают не настоящие директора или основатели юридического лица, а сотрудники по найму, исполняющие обязанности руководителей девелоперских проектов, обладающие признаками номинальных директоров специализированных застройщиков и выполняющие приказы высшего руководства и бенефициаров. Поднимается вопрос о необходимости модернизации российского законодательства в части института субсидиарной ответственности, а также предлагаются пути решения проблемы привлечения к такому виду ответственности неквалифицированных лиц.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, специализированный застройщик, генеральный директор, номинальный директор, руководитель проекта, девелоперский проект

Для цитирования: Коган Д. И. Субсидиарная ответственность генерального директора специализированного застройщика в роли руководителя девелоперского проекта // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 55–62. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_55.

SUBSIDIARY LIABILITY OF THE GENERAL DIRECTOR OF A SPECIALIZED DEVELOPER ACTING AS A PROJECT MANAGER

Kogan Denis

Deputy Head of Project, Sminex Group (Moscow), ORCID: 0009-0006-8620-2376, e-mail: deniskogan@yahoo.com.

The article examines the institute of subsidiary responsibility of the general director (CEO) of a specialized developer in the context of development (construction) projects in Russia. Subsidiary liability is an additional mechanism for protecting rights of participants and creditors within the framework of the creation of a real estate object. Subsidiary liability is applied when it is impossible to satisfy claims at the expense of the property of the legal entity responsible for the creation of the real estate

object. The main attention is paid to the legal and economic aspects related to the involvement of general directors in subsidiary liability, including on the basis of the provisions of Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» and Art. 399 of the Civil Code of the Russian Federation. The mechanism of applying subsidiary responsibility to the heads of specialized developers is analyzed. The article also analyzes the problem of applying subsidiary responsibility to managers in the context of established practices in the development and construction industries, in which the positions of general directors of specialized developers in large holdings and groups of companies are often occupied not by real directors or founders of a legal entity, but by employees acting as managers of development projects who have the characteristics of nominee directors of specialized developers and execute orders of senior management and beneficiaries. The question of the need to modernize Russian legislation in terms of the institution of subsidiary liability is raised, and ways are proposed to solve the problem of bringing unqualified persons to this type of liability.

Key words: subsidiary liability, specialized developer, general director, nominal director, project manager, development project

*For citation: Kogan D. (2025) Subsidiary liability of the general director of a specialized developer acting as a project manager. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnal»*, no. 3, pp. 55–62, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_55.*

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц, а именно генеральных директоров специализированных застройщиков, приобретает все большую актуальность в нынешних условиях сложной экономической ситуации, планомерного роста числа процедур банкротства в строительной отрасли. Так, за три квартала 2024 г. количество корпоративных банкротств возросло более чем на 20 % относительно аналогичного периода 2023 г. (6032 против 5069 соответственно)¹. Также увеличению числа банкротств организаций в девелоперской и строительной отраслях в 2025 г. будет способствовать существенное изменение программы льготной ипотеки в России в 2024 г. Данное изменение снизило и продолжит снижать спрос на покупку жилья в новостройках, особенно в массовом сегменте эконом- и комфорт-класса. Во втором полугодии 2024 г. продажи новостроек снизились на 20 %². Огромное влияние оказывает и ключевая ставка Центрального банка РФ, которая на конец 2024 г. составляла 21 %³. Это способствует высоким ставкам кредитования, в том числе в рамках проектного финансирования, что увеличивает кредитную нагрузку на организации.

Перечисленные факторы повышают риск банкротств в будущем среди организаций строительной отрасли, в частности специализированных застройщиков. Все это приведет к неисполнению их обязанностей перед приобретателями недвижимости в рамках Федерального закона № 214-ФЗ, что в свою очередь поспособствует привлечению генеральных директоров специализированных застройщиков к субсидиарной ответственности.

Ответственность юридического лица (в рамках статьи под ним понимаются специализированные застройщики) представляет собой возможность данного лица отвечать по взятым на себя обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Гражданский кодекс РФ устанавливает общее правило, что учредитель либо собственник не отвечают по обязательствам юрлица и наоборот. Однако если несостоятельность юрлица вызвана действиями учредителей и (или) собственников имущества юридического лица либо лиц, которые имеют право определять его действия, то на таких лиц в случае недостаточности имущества юрлица может накладываться субсидиарная ответственность по всем его обязательствам⁴.

¹ Статистический релиз Федресурса: офиц. сайт. URL: <https://download.fedresurs.ru/files/%D0%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%209%20%D0%BC%D0%B5%D1%81%202024.pdf> (дата обращения: 27.01.2025).

² Индикаторы рынка недвижимости: сайт. URL: <https://www.irm.ru/news/159082-domrf-prodazhi-novostroevo-vtorom-polugodii-2024.html/> (дата обращения: 27.01.2025).

³ Центральный Банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/ (дата обращения: 27.01.2025).

⁴ Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть: учеб. для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 435 с.

Субсидиарная ответственность – это форма гражданско-правовой ответственности, при которой дополнительное обязательство по возмещению долгов или убытков должника несет третье лицо (субсидиарный должник) при условии, что сам должник оказался неспособен полностью удовлетворить требования кредиторов. В российском праве субсидиарная ответственность регулируется нормами ст. 399 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает принцип дополнительной ответственности третьего лица, и детализируется в Федеральном законе № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В рамках последнего субсидиарная ответственность часто применяется к контролирующим должника лицам, в том числе генеральным директорам, участникам и учредителям или иным лицам, фактически оказывающим влияние на действия должника.

Рассмотрим определения субсидиарной ответственности, данные в научных публикациях и литературе: «Субсидиарная ответственность означает дополнительную ответственность лица, каким-либо образом связанного с основным нарушителем (должником), который не в состоянии выполнить основные функции гражданско-правовой ответственности»¹; «Субсидиарная ответственность возникает как в случае неспособности основного должника (причинителя вреда, убытков) возместить этот вред (убытки) в полном объеме, так и по иным основаниям. Она действует при наступлении оснований и условий, установленных нормативными правовыми актами и/или договором»². Стоит непременно отметить, что в институте субсидиарной ответственности предусматривается презумпция виновности контролирующего лица³. К слову, аналогичные механизмы существуют также в зарубежной практике. Например, в США применяется механизм «*piercing the corporate veil*», а в Великобритании – «*wrongful trading*»⁴.

Теперь необходимо дать определение специализированного застройщика. Согласно Федеральному закону № 214-ФЗ⁵ «специализированный застройщик – юридическое лицо, занимающееся строительством и продажей жилья по правилам Федерального закона № 214-ФЗ от 30 декабря 2004 года „Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости“». Данный Федеральный закон устанавливает требования к застройщикам, реализующим проекты с привлечением средств дольщиков, обязывает специализированных застройщиков открывать счета эскроу для защиты средств дольщиков, а также прописывает процедуру раскрытия информации специализированным застройщиком. К особенностям специализированного застройщика можно отнести то, что он создается для реализации одного проекта недвижимости. Это позволяет ограничить риски для всех участников долевого строительства в силу того, что средства данного юридического лица используются только для одного заявленного проекта. Специализированные застройщики обязаны раскрывать проектную и финансовую документацию, а их деятельность контролируется уполномоченными органами. Также при реализации проекта недвижимости для специализированных застройщиков могут устанавливаться различные требования к собственному капиталу. И, самое важное, средства дольщиков защищены банком, специализированный застройщик сможет их получить (раскрыть эскроу-счет) только после получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию.

После того как были раскрыты основные понятия, необходимо перейти к роли генерального директора специализированного застройщика, имеющего особый статус: это контролирующее лицо, которое обязуется обеспечивать выполнение обяза-

¹ Кулис Л. А. Субсидиарная ответственность как разновидность гражданско-правовой ответственности // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2023. № 1. С. 207–208.

² Беспалов Ю. Ф. Субсидиарная ответственность по гражданскому и семейному законодательству РФ: моногр. / Ю. Ф. Беспалов, А. Ю. Беспалов, А. Ю. Касаткина; отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2021. С. 5–14.

³ Ритер А. Ю. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-1. С. 167–171.

⁴ Santos A., Ananti D. Application of piercing the corporate veil in investment law // The International Journal of Politics and Sociology Research. 2024. 11(4). P. 465–471.

⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

тельств перед участниками долевого строительства согласно Федеральному закону № 214-ФЗ, где указано: «Лицо, в том числе бенефициарный владелец, имеющее фактическую возможность определять действия застройщика, в том числе возможность давать указания лицу, осуществляющему функции единоличного исполнительного органа, или члену коллегиальных органов управления застройщика, несет субсидиарную ответственность с застройщиком за убытки, причиненные по их вине гражданам – участникам долевого строительства».

Ключевыми основаниями для привлечения данного лица к ответственности являются:

- 1) необоснованное сокращение активов компании;
- 2) заключение сделок, наносящих ущерб кредиторам;
- 3) фиктивное или преднамеренное банкротство.

Перечислим риски и последствия для генерального директора специализированного застройщика при привлечении к субсидиарной ответственности:

- а) обязанность погашения долгов специализированного застройщика за счет личного имущества, а также имущества родственников;
- б) дисквалификация на срок до трех лет (ст. 14.12 КоАП РФ);
- в) уголовное преследование по ст. 196 УК РФ («Преднамеренное банкротство»).

При этом для снижения рисков генеральные директора специализированных застройщиков обязаны соблюдать следующие рекомендации:

- 1) вести бухгалтерский и управленческий учет с максимальной прозрачностью;
- 2) проводить регулярный аудит деятельности специализированного застройщика;
- 3) избегать сомнительных сделок, особенно с аффилированными лицами;
- 4) обеспечивать качественное взаимодействие с дольщиками, инвесторами и контрагентами.

Все перечисленные пункты дают понять, за какие нарушения генеральный директор специализированного застройщика может привлекаться к субсидиарной ответственности, какие риски он может нести, а также какие мероприятия выполнять, чтобы не попасть под субсидиарную ответственность. Как описывалось ранее, специализированный застройщик создается в рамках реализации одного девелоперского проекта и является лишь одним из многих юридических лиц, входящих в группу компаний (ГК) или холдинг¹. Например, в составе топ-10 крупнейших застройщиков по объему строительства в РФ на январь 2025 г. находится следующее количество юрлиц, включая специализированных застройщиков: ГК «А101» – 9, ЛСР – 18, ГК «ССК» – 18, ГК «ТОЧНО» – 19, ДОГМА – 22, ГК «Страна Девелопмент» – 21, Брусника – 22, ФСК – 58, ГК «Самолет» – 79, ГК «ПИК» – 128². Таким образом, в одной группе компаний может быть несколько десятков генеральных директоров специализированных застройщиков. На практике же данные генеральные директора исполняют роли руководителей девелоперских проектов в составе своего специализированного застройщика. Эти руководители проектов, будучи официальными генеральными директорами специализированных застройщиков, в реальности являются наемными сотрудниками группы компаний, куда входит их юридическое лицо. На практике эти руководители проектов не принимают единолично ключевых решений в рамках юридического лица и девелоперского проекта, а исполняют приказы непосредственного руководства и руководителей высшего звена (топ-менеджеров), неся полную ответственность в рамках действий их специализированного застройщика. К слову, руководители высшего звена официально могут быть трудоустроены в абсолютно любое юридическое лицо в составе группы компаний, даже в юрлицо своего подчиненного руководителя проекта, по совместительству генерального директора, который будет подписывать им отпуска и дополнительные соглашения о повышении заработной платы к их действующим трудовым договорам. Отсюда можно сделать вывод, что на практике такой генеральный директор, исполняющий роль руководителя девелоперского проекта, имеет признаки номинального директора специализированного застройщика.

¹ Петухов С. В. Особенности субсидиарной ответственности контролирующих лиц в сфере недвижимости // Юрист. 2023. № 8. С. 7–11.

² Единый ресурс застройщиков: сайт. URL: <https://erzrf.ru/top-zastroyshchikov/rf?topType=0&date=250101> (дата обращения: 27.01.2025).

Номинальный генеральный директор – это лицо, официально зарегистрированное в качестве руководителя организации, однако фактически не выполняющее управленческих функций и не принимающее решений, связанных с деятельностью организации. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53¹ «номинальный руководитель» определен как «руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление». Можно сделать вывод, что основным признаком «номинального руководителя» выступает неоказание фактического влияния на деятельность организации².

Следует отметить многочисленные примеры привлечения к ответственности (возмещение убытков, субсидиарная ответственность) номинальных руководителей организаций. Так, Г. М. Мкртчян в статье «Ответственность номинальных руководителей за долги юридического лица» приводит случаи из практики, где привлекались не только реальные директора организации, но и номинальные. Например, в постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2018 г. № 17АП2251/2018-АК по делу № А60-54141/2015 были солидарно привлечены к ответственности реальный и номинальный директора, нанесенный организации ущерб составил 12 496 000 руб.³ Рассмотрев практику привлечения номинальных руководителей, можно сделать вывод, что данные лица в силу низкой юридической грамотности не понимают объема возложенных на них формальных обязанностей, которые связаны с занимаемой должностью в организации. Поэтому данные лица легко соглашаются за определенную плату выполнять поручения фактических бенефициаров организации⁴.

В отличие от номинального директора организации, руководитель проекта, будучи официальным генеральным директором специализированного застройщика, вряд ли сможет доказать в суде, что он номинал, который ничего не подозревал. В реальности руководитель девелоперского проекта выполняет роль управленца в рамках своего проекта, контролирует ход его реализации, следит за финансовой моделью и бюджетом, участвует в процедурах закупок, проводит встречи, в том числе в органах власти, ведет переписку, в частности по электронной почте, и, самое главное, подписывает официальные документы. Одним словом, данное лицо принимает ключевое участие на различных этапах жизненного цикла проекта, будь то градостроительная подготовка земельного участка, проектирование, строительство и т. п. Однако такой руководитель проекта (генеральный директор) не всегда принимает решения, особенно по наиболее важным для проекта вопросам, так как эти вопросы решаются высшим руководством группы компаний. Например, этим решением может быть выбор в рамках тендерной процедуры той или иной подрядной организации либо индивидуального предпринимателя, который может помочь по важному вопросу с последующим проведением и согласованием оплаты за услуги. Руководитель проекта, будучи генеральным директором юридического лица, получая достойную плату, как правило, выше рынка, будет обязан подписывать все необходимые документы, исполняя волю реальных бенефициаров в интересах своего девелоперского проекта и группы компаний. В итоге доказать номинальное участие практически невозможно, поскольку такой генеральный директор в роли руководителя проекта являлся наемным сотрудником и был обязан принимать активное участие в работе по проекту.

Юридическая компания «Арбитраж.ру» проводила обзор судебной практики привлечения контролирующих должника лиц специализированных застройщиков к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. На первое полугодие 2022 г. 58,4 % дел были удовлетворены и контролирующие должника лица были привлечены к субсидиарной ответственности⁴. Остается открытым следующий вопрос:

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

² Москвин Г. А. Номинальный директор: ответственность и последствия // Юридический факт. 2022. № 176. С. 20–22.

³ Мкртчян Г. М. Ответственность номинальных руководителей за долги юридического лица // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 94–100.

⁴ Савченко Д. М. Привлечение КДЛ застройщика к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Обзор судебной практики // Арбитраж.ру: сайт. 2022. 14 дек. URL: <https://arbitrageru.legal/analytics/view/kdl-so/> (дата обращения: 28.01.2025).

сколько из этих 58,4 % были привлечены к субсидиарной ответственности не потому, что они недобросовестно выполняли обязанности руководителей организации либо были номинальными директорами, а из-за своей недалековидности и низкой юридической грамотности? Как показывает практика, институт субсидиарной ответственности не разделяет должностных лиц на номинальных, недобросовестных и малограмотных.

О. В. Гутников в исследовании «Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа» четко указывает, что в рамках реформы гражданского законодательства нормам о субсидиарной ответственности надлежащего внимания уделено не было. Признана лишь специфика субсидиарной ответственности в законодательстве о юридических лицах, а непосредственно реформации самого института субсидиарной ответственности либо ввода каких-либо норм не предполагалось. В результате нормы о субсидиарной ответственности в законодательстве, регулирующем деятельность юридических лиц, характеризуются отсутствием системности и вызывают множество вопросов как теоретического, так и практического характера. В законодательстве о юридических лицах отсутствуют и общие положения, регулирующие субсидиарную ответственность в корпоративных отношениях. В юридической науке и законодательстве до сих пор не сформировано единого подхода к определению юридической природы субсидиарной ответственности и ее разновидностей. Общие нормы ГК РФ не дают ответа на ключевые вопросы, связанные с порядком применения субсидиарной ответственности, включая характер и объем требований, которые кредитор вправе предъявить субсидиарному должнику¹.

Выводы

Можно утверждать, что на практике сложились две реальности. С одной стороны, институт субсидиарной ответственности развивается и применяется, все больше недобросовестных руководителей организаций привлекается к ответственности². С другой стороны, данный институт далеко не идеален и нуждается в значительной реформации.

В рассматриваемой в статье отрасли сложилась удобная для конечных бенефициаров практика найма людей на должность руководителей девелоперских проектов и сопутствующего назначения их генеральными директорами специализированных застройщиков, при которой умалчиваются реальные риски привлечения к любому роду ответственности. Ввиду общей низкой юридической грамотности населения множество людей, становясь генеральными директорами, попадают в ловушку своих управленческих амбиций и относительно высокой заработной платы, совершенно не задумываясь о возможных последствиях. Ключевыми здесь являются два вопроса.

1. Как привлечь конечных бенефициаров и организаторов недобросовестной деятельности и различных управленческих схем к субсидиарной ответственности. Здесь основная сложность связана с доказыванием их реального влияния на деятельность организации, а также наличия у них контролирующего статуса и умысла в доведении компании до банкротства или осуществлении каких-либо махинаций.

2. Как оградить от привлечения к субсидиарной ответственности введенных в заблуждение или малограмотных горе-директоров.

Для относительно быстрого и эффективного решения проблемы применения субсидиарной ответственности к таким директорам необходимо идти по пути решения второго вопроса, а именно дополнительно оградить их от необдуманного вступления в должность генерального директора с рисками несения субсидиарной ответственности в будущем.

Ввиду того что деятельность специализированных застройщиков сопряжена с комплексностью девелоперских проектов, включающей длительные сроки реализации, огромные финансовые затраты, большое количество участвующих физических

¹ Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и правовая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 45–77.

² Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 248–273.

и юридических лиц, сильную зависимость от экономической и политической обстановки, следует внести поправки в законодательство, которые помогут оградить физических лиц от принятия на себя при приеме на работу обязанностей генерального директора специализированного застройщика.

Предлагается закрепить следующие требования при найме на должность генерального директора специализированного застройщика:

1) наличие обязательного опыта работы не менее трех лет на руководящей должности в специализированном застройщике;

2) наличие диплома о высшем строительном или экономическом образовании, полученного в аккредитованном высшем учебном заведении;

3) наличие диплома о профессиональной переподготовке по программе «Генеральный директор», полученного в аккредитованном высшем учебном заведении, при необходимости – создание такого направления на базе юридических вузов.

Предлагается ряд изменений в законодательство и практику:

1) внести изменения в Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»: дополнить его обязательством прохождения образовательных курсов для лиц, занимающих должность генерального директора, с периодичностью раз в три года;

2) ввести обязательное согласование кандидатуры генерального директора специализированного застройщика с Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации;

3) сформировать специальный департамент в составе Минстроя РФ по контролю за назначением и деятельностью генеральных директоров специализированных застройщиков и выявлению случаев номинального управления;

4) внести изменения в Трудовой кодекс РФ, запрещающие назначение на должность генерального директора без письменного подтверждения осведомленности лица о рисках и юридической ответственности.

Все перечисленные требования создадут дополнительные барьеры при приеме на работу на позицию генерального директора специализированного застройщика и помогут предотвратить назначение лиц без необходимого образования и квалификации на эту должность. Это поможет решить проблему применения субсидиарной ответственности к номинальным директорам, низкоквалифицированным или введенным в заблуждение лицам, не затрагивая при этом сам институт субсидиарной ответственности. Однако анализ отдельных аспектов правового регулирования субсидиарной ответственности в российском законодательстве позволяет сделать вывод о проблемности данного института и о необходимости концептуального пересмотра и значительного его реформирования.

Список литературы

Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть: учеб. для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 435 с.

Беспалов Ю. Ф. Субсидиарная ответственность по гражданскому и семейному законодательству РФ: моногр. / Ю. Ф. Беспалов, А. Ю. Беспалов, А. Ю. Касаткина; отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2021. 128 с.

Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 248–273.

Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и правовая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 45–77.

Кулис Л. А. Субсидиарная ответственность как разновидность гражданско-правовой ответственности // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2023. № 1. С. 207–210.

Мкртчян Г. М. Ответственность номинальных руководителей за долги юридического лица // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 94–100.

Московкин Г. А. Номинальный директор: ответственность и последствия // Юридический факт. 2022. № 176. С. 20–22.

Петухов С. В. Особенности субсидиарной ответственности контролирующих лиц в сфере недвижимости // Юрист. 2023. № 8. С. 7–11.

Ритер А. Ю. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-1. С. 167–171.

Савченко Д. М. Привлечение КДЛ застройщика к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Обзор судебной практики // Арбитраж.ру: сайт. 2022. 14 дек. URL: <https://arbitrageru.legal/analytics/view/kdl-so/> (дата обращения: 28.01.2025).

Santoso A., Ananti D. Application of piercing the corporate veil in investment law // The International Journal of Politics and Sociology Research. 2024. 11(4). P. 465–471.

References

Anisimov A. P. (2025) *Grazhdanskoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov* [The Civil law of Russia. General part: textbook for universities], ed. by A. Ya. Ryzhenkov, 5th ed., revised and add. Moscow, Yurait, 435 p.

Bespalov Yu. F. (2021) *Subsidiarnaya otvetstvennost' po grazhdanskomu i semeinomu zakonodatel'stvu v RF: monografiya* [Subsidiary liability under the civil and family law of the Russian Federation: monography]. Moscow, Prospekt, 128 p.

Golubtsov V. G. (2020) Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits: evolyutsiya zakonodatel'nykh podkhodov [Subsidiary liability of persons controlling the debtor: the evolution of legislative approaches]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 48, pp. 248–273.

Gutnikov O. V. (2018) Subsidiarnaya otvetstvennost' v zakonodatel'stve o yuridicheskikh litsakh: voprosy pravovogo regulirovaniya i pravovaya priroda [Subsidiary liability in the legislation on legal entities: issues of legal regulation and legal nature]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 45–77.

Kulis L. A. (2023) Subsidiarnaya otvetstvennost' kak raznovidnost' grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti [Subsidiary liability as a type of civil liability]. In *Trudy BGTU. Ser. 6: Istoriya, filosofiya*, no. 1, pp. 207–210.

Mkrtychyan G. M. (2019) Otvetstvennost' nominal'nykh rukovoditelei za dolgi yuridicheskogo litsa [Responsibility of nominal managers for debts of a legal entity]. In *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*, no. 4, pp. 94–100.

Moskovkin G. A. (2022) Nominal'nyi direktor: otvetstvennost' i posledstviya [Nominee Director: responsibility and consequences]. In *Yuridicheskii fakt*, no. 176, pp. 20–22.

Petukhov S. V. (2023) Osobennosti subsidiarnoi otvetstvennosti kontroliruyushchikh lits v sfere nedvizhimosti [Features of subsidiary liability of controlling persons in the field of real estate]. In *Yurist*, no. 8, pp. 7–11.

Riter A. Yu. (2019) Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits [Subsidiary liability of persons controlling the debtor]. In *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, no. 4-1, pp. 167–171.

Savchenko D. M. (2022) Privlechenie KDL zastroishchika k subsidiarnoi otvetstvennosti po obyazatel'stvam dolzhnika. Obzor sudebnoi praktiki [The CDL's involvement of the developer in the subsidiary liability for the debtor's obligations. Review of judicial practice]. In *Arbitrazh.ru*, 14 Dec., available at: <https://arbitrageru.legal/analytics/view/kdl-so/> (accessed: 28.01.2025).

Santoso A., Ananti D. (2024) Application of piercing the corporate veil in investment law. In *The International Journal of Politics and Sociology Research*, 11(4), pp. 465–471.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2025

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025

УДК / UDC 347

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_63

АРБИТРАЖ: ИДЕАЛЬНЫЙ ФОРУМ ДЛЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ НАЙДЕН?

Селькова Анастасия Андреевна

Доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-4125-4720, e-mail: a.a.selkova@uslu.su.

Своеобразной реакцией на глобальное изменение климата стало принятие ряда международных соглашений, регламентирующих меры по сокращению уровня выбросов парниковых газов и переходу к возобновляемым источникам энергии. В борьбе с последствиями антропогенного вмешательства в экосистему участвуют не только государства, но и частные компании. Их деятельность также затронута расширением ESG-повестки и изменением климата, которое сопряжено с производственными, финансовыми и репутационными рисками. На этом фоне возросло и количество экологических споров, которые все чаще передаются заинтересованными сторонами на рассмотрение в арбитражные учреждения. Целью данной статьи является изучение роли арбитража в разрешении экологических споров, которые определяются как любые разногласия, связанные с изменением климата и обеспечением прав человека на благоприятную окружающую среду. Отмечается специфика экологических споров: особая сложность, многосубъектный состав, трансграничный характер. Также автор приводит классификацию экологических споров и дает характеристику отдельных видов в контексте текущей правоприменительной практики арбитражных учреждений. Обозначаются преимущества арбитража в качестве форума для разрешения экологических споров. В частности, автор акцентирует внимание на доступности экспертизы, высокой квалификации арбитров, процедурной гибкости, своевременности исполнения вынесенных решений. С учетом названных особенностей арбитража делается вывод о предпочтительности данного форума для разрешения экологических споров, которые требуют использования более быстрых и эффективных процедур, соизмеримых с особой значимостью проблемы изменения климата.

Ключевые слова: арбитраж, арбитражная оговорка, факторы ESG, экологическое право, изменение климата, гринвошинг, инвестиционные соглашения

Для цитирования: Селькова А. А. Арбитраж: идеальный форум для экологических споров найден? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 63–75. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_63.

ARBITRATION: HAS THE IDEAL FORUM FOR ENVIRONMENTAL DISPUTES BEEN FOUND?

Selkova Anastasia

Assistant professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, candidate of legal sciences (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0003-4125-4720, e-mail: a.a.selkova@uslu.su.

The adoption of a number of international agreements regulating measures to reduce greenhouse gas emissions and transition to renewable energy sources has been a peculiar reaction to global climate change. Not only states, but also private companies participate in the fight against the consequences of anthropogenic interference in the ecosystem. Their activities are also affected by the expansion of the ESG-agenda and climate change, which is associated with production, financial and reputational risks. Thus, the number of environmental disputes has also increased. Many of them are considered by arbitration institutions. The purpose of this article is to study the

role of arbitration in resolving environmental disputes, which are defined as any disagreements related to climate change and ensuring human rights to a favorable environment. The author notes following features of environmental disputes: particular complexity, multi-subject composition, transboundary nature. Also, there is provided a classification of environmental disputes and given a description of individual types in the context of the current law enforcement practice of arbitration institutions. The author outlines advantages of arbitration as a forum for resolving environmental disputes. In particular, the author focuses on the availability of expertise, high qualification of arbitrators, procedural flexibility and timely execution of decisions. Taking into account the above-mentioned features of arbitration, a conclusion is made about the preference of this forum for resolving environmental disputes that require the use of faster and more effective procedures related to the special significance of the climate change problem.

Key words: arbitration, arbitration clause, ESG factors, environmental law, climate change, greenwashing, investment agreements

*For citation: Selkova A. (2025) Arbitration: has the ideal forum for environmental disputes been found? In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu»*, no. 3, pp. 63–75, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_63.*

«В условиях климатического кризиса потребность в решительных мерах беспрецедентна, но у нас еще остается шанс – не только сдержать ухудшение климатических условий, но и обеспечить экономическое процветание и устойчивое развитие... для этого мировому сообществу требуется как можно быстрее инициировать сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды»¹. Эти слова Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша отражают всеобщую обеспокоенность по поводу ухудшения экологической ситуации в мире. Реакцией на эту глобальную проблему стало не только принятие большинством государств обязательств сократить число выбросов CO₂ и перейти к возобновляемой энергетике, но и изменение производственной деятельности многих предприятий в соответствии с положениями ключевых международно-правовых актов по вопросам охраны окружающей среды². Вполне закономерно, что с увеличением степени вовлеченности субъектов частного сектора экономики в мероприятия по защите экологии наблюдается устойчивый рост количества экологических споров. Подобная тенденция несомненно станет еще заметнее в течение следующего десятилетия³.

На фоне растущего числа экологических споров особого внимания заслуживает арбитраж как эффективный механизм их разрешения. В Отчете Программы ООН по окружающей среде «О судебном порядке рассмотрения дел в сфере экологического права» отмечена важная роль арбитража в решении споров, возникающих в контексте изменения климата и перехода к возобновляемой энергетике⁴.

Несмотря на отсутствие единого определения термина «экологический спор», ориентиром может служить Доклад Комиссии по арбитражу и ADR Международной торговой палаты «Урегулирование споров, связанных с изменением климата, посредством арбитража и ADR» (далее – Доклад), в котором под экологическими спорами понимаются любые разногласия, возникающие в связи с глобальным процессом

¹ A «moment of truth» for climate action says UN Secretary-General // World Meteorological Organization. URL: <https://wmo.int/media/news/moment-of-truth-climate-action-says-un-secretary-general> (дата обращения: 22.12.2024).

² Comparative analysis of legal mechanisms to net-zero: lessons from Germany, the United States, Brazil, and China // London School of Economics and Political Science: офиц. сайт. URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/publication/comparative-analysis-of-legal-mechanisms-to-net-zero-lessons-from-germany-the-united-states-brazil-and-china> (дата обращения: 22.12.2024).

³ Climate change, ecosystem impacts and systemic risk // Grantham Institute Imperial College and University of Reading. URL: https://spiral.imperial.ac.uk/bitstream/10044/1/100870/8/Full_text.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

⁴ United Nations Environment Programme, Global Climate Litigation Report // UN Environment Programme. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/43008/global_climate_litigation_report_2023.pdf?sequence=3 (дата обращения: 22.12.2024).

изменения климата и международной экологической повестки¹. Примечательна также классификация экологических споров, обозначенная в Докладе. В зависимости от основания их возникновения выделяется три категории:

«прямые споры» – вытекающие из договоров, заключенных по поводу исполнения обязательств в рамках Парижского соглашения. Соответственно, предмет договора будет охватывать действия по смягчению негативных последствий изменения климата и адаптации к ним, а также обеспечивающие переход к «зеленой» энергетике и создание новой строительной и транспортной инфраструктуры (например, договоры, связанные с финансированием, страхованием, лицензированием, вводом в эксплуатацию, строительством предприятий и поставкой возобновляемых источников энергии; адаптацией существующих зданий и инфраструктуры к изменению климата);

«косвенные споры» – вытекающие из договоров, не содержащих какие-либо положения, связанные с экологическим правом. Названная категория гораздо более широкая и потенциально может охватывать контракты, в которых вовсе отсутствуют «экологические» обязательства. Более того, момент подписания подобного договора может предшествовать времени принятия Парижского соглашения. Тем не менее на выполнение контракта могут влиять: изменения в национальном природоохранном законодательстве; изменения порядка выполнения обязательств отдельных государств в соответствии с Парижским соглашением; изменения экологической политики отдельных предприятий;

«внедоговорные споры» – вытекающие из деликтов, односторонних действий, норм закона. Указанные случаи предполагают наличие внедоговорной ответственности и добровольную передачу сторонами уже возникшего спора в арбитраж.

Говоря об арбитрабельности экологических споров, отметим, что с увеличением числа негосударственных субъектов, обязанных участвовать в мероприятиях по охране окружающей среды, возросло и количество коммерческих контрактов, содержащих положения об учете экологических рисков². Условия, так или иначе касающиеся вопросов экологии, включаются в договоры, регламентирующие отрасли горнодобывающей промышленности, строительства, возобновляемой энергетики, а положения относительно экологических рисков встречаются в документах финансовой отчетности³.

Аналогичным образом текущая практика проведения сделок по слиянию и поглощению предполагает учет факторов ESG (environmental, social, governance). Последние отражают участие бизнеса в процессе реализации целей устойчивого развития посредством снижения рисков негативного влияния на окружающую среду, использования ресурсосберегающих технологий и установления корпоративной социальной ответственности, которая из добровольной социальной активности превращается в ключевой элемент предпринимательства⁴.

Одним из примеров этого являются «Принципы Экватора», которые применяются финансовыми учреждениями в виде экологических и социальных стандартов для потенциальных заемщиков, желающих получить финансирование. Разработка «Принципов Экватора» проводилась по инициативе мировых лидеров банковской индустрии: «Barclays», «Citigroup», «Crédit Agricole», «Royal Bank of Canada», «Royal Bank of Scotland», «UniCredit Bank» и др. В настоящее время свыше 80 банков и кредитных учреждений следуют «Принципам Экватора», представляющим собой систему стандартов оценки экологических и социальных рисков при предоставлении проектного финансирования. Эти стандарты довольно обширны и включают меры по защите прав коренных народов, обеспечению трудовых прав работников, охране окружающей среды⁵.

¹ Resolving Climate Change Related Disputes through Arbitration and ADR // International Chamber of Commerce (ICC). URL: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2019/11/icc-arbitration-adr-commission-report-on-resolving-climate-change-related-disputes-english-version.pdf> (дата обращения: 22.12.2024).

² Gouiffès L. Climate change in international arbitration, the next big thing? // Journal of Energy & Natural Resources Law. 2022. Vol. 40. № 2. P. 203–224. DOI: 10.1080/02646811.2021.1959158.

³ Study of CSR Contractual Practices Among Buyers and Suppliers, 2018 // Affectio Mutandi: CSR, Legal, Corporate & Public Affairs. URL: https://www.eticanews.it/wp-content/uploads/2018/07/ecovadis_contrat_clauses_RSE_20.06.2018_eng_v5-1.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

⁴ A New Paradigm for Construction Agreements // Tiefenthaler Legal. URL: <https://www.tiefenthalerafrica.com/2024/02/15/esg-a-new-paradigm-for-construction-agreements/> (дата обращения: 22.12.2024).

⁵ Latest iteration of the Equator Principles // The Equator Principles (EP) Association. URL: https://equator-principles.com/app/uploads/The-Equator-Principles_EP4_July2020.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

Такие крупные финансовые учреждения, как Европейский банк реконструкции и развития и Европейский инвестиционный банк, применяют собственные стандарты экологической и социальной политики в качестве условий кредитования¹. Сбербанк также рекомендует учитывать вопросы социального развития и защиты окружающей среды при стратегическом планировании и в рамках организации корпоративного управления².

Далее представлен анализ отдельных видов экологических споров, по которым уже сформировалась определенная практика в рамках арбитража.

Споры, связанные с проектами возобновляемой энергетики

В последние годы наблюдается значительный рост числа споров, возникающих в рамках реализации проектов возобновляемой энергетики: ветряных и солнечных электростанций, гидроэлектростанций, объектов геотермальной энергетики³. Осуществление данных проектов часто сопровождается спорами по поводу строительства и эксплуатации производственных объектов, поставки оборудования, управления ходом реализации проекта, его воздействия на сопряженные территории. В качестве примера может выступить спор по поводу сооружения гидроэлектростанции в районе Джамму и Кашмир, который на тот момент являлся индийским штатом, граничащим с Пакистаном⁴.

Согласно проекту строительства специально возведенная плотина должна была перенаправить воды реки Кишанганга в Кашмир, к месту расположения будущей гидроэлектростанции, в бассейн реки Джелум, частично протекающей по территории Пакистана. Его правительство посчитало изменение русла и уровня воды реки Кишанганга нарушением Индией Договора о водах Инда 1960 г. и обратилось с иском в Постоянную палату третейского суда. Представители Индии утверждали, что положения Договора 1960 г. гарантируют последней полный контроль над реками Беас, Рави и Сутлей, а также право «непотребительского» использования воды рек Инд, Джелум и Ченаб. По мнению представителей Пакистана, Договор 1960 г. запрещает Индии перенаправлять воды рек из одного притока в другой, а «непотребительский» режим использования подразумевает только те, что не меняют течение и не истощают уровень воды в реках. В дополнение к указанному аргументу представители Пакистана отметили, что перенаправление потока вдоль русла реки Кишанганга нанесет значительный ущерб сельскому хозяйству близлежащих территорий.

Отклоняя первое утверждение Пакистана о нарушении Индией режима положений Договора 1960 г., коллегия арбитров указала на допустимость использования водных ресурсов для производства электроэнергии в той мере, в какой это не создает препятствий для доступа к речным притокам. Второй довод представителей Пакистана о рисках для сельского хозяйства также был отвергнут арбитрами, сославшимися на заключение экспертов. Они подсчитали, что постройка гидроэлектростанции приведет к сокращению речного потока всего лишь на 27 %. Окончательное решение было вынесено в пользу Индии, на которую, тем не менее, была возложена обязанность поддержания в реке Кишанганга минимального уровня потока воды.

Большинство проектов возобновляемой энергетики имеют немало сходных черт с проектами строительства крупных инфраструктурных объектов, которые являются капиталоемкими, долгосрочными, технологически сложными. Однако существуют и принципиальные отличия. В первую очередь обращает на себя внимание государственное субсидирование проектов возобновляемой энергетики. Страны стимули-

¹ European Bank for Reconstruction and Development, Environmental and Social Policy // European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/policies/environmental-and-social-policy-esp.html> (дата обращения: 22.12.2024); European Investment Bank, The EIB Group Environmental and Social Policy // European Investment Bank. URL: <https://www.eib.org/en/publications/eib-group-environmental-and-social-policy> (дата обращения: 22.12.2024).

² Зеленые и социальные: 7 принципов и 8 направлений ESG-политики Сбера // ПАО Сбербанк: офиц. сайт. URL: <https://sber.pro/publication/zelenye-i-sotsialnye-7-printsipov-i-8-napravlenii-esg-politiki-sbera/> (дата обращения: 22.12.2024).

³ World Energy Investment 2023 // International Energy Agency. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/8834d3af-af60-4df0-9643-72e2684f7221/WorldEnergyInvestment2023.pdf> (дата обращения: 22.12.2024).

⁴ The Indus Waters Treaty: caught between a dispute and a hard place // Dialogue Earth. URL: <https://dialogue.earth/en/water/indus-water-treaty-dispute/> (дата обращения: 22.12.2024).

руют инвестиции в данный сектор, устанавливая для инвесторов субсидии и иные финансовые гарантии¹. Применительно к данному аспекту споры могут возникнуть при аннулировании субсидирования. Кроме того, стоит отметить специфику процедур разрешения и ввода в эксплуатацию проектов возобновляемой энергетики, они должны соответствовать строгим стандартам и реализовываться в точно установленные сроки². Соответственно, одной из основных причин инициирования арбитражного разбирательства становится задержка при получении разрешения на ввод в эксплуатацию объектов возобновляемой энергетики и на их подключение к энергосистемам. Наконец, для проектов возобновляемой энергетики характерна зависимость от технологий. В случае их удешевления могут увеличиться операционные расходы инвесторов, которым не удастся получить прибыль в размере, ожидаемом изначально³. Соответственно возможные иски инвесторов будут связаны со взысканием упущенной выгоды.

Споры между инвесторами и принимающим государством, связанные с изменением климата

Глобальная ориентация на «зеленую» энергетику также привела к росту числа споров в рамках инвестиционных соглашений, заключаемых представителями частного сектора экономики и государствами⁴. Следует отметить, что инвестирование часто направлено на деятельность, причиняющую серьезный ущерб экологии (например, добыча полезных ископаемых). Одновременно с этим действие инвестиционных соглашений не отменяет полномочия принимающего государства по защите здоровья населения и охране окружающей среды. При рассмотрении и разрешении «инвестиционных» экологических споров арбитры должны тщательно сопоставлять права инвестора с обязательствами принимающего государства по защите окружающей среды. В данном случае требуется детальный анализ норм международного экологического права, которые обычно включаются в содержание инвестиционных соглашений⁵. В дополнение к этому следует учитывать поведение инвесторов, степень их приверженности принципам устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности, осознание уровня воздействия инвестиционной деятельности на климат.

Примером «инвестиционного» экологического спора является дело по иску американской компании «Ruby River Capital LLC» против Канады⁶. Разбирательство было инициировано после отказа канадского правительства в выдаче «Ruby River Capital LLC» разрешения на строительство завода по производству СПГ. В иске указывалось, что отказ нарушает положения Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA), в частности гл. 11, устанавливающей обязательства Канады по защите прав иностранных инвесторов. Иск с требованием о взыскании реального ущерба в размере 120 млн долл. и упущенной выгоды в размере 20 млрд долл. был подан в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). Разбирательство по данному делу еще продолжается, однако оно уже сейчас выступает примером приемлемости арбитража как механизма разрешения споров, особенно в контексте оценки экологических рисков крупных инвестиционных проектов.

В рамках «инвестиционных» экологических споров инвесторы обычно заявляют о нарушении принимающим государством стандарта справедливого и равного обращения (англ. «*Fair and Equal Treatment*», далее – FET) или о проведении завуалированной экспроприации инвестиций⁷.

В первом случае инвесторы обычно утверждают, что стандарт FET, подразумевающий наличие нормативной стабильности, нарушается изменением природоохранно-

¹ Scherer M. International Arbitration in the Energy Sector. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 102.

² Ibid P. 238.

³ Ibid. P. 242.

⁴ Treaty-Based Investor-State Dispute Settlement Cases and Climate Action Report (2022) // UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2022d7_en.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

⁵ Hanotiau B. Class and Group Actions in Arbitration. N. Y.: Wolters Kluwer, 2016. P. 74.

⁶ Ruby River Capital LLC v. Canada // UNCTAD Division on Investment and Enterprise. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement/cases/1289/ruby-v-canada> (дата обращения: 22.12.2024).

⁷ Петров К. В. Справедливое и равное обращение как механизм защиты прав инвестора в «эколого-инвестиционных» спорах // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 155–163. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.155-163.

го законодательства. Здесь встает сложный вопрос о возможности существования баланса между законными ожиданиями инвесторов относительно неизменности нормативно-правовой базы и ее реформирования, выступающего ответной реакцией на изменение климатической ситуации¹.

Заявляя об экспроприации, инвесторы, как правило, оспаривают законность действий государства, направленных на косвенное изъятие инвестиций (например, отказ в выдаче разрешений или лицензий). В данном случае поднимается вопрос о том, насколько меры, принятые государством, служат именно целям защиты окружающей среды, имеющим приоритет над охраной экономического интереса инвесторов². Некоторые авторы отрицают арбитрабельность «инвестиционных» экологических споров³. Подобная критика основывается на том, что их передача для разрешения в арбитражные учреждения может негативно сказаться на совершенствовании природоохранного законодательства и государственной экологической политики.

Споры на углеродном рынке

В целях исполнения обязательств, установленных Парижским соглашением, государства прибегают к своеобразным рыночным инструментам сокращения выбросов парниковых газов – системам торговли выбросами (СТВ).

В рамках СТВ на максимальный объем выбросов устанавливаются квоты (предельный лимит). В дальнейшем они распределяются между организациями внутри отдельных секторов экономики. В случае превышения лимита либо вносится соответствующая плата в казну, либо покупаются недостающие углеродные кредиты⁴. Соответственно, рынок их купли-продажи предполагает, что компания, вышедшая за лимит, ищет предприятие с избытком углеродных кредитов и выкупает их.

В дополнение к государственным СТВ существуют частные схемы компенсации выбросов углекислого газа, которые отдельные предприятия самостоятельно внедряют в свою деятельность, преследуя две цели: смягчить негативное воздействие на окружающую среду и продемонстрировать приверженность принципам устойчивого развития⁵. Частные схемы компенсации выбросов углекислого газа, как правило, связаны с инвестициями в экологические проекты (например, в «зеленые» технологии, лесовосстановление) или с непосредственной реализацией климатических проектов, без использования углеродных кредитов.

Развитие СТВ и частных схем компенсации выбросов углекислого газа привели к росту углеродного рынка и споров внутри него, часто связанных с вопросами о том, как рассчитываются выбросы парниковых газов и эмиссионные квоты⁶. Эта сфера пока не регламентирована в достаточной степени. Более того, отсутствует единый способ измерения углеродного следа компании.

Многие системы торговли эмиссионными квотами и соответствующие соглашения содержат арбитражные оговорки. Например, образец договора Международной ассоциации торговли выбросами (далее – IETA), разработанный для использования участниками углеродного рынка ЕС, включает в себя арбитражную оговорку, устанавливающую возможность выбора между регламентами Международной торговой палаты, ЮНСИТРАЛ или Постоянной палаты третейского суда⁷. Форма соглашения

¹ International Arbitration and Climate Change, Norton Rose Fulbright International Arbitration Report // Norton Rose Fulbright. URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/-/media/files/nrf/nrfweb/publications/international-arbitration-report-issue-20.pdf?revision=1eb03007-24d5-4d37-a854-db4991a7840d&revision=5249886851577387904> (дата обращения: 22.12.2024).

² Paine J. A Climate Change Carve-Out for Investment Treaties // Journal of International Economic Law. 2023. Vol. 26. № 2. P. 285–304. DOI: 10.1093/jiel/jgad011.

³ Tienhaara K. Regulatory Chill in a Warming World: The Threat to Climate Policy Posed by Investor-State Dispute Settlement // Transnational Environmental Law. 2018. Vol. 7. № 2. P. 229–250. DOI: 10.1017/S2047102517000309.

⁴ Hodes Rosen L. Due Process Rights in the Carbon Markets // Climate Law Reporter. 2011. Vol. 11. № 2. P. 9–14.

⁵ Roussanaly S. Towards improved cost evaluation of Carbon Capture and Storage from the industry // International Journal of Greenhouse Gas Control. 2021. № 1. P. 2–19. DOI: 10.1016/j.ijggc.2021.103263.

⁶ Putting carbon markets to work on the path to net zero, 2021 report // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability/our-insights/putting-carbon-markets-to-work-on-the-path-to-net-zero#/> (дата обращения: 22.12.2024).

⁷ Contingent Secondary Emission Reduction Purchase Agreements (ERPA's) // International Emissions Trading Association (IETA). URL: https://ieta.b-cdn.net/wp-content/uploads/2023/09/IETA_TradingDocuments_ContingentSecondaryERPA_v1.0.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

IETA о торговле эмиссионными квотами содержит арбитражную оговорку о передаче возможных разногласий на рассмотрение Лондонского международного третейского суда¹. Типовой договор о торговле эмиссионными квотами, разработанный Международным банком реконструкции и развития, содержит указание на регламент ЮНСИТРАЛ². Столь широкое применение арбитражных оговорок в соглашениях, заключаемых на углеродном рынке, подтверждает, что арбитраж будет играть все более значимую роль в соответствующих спорах.

Споры, связанные с ценообразованием на СПГ

Вплоть до 2014 г., в условиях ограниченного предложения, большинство контрактов на поставку СПГ были долгосрочными и предусматривали возможность продления или возобновления. Однако колебания цен на нефть привели к значительным изменениям в договорных обязательствах между покупателями и продавцами СПГ. После ядерной аварии на Фукусиме возник непредвиденный спрос на СПГ и участники данного рынка стали заключать краткосрочные договоры³. Вместе с тем еще действовавшие на тот момент долгосрочные контракты позволяли контрагентам периодически пересматривать цену договора. Применение положения о пересмотре цен нередко приводило к конфликтам между сторонами договора⁴. Вследствие этого заметно увеличилось число споров по поводу цен на СПГ, переданных в арбитражные учреждения⁵.

В литературе высказана точка зрения относительно неарбитрабельности споров о ценах на СПГ. В частности, указывается на абсолютную непредсказуемость исхода дела, переданного в арбитраж⁶. Действительно, при рассмотрении некоторых споров арбитры не учитывали условия, согласованные в договоре сторонами, определяя тем самым собственную схему ценообразования. Например, по делу «*Atlantic LNG против Gas Natural*» арбитры изменили формулу индексации, несмотря на то что ни одна из сторон не заявляла подобных требований⁷. Представляется, что данный прецедент поднял вопрос о применимости принципа *ultra petita* к деятельности арбитров. Между тем не менее значимыми факторами являются применимое к договору право, *lex arbitri* и объем полномочий арбитража, согласованный сторонами.

Специфика рынка СПГ и ценообразования на нем предопределяет значительную сложность соответствующих споров для рассмотрения в арбитражных институтах. Требования часто исчисляются миллиардами долларов и изменение цены всего на несколько процентов может привести к кардинальному изменению положения сторон на весь срок действия контракта, вплоть до следующего пересмотра цен. При этом на арбитров возлагается весьма трудная задача: вынести решение, коммерчески выгодное для каждой из сторон, чтобы сохранить их договорные отношения в долгосрочной перспективе, и согласующееся с международно-правовыми стандартами охраны окружающей среды. Таким образом, арбитры, разрешающие эти споры, должны детально разбираться в технически сложном процессе ценообразования на рынке СПГ и международном экологическом праве.

Споры о гринвошинге

Гринвошинг определяется как практика сообщения ложных сведений о степени вовлеченности компании в мероприятия по защите экологии, а также о сокрытии фак-

¹ Emission Reduction Purchase Agreements (ERPA) // International Emissions Trading Association (IETA). URL: https://ieta.b-cdn.net/wp-content/uploads/2023/09/IETA_TradingDocuments_PrimaryERPA_v1.0.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

² General Conditions Applicable to Emission Reduction Payment Agreements // International Bank of Reconstruction and Development (IBRD). URL: https://ieta.b-cdn.net/wp-content/uploads/2023/09/IETA_TradingDocuments_PrimaryERPA_v1.0.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

³ Gas Price Reviews: Is arbitration the problem? // Global Arbitration Review. URL: <https://globalarbitrationreview.com/article/gas-price-reviews-arbitration-the-problem> (дата обращения: 22.12.2024).

⁴ Rowley W. The Guide to Energy Arbitrations. L.: Law Business Research, 2019. P. 174.

⁵ Climate Change and Green Finance, Discussion Paper // Financial Conduct Authority. URL: <https://www.fca.org.uk/publication/discussion/dp18-08.pdf> (дата обращения: 22.12.2024).

⁶ Rowley W. Op. cit. P. 180.

⁷ Gas Natural Approvisionnement SDG, SA. v. Atlantic LNG Co. of Trinidad & Tobago // Jus Mundi. URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-gas-natural-approvisionnement-sdg-sa-spain-v-atlantic-lng-co-of-trinidad-tobago-trinidad-tobago-partial-final-award-friday-7th-october-2016> (дата обращения: 22.12.2024).

тов нарушений норм экологического права¹. Как правило, организации используют подобную тактику для упрочения деловой репутации, привлечения экологически сознательных клиентов или получения конкурентного преимущества на рынке². Опасность гринвошинга заключается в создании в обществе ложного представления о масштабе деятельности коммерческих организаций в борьбе с изменением климата. Это может замедлить ход реформ, действительно необходимых для перехода к «зеленой» экономике и преодоления негативных последствий изменения климата. Кроме того, в результате гринвошинга потребителям предоставляется недостоверная информация о товарах. В этом смысле практика гринвошинга препятствует развитию и внедрению технологий, направленных на борьбу с изменением климата.

Соответственно, целью судебного разбирательства по поводу гринвошинга является привлечение организаций к ответственности за данную маркетинговую практику и недопущение дальнейшего искажения информации, значимой для охраны окружающей среды³. Пример судебной практики о гринвошинге – дело по иску экологической благотворительной организации «ClientEarth» к инвестиционной компании «BlackRock» с требованием о возмещении вреда, причиненного маркетинговой практикой гринвошинга⁴. По мнению истца, заявления «BlackRock» об «экологичности» их розничных инвестиционных фондов, зарегистрированных во Франции, являются ложными и вводят инвесторов в заблуждение. В качестве доказательств «ClientEarth» были приведены сведения о финансовых вложениях «BlackRock» размером более 1 млрд долл. США в проекты таких гигантов нефтедобывающей индустрии, как «ExxonMobil», «Shell» и «Chevron».

Представители «ClientEarth» заявили, что подобная практика равносильна гринвошингу, посредством которого «BlackRock» пытается убедить общественность в строгом соблюдении компанией норм экологического права. Хотя решение по данному делу до сих пор не вынесено, уже сейчас можно предположить, что при удовлетворении иска «ClientEarth» будет установлен новый экологический стандарт для маркетинга финансовых продуктов и определены более строгие правила продвижения «устойчивых» инвестиционных фондов. Их регулирование стало объектом законодательного совершенствования во многих правовых системах. В частности, в 2024 г. Европейским управлением по ценным бумагам и рынкам были приняты специальные правила, в соответствии с которыми любая финансовая организация, использующая в своем названии термин «ESG» или иные формулировки, связанные с экологией, социальной ответственностью и устойчивостью, должна выделять не менее 80 % своих активов на «зеленые» инвестиции⁵.

Приведенный анализ отдельных видов экологических споров и соответствующей арбитражной практики позволяет обозначить ключевые характеристики арбитража, делающие его эффективным форумом для разрешения экологических споров, в том числе трансграничного характера. Применительно к данному аспекту важны гибкость и нейтральность арбитража, высокая квалификация арбитров и обширные возможности для привлечения экспертов. Представляется, что применение института арбитража в контексте споров, связанных с изменением климата и обеспечением устойчивого развития, позволит в будущем повысить уровень соблюдения экологического законодательства.

Далее рассмотрены некоторые ключевые преимущества арбитража.

1. Доступность экспертизы и возможность выбора арбитров сторонами спора

В Докладе ICC подчеркивается, что наиболее важным преимуществом арбитража для разрешения экологических споров является наличие у арбитров специальных

¹ Greenwashing – the deceptive tactics behind environmental claims // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/climatechange/science/climate-issues/greenwashing> (дата обращения: 25.12.2024).

² Lyon T. The Means and End of Greenwash // Organization & Environment. 2015. Vol. 28. № 2. P. 223–249. DOI: 10.1177/1086026615575332.

³ Ganguly G. If at First You Don't Succeed: Suing Corporations for Climate Change // Oxford Journal of Legal Studies. 2018. Vol. 38. № 4. P. 841–868. DOI: 10.1093/ojls/gqy029.

⁴ ClientEarth files complaint with AMF against BlackRock for greenwashing // LexisNexis. URL: <https://www.lexisnexis.co.uk/legal/news/clientearth-files-complaint-with-amf-against-blackrock-for-greenwashing> (дата обращения: 25.12.2024).

⁵ The Enhancement and Standardization of Climate-Related Disclosures for Investors // Securities and Exchange Commission. URL: <https://www.sec.gov/files/rules/final/2024/33-11275.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).

знаний, необходимых для разрешения именно экологических споров, которые часто охватывают сложные научные, инженерные, финансовые и иные вопросы¹. Применительно к данному аспекту обращает на себя внимание право сторон назначать арбитров по собственному усмотрению. Это следует признать явным преимуществом арбитража в сравнении с разбирательством в государственных судах. В большинстве юрисдикций стороны не имеют контроля над личностью судьи. Напротив, в арбитраже стороны выбирают тех арбитров, уровень знаний, опыта и навыков которых соответствует своеобразию экологических споров. Это увеличивает вероятность того, что дело будет разрешено составом действительно квалифицированных арбитров.

Помимо этого регламенты большинства арбитражных институтов предоставляют сторонам и арбитрам максимально широкие полномочия по назначению экспертов. Использование их заключений в качестве доказательств крайне важно именно в контексте экологических споров, поскольку это повышает вероятность вынесения решения, отражающего актуальное состояние таких быстро меняющихся сфер, как природоохранное право и международное экологическое право.

2. Процедурная гибкость

Преимуществом международного арбитража признается и процедурная гибкость, которая позволяет адаптировать порядок рассмотрения экологических споров к их уникальному характеру. В национальных законодательствах регламентация судопроизводства, как правило, предполагает наличие сложной и затянутой процедуры, не соответствующей специфике споров, связанных с изменением климата. Их участниками чаще всего являются представители разных юрисдикций, а спорные правоотношения имеют длящийся характер. При этом размер требований обычно исчисляется многомиллионными суммами, а доказательственные материалы включают в себя огромное количество документов и технических данных.

Напротив, большинство регламентов арбитражных институтов предусматривают значительно менее сложные правила рассмотрения и разрешения дел. Это связано с приоритизацией принципа автономии сторон и процессуальной гибкостью арбитража², способного «подстроиться» к сложности и масштабу многих экологических споров. При этом стороны и арбитры могут обращаться к разнообразным процессуальным инструментам оптимизации разбирательства:

- вынесение одного или нескольких промежуточных решений по ключевым научным, техническим или другим аспектам спора;

- выявление вопросов, которые могут быть рассмотрены без проведения слушания;

- проведение совещаний по вопросам управления делом;

- расширение возможностей доказывания за счет использования научных, технических или иных документов (например, чертежи, математические модели или программное обеспечение), в которых оценивается уровень негативного воздействия на окружающую среду.

Для более детального анализа процедурных особенностей арбитража экологических споров обратимся к Регламенту арбитража по спорам, касающимся природных ресурсов и (или) охраны окружающей среды (далее – Регламент), разработанному Постоянной палатой третейского суда³. В частности, в отличие от традиционного для арбитражных учреждений формата полностью конфиденциального разбирательства, Регламент устанавливает возможность участия в слушаниях помимо сторон и иных субъектов (государства, межправительственные организации и неправительственные организации, транснациональные корпорации и физические лица). Введение такой особой многосторонней процедуры обусловлено спецификой экологических споров, в разрешении которых могут быть заинтересованы не только стороны конфликта. Кроме того, Регламент предусматривает полномочие арбитров принимать

¹ Resolving Climate Change Related Disputes through Arbitration and ADR // International Chamber of Commerce (ICC). URL: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2019/11/icc-arbitration-adr-commission-report-on-resolving-climate-change-related-disputes-english-version.pdf> (дата обращения: 22.12.2024).

² Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. С. 46.

³ PCA Optional Rules for Arbitration of Disputes Relating to Natural Resources and/or the Environment // Permanent Court of Arbitration (PCA). URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/01/Optional-Rules-for-Arbitration-of-Disputes-Relating-to-the-Environment-and-or-Natural-Resources.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).

обеспечительные меры для предотвращения серьезного ущерба окружающей среде; запрашивать у сторон краткое саммари технических или научных вопросов, касающихся предмета спора; использовать *amicus curiae* при рассмотрении и разрешении дела.

Несмотря на обозначенные достоинства Регламента, его положения больше подходят для разбирательства экологических споров в их традиционном контексте, не связанном с изменением климата. В этом плане более эффективное регулирование обнаруживается в Гаагских правилах арбитража по делам бизнеса и правам человека (далее – Гаагские правила), специально разработанных для рассмотрения споров, возникающих в результате предполагаемого нарушения прав человека или нанесения ущерба окружающей среде предприятиями и государствами¹. Концептуальную основу Гаагских правил составляет идея особой эффективности арбитража в качестве инструмента для предотвращения и возмещения экологического вреда, а также преодоления многих правовых и практических барьеров при заявлении соответствующих требований в национальные суды. В 2017 г. ряд западноевропейских юристов и правоведов были включены в Рабочую группу по разработке Гаагских правил, окончательная версия которых была завершена в 2019 г. Содержание Гаагских правил концептуально коррелирует с Руководящими принципами предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН, закрепляющими требования к предпринимательскому сообществу в отношении соблюдения прав человека на благоприятную окружающую среду и ее охраны². Помимо этого в некотором смысле Гаагские правила представляют собой более расширенную версию Арбитражных правил ЮНСИТРАЛ 2013 г., дополненных положениями, способствующими оптимальному разрешению экологических споров именно в контексте, связанном с изменением климата³.

В частности, Гаагские правила устанавливают для арбитров требование о наличии опыта в разрешении трансграничных экологических споров (ст. 11). При этом арбитры наделяются полномочиями на проведение процедуры ускоренного рассмотрения дела, а также объединения однородных требований в единое производство (ст. 19). В дополнение к этому в Гаагских правилах закреплён особый режим гласности, согласно которому арбитры вправе определять, какая информация должна считаться конфиденциальной, каким лицам к ней может быть предоставлен доступ. Гаагские правила также допускают судебное финансирование разбирательства со стороны третьих лиц (ст. 55) и устанавливают, что решение арбитров по делу должно соответствовать международным стандартам в области прав человека (ст. 45).

Каждая статья Гаагских правил сопровождается кратким «комментарием», разъясняющим ее содержание, а также примерами формулировок договорных условий и арбитражных оговорок. Составной частью Гаагских правил является «Этический кодекс», устанавливающий для арбитров самые высокие профессиональные стандарты. Как видится, содержание Гаагских правил свидетельствует об их гибкости и применимости к любым спорам, касающимся окружающей среды, социального и корпоративного управления. Универсальность Гаагских правил также подтверждает факт арбитрабельности экологических споров.

3. Меры и процедуры ускоренного производства по делу

Срочность, своевременность и отсутствие задержек имеют решающее значение для разрешения экологических споров, так как воздействие на окружающую среду потенциально необратимо. Кроме того, негативные последствия изменения климата ощущаются во всем мире. Особенно уязвимы в этом плане государства с преобладанием аграрного сектора в экономике. Так, в докладе «Human Rights Watch» сообщается о жителях округа Турканы, Кения, чьи права на достаточное питание и на чистую

¹Hague Rules on Business and Human Rights Arbitration // Center for International Legal Cooperation (CILC). URL: https://www.cilc.nl/cms/wp-content/uploads/2019/12/The-Hague-Rules-on-Business-and-Human-Rights-Arbitration_CILC-digital-version.pdf (дата обращения: 25.12.2024).

²Guiding Principles for Business and Human Rights // United Nations. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-09/UNGPs%20on%20B%20HR_English.pdf (дата обращения: 25.12.2024).

³UNCITRAL Arbitration Rules 2013 // United Nations Commission On International Trade Law (UNCITRAL). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/21-07996_expedited-arbitration-ebook.pdf (дата обращения: 25.12.2024).

питьевую воду оказались под угрозой из-за последствий изменения климата, в частности сильной засухи¹. Стоит также учитывать постоянное изменение экологического законодательства, которое влияет на механизм реализации проектов возобновляемой энергетики и строительство крупных инфраструктурных объектов. Следовательно, время – важнейший фактор при разрешении экологических споров, и арбитраж должен быть в состоянии адаптироваться к потребности в подобной срочности.

Как было указано, регламенты большинства арбитражных учреждений содержат правила, позволяющие максимально оперативно разрешать экологические споры. Например, Регламентом Постоянной палаты третейского суда предусмотрена возможность назначения чрезвычайного арбитра в случае, если состав арбитров еще не был определен и одна из сторон ходатайствует о принятии обеспечительных мер. Назначение чрезвычайного арбитра происходит в течение двух дней с момента получения заявления. В контексте экологических споров обеспечительные меры могут устанавливаться, например, в целях предотвращения или смягчения вреда экологии. С учетом его потенциальной неизбежности и необратимости особенно ярко высвечивается важность оперативного рассмотрения вопросов назначения обеспечительных мер. Аналогично в ст. 290 Конвенции ООН по морскому праву закреплено, что в случае передачи спора в арбитраж последний наделяется компетенцией назначать любые временные меры, которые он считает надлежащими для предотвращения серьезного ущерба морской среде².

Говоря об иных процессуальных инструментах оптимизации, стоит упомянуть совещания по вопросам управления делом, проводимые для контроля за сроками разбирательства и определения будущих процессуальных действий по делу. Такие совещания можно однозначно признать гибким механизмом взаимодействия арбитров и участников спора, направленным на скорейшее и эффективное разрешение дела. Обладая состязательной природой, этот процессуальный инструмент не «переступает» на следственную почву. Хотя совещание назначается составом арбитров директивно, во многих отношениях оно не нарушает принципа автономии сторон, которые сохраняют инициативу и самостоятельность. При этом чаще всего круг вопросов и процессуальных действий, подлежащих совершению, будет определен арбитрами и участниками спора совместно. В частности, Регламент Международного арбитражного суда при Международной торговой палате устанавливает, что совещание по вопросам управления делом назначается при условии, что стороны спора своевременно выразят конструктивные предложения по оптимизации ведения дела³.

4. Исполнимость арбитражных решений

Как было сказано, экологические споры часто носят трансграничный характер. В этом контексте выбор арбитража в качестве форума позволяет избежать предвзятости национальных судов, гарантирует беспристрастное разбирательство, а также нивелирует риск невозможности исполнения вынесенного решения. Нью-Йоркская конвенция, ратифицированная в настоящее время 172 государствами, предоставляет чрезвычайно эффективную, простую и надежную основу для признания и приведения в исполнение арбитражных решений⁴. Обязательство по обеспечению их исполнимости ограничено лишь несколькими исключениями. Напротив, положения об исполнимости решений иностранных судов часто регулируются внутренним законодательством, что влечет за собой повышенный риск предвзятости, неопределенности, сложности и затянутости правоприменительного процесса. Между тем в контексте экологических споров своевременность исполнения имеет решающее значе-

¹ There is no time left: Climate Change, Environmental Threats, and Human Rights in Turkana County, Kenya // Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/report/2015/10/15/there-no-time-left/climate-change-environmental-threats-and-human-rights-turkana> (дата обращения: 25.12.2024).

² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // United Nations. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 25.12.2024).

³ ICC 2021 Arbitration Rules // International Chamber of Commerce (ICC). URL: <https://iccwbo.org/dispute-resolution/dispute-resolution-services/arbitration/rules-procedure/2021-arbitration-rules/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁴ United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards // United Nations Commission On International Trade Law (UNCITRAL). URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/new-york-convention-e.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).

ние. Если же говорить о случаях нахождения активов в иностранных юрисдикциях, то и здесь Нью-Йоркская конвенция обеспечивает определенность в отношении экстра-территориального исполнения любого арбитражного решения.

Заключение

Арбитраж все чаще используется для разрешения экологических споров, начиная от дел, связанных с гринвошингом и заканчивая вопросами ценообразования на рынке СПГ. Эти споры часто сложны, многосубъектны, носят трансграничный характер и требуют максимально коротких сроков рассмотрения. Подобная специфика обуславливает затруднительность разрешения экологических споров государственными судами в рамках национальных юрисдикций. В свою очередь, арбитраж предлагает сторонам спора нейтральный форум, квалифицированных арбитров с соответствующим опытом, процедуры, адаптированные к специфике экологических споров, гарантии исполнимости вынесенного решения. Преимуществом арбитража является и его эффективность в плане обеспечения соблюдения международных стандартов в области прав человека в контексте экологических споров. Это соответствует интересам всего гражданского общества и имеет большое значение для групп населения, особенно сильно затронутых негативными последствиями изменения климата. Названные характеристики арбитража несомненно интересны и с точки зрения устранения непропорциональности воздействия изменения климата на разные группы населения. Представляется, что арбитраж вполне способен стать ключевым механизмом повышения уровня соблюдения природоохранного законодательства и защиты групп населения, наиболее уязвимых к изменению климата.

Список литературы

Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. 288 с.

Петров К. В. Справедливое и равное обращение как механизм защиты прав инвестора в «эколого-инвестиционных» спорах // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 155–163. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.155-163.

Ganguly G. If at First You Don't Succeed: Suing Corporations for Climate Change // *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 38. № 4. P. 841–868. DOI: 10.1093/ojls/gqy029.

Gouiffès L. Climate change in international arbitration, the next big thing? // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. 2022. Vol. 40. № 2. P. 203–224. DOI: 10.1080/02646811.2021.1959158.

Hanotiau B. *Class and Group Actions in Arbitration*. N. Y.: Wolters Kluwer, 2016. 228 p.

Hodes Rosen L. Due Process Rights in the Carbon Markets // *Climate Law Reporter*. 2011. Vol. 11. № 2. P. 9–14.

Lyon T. The Means and End of Greenwash // *Organization & Environment*. 2015. Vol. 28. № 2. P. 223–249. DOI: 10.1177/1086026615575332.

Paine J. A Climate Change Carve-Out for Investment Treaties // *Journal of International Economic Law*. 2023. Vol. 26. № 2. P. 285–304. DOI: 10.1093/jiel/jgad011.

Roussanaly S. Towards improved cost evaluation of Carbon Capture and Storage from the industry // *International Journal of Greenhouse Gas Control*. 2021. № 1. P. 2–19. DOI: 10.1016/j.ijggc.2021.103263.

Rowley W. *The Guide to Energy Arbitrations*. L.: Law Business Research, 2019. 244 p.

Scherer M. *International Arbitration in the Energy Sector*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 400 p.

Tienhaara K. Regulatory Chill in a Warming World: The Threat to Climate Policy Posed by Investor-State Dispute Settlement // *Transnational Environmental Law*. 2018. Vol. 7. № 2. P. 229–250. DOI: 10.1017/S2047102517000309.

Reference

Ganguly G. (2018) If at First You Don't Succeed: Suing Corporations for Climate Change. In *Oxford Journal of Legal Studies*, vol. 38, no. 4, pp. 841–868, DOI: 10.1093/ojls/gqy029.

Gouiffès L. (2022) Climate change in international arbitration, the next big thing? In *Journal of Energy & Natural Resources Law*, vol. 40, no. 2, pp. 203–224, DOI: 10.1080/02646811.2021.1959158.

Hanotiau B. (2016) *Class and Group Actions in Arbitration*. New York, Wolters Kluwer, 228 p.

Hodes Rosen L. (2011) Due Process Rights in the Carbon Markets. In *Climate Law Reporter*, vol. 11, no. 2, pp. 9–14.

Kurochkin S. A. (2017) *Treteiskoe razbiratel'stvo i mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh* [Arbitration and international commercial arbitration]. Moscow, Statut, 288 p.

Lyon T. (2015) The Means and End of Greenwash. In *Organization & Environment*, vol. 28, no. 2, pp. 223–249, DOI: 10.1177/1086026615575332.

Paine J. (2023) A Climate Change Carve-Out for Investment Treaties. In *Journal of International Economic Law*, vol. 26, no. 2, pp. 285–304, DOI: 10.1093/jiel/jgad011.

Petrov K. V. (2020) Spravedlivoe i ravnoe obrashchenie kak mekhanizm zashchity prav investora v «ekologo-investitsionnykh» sporakh [Fair and equal treatment as a mechanism for protecting investor rights in «environmental-investment» disputes]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 4, pp. 155–163, DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.155-163.

Roussanaly S. (2021) Towards improved cost evaluation of Carbon Capture and Storage from the industry. In *International Journal of Greenhouse Gas Control*, no. 1, pp. 2–19, DOI: 10.1016/j.ijggc.2021.103263.

Rowley W. (2019) *The Guide to Energy Arbitrations*. London, Law Business Research, 244 p.

Scherer M. (2018) *International Arbitration in the Energy Sector*. Oxford, Oxford University Press, 400 p.

Tienhaara K. (2018) Regulatory Chill in a Warming World: The Threat to Climate Policy Posed by Investor-State Dispute Settlement. In *Transnational Environmental Law*, vol. 7, no. 2, pp. 229–250, DOI: 10.1017/S2047102517000309.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.12.2024

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_76

ПРОЦЕДУРНЫЕ И СУБСТАНТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОТМЕНЫ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ

Кряжевских Ксения Александровна

Студент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0003-1450-8200, e-mail: zvezda5361@mail.ru.

Целью работы является анализ процедурных и субстантивных оснований для отмены арбитражных решений в России, Франции, Великобритании и Сингапуре как государствах, относящихся к различным правовым системам. Автор рассматривает судебную практику данных государств, а также анализирует доктрину в части толкования оснований для отмены арбитражных решений, предусмотренных национальными законами о международном коммерческом арбитраже. По результатам анализа судебной практики сделан вывод, что государства вмешиваются в деятельность третейских судов лишь в исключительных случаях, стремясь тем самым поддерживать институт третейского разбирательства. Также в работе исследуются основания для отмены, закрепленные в международно-правовых актах, регулирующих вопросы арбитража. Они сводятся к юрисдикционным или процессуальным (процедурным) дефектам арбитражного разбирательства (процедурные основания), но не нарушениям применимого материального права (субстантивные основания). Вместе с тем каждое государство самостоятельно определяет перечень оснований для отмены арбитражных решений в своем законодательстве, учитывая те основания, которые закреплены в международных актах. Например, Россия перенимает эти основания практически полностью, Великобритания и Сингапур устанавливают более расширенный их перечень, а Франция, напротив, более ограниченный.

Ключевые слова: основания для отмены арбитражных решений, арбитражные решения, международный коммерческий арбитраж, третейское разбирательство

Для цитирования: Кряжевских К. А. Процедурные и субстантивные основания для отмены арбитражных решений в различных правовых системах // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 76–84. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_76.

PROCEDURAL AND SUBSTANTIVE GROUNDS FOR THE ANNULMENT OF ARBITRAL AWARDS IN VARIOUS LEGAL SYSTEMS

Kryazhevskikh Ksenia

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0003-1450-8200, e-mail: zvezda5361@mail.ru.

The purpose of the study is to analyze the procedural and substantive grounds for the annulment of arbitral awards in Russia, France, Great Britain and Singapore as states belonging to different legal systems. The author examines the judicial practice of these states, as well as analyzes the doctrine regarding the interpretation of the grounds for annulment provided for by national laws on international commercial arbitration. Based on the results of the analysis of judicial practice, the author came to the conclusion that states seek to actively develop the institution of arbitration and interfere in its activities only in exceptional cases. The paper also examines the grounds for annulment, enshrined in international legal acts governing arbitration issues. They are reduced to jurisdictional or processual (procedural) violations of arbitration proceedings (procedural grounds), but not violations of applicable substantive law (substantive grounds). At the same time, each state independently determines the list

of grounds for the annulment of arbitral awards in national laws, taking into account those grounds that are enshrined in international acts. For example, Russia adopts these grounds almost completely, the United Kingdom and Singapore establish a more expanded list of them, and France, on the contrary, is more limited.

Key words: grounds for annulment of arbitral awards, arbitral awards, international commercial arbitration, arbitration proceedings

*For citation: Kryazhevskikh K. (2025) Procedural and substantive grounds for the annulment of arbitral awards in various legal systems. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 76–84, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_76.*

В условиях увеличения спроса на международный коммерческий арбитраж в различных правовых системах и признания окончательности арбитражных решений субъекты предпринимательской деятельности начинают интересоваться особенностями коммерческого арбитража в разных странах. Даже несмотря на то, что Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. (далее – Нью-Йоркская конвенция) гарантирует сторонам спора исполнение вынесенных решений арбитражей на территории стран-участниц Конвенции, есть определенный риск того, что арбитражное решение не будет приведено в исполнение или будет отменено. Подпункт «е» п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции закрепляет, что арбитражное решение не будет признано и приведено в исполнение в том случае, если решение арбитража было отменено компетентной властью страны, в которой оно было вынесено, или же страны, закон которой применялся. Однако, как указывал Суд Европейского союза в решении по делу *«Eco Swiss China Time Ltd v. Benetton International NV»*, в интересах эффективного арбитражного разбирательства пересмотр арбитражных решений должен быть ограничен по объему, а отмена или отказ в признании арбитражного решения допустимы только в исключительных случаях¹.

В связи с этим особую актуальность приобретает изучение оснований для отмены арбитражных решений в различных правовых системах, которые чаще всего выбираются для арбитражных разбирательств. С учетом этого фактора для сравнительного анализа выбраны Россия, Франция, Великобритания и Сингапур как государства, относящиеся к различным правовым системам.

Прежде чем перейти к анализу оснований для отмены арбитражных решений в национальных юрисдикциях, представляется необходимым исследовать основания для отмены, закрепленные в международно-правовых актах, регулирующих вопросы третейского разбирательства. Основными такими актами являются Нью-Йоркская конвенция, а также Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже от 21 июня 1985 г. (далее – Типовой закон ЮНСИТРАЛ). Вместе с тем стоит отметить, что Нью-Йоркская конвенция напрямую не регулирует вопросы отмены арбитражных решений, устанавливая только перечень оснований для отказа в признании и приведении в исполнение решений арбитража. В связи с этим высказывается мнение о том, что страны-участницы Нью-Йоркской конвенции вправе самостоятельно устанавливать перечень оснований для отмены арбитражных решений, без оглядки на международное регулирование третейского разбирательства². Так, Г. Борн указывает, что Нью-Йоркская конвенция прямо не ограничивает пределы пересмотра национальными судами арбитражных решений в рамках производства об отмене, но в то же время Конвенция косвенно регулирует основания отмены решений арбитража³. Некоторые суды, отмечает далее Г. Борн, приходят к выводу о том, что иски об отмене международных арбитражных решений должны ограничиваться или основа-

¹ Judgment of the European Court of Justice, *Eco Swiss China Time Ltd v. Benetton International NV*, Case № C-126/97, 1 June 1999.

² Berg A. J. The New York Arbitration Convention of 1958: towards a uniform judicial interpretation. Deventer: Kluwer Law and Taxation, 1981. P. 19–27; Gharavi H., Liebscher C. The International Effectiveness of the Annulment of an Arbitral Award. The Hague; N. Y.: Kluwer Law International, 2002. P. 29.

³ Борн Г. Б. Международный арбитраж: право и практика / пер. с англ., под ред. Н. А. Бабаджаняна. М.: Рос. ин-т современного арбитража, 2020. С. 540.

ниями, которые указаны в ст. V Нью-Йоркской конвенции, или более общими международными принципами¹.

Действительно, в ст. V Нью-Йоркской конвенции содержится исчерпывающий перечень оснований для *отказа в признании и приведении в исполнение* арбитражных решений. В данный перечень входят следующие основания: отсутствие между сторонами действительного арбитражного соглашения; ненадлежащее уведомление стороны, против которой было вынесено решение, о третейском разбирательстве; вынесение решения арбитража по спору, который не подпадает под условия арбитражного соглашения; нарушение составом арбитража требуемых процессуальных норм; то, что решение еще не стало окончательным для сторон либо было отменено или приостановлено компетентной властью государства, где оно было вынесено, или государства, закон которого применялся.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ в подп. «а» п. 2 ст. 34, напротив, устанавливает перечень оснований для отмены арбитражных решений, а также указывает срок, в течение которого может быть заявлено ходатайство об их отмене. Типовой закон ЮНСИТРАЛ определяет две группы оснований для отмены.

К первой группе относятся основания, устанавливаемые по ходатайству стороны и свидетельствующие о том, что: одна из сторон в арбитражном соглашении была в той или иной мере недееспособна; это соглашение недействительно по тому законодательству, которому стороны подчинили арбитражное соглашение, а в отсутствие выбора такого законодательства – по законодательству государства, на территории которого заявлено ходатайство об отмене арбитражного решения; сторона, заявляющая ходатайство, не была надлежащим образом уведомлена о назначении арбитра или о третейском разбирательстве либо по другим причинам не смогла представить свои аргументы; решение арбитража вынесено по спору, не предусмотренному для разрешения в третейском суде, или по спору, который не подпадает под условия обращения в третейский суд, или содержит постановления по вопросам, которые выходят за пределы арбитражного соглашения.

Вторая группа включает основания, которые подлежат установлению по инициативе суда: предмет спора не подлежит третейскому разбирательству по законодательству государства, рассматривающего ходатайство об отмене арбитражного решения (объективная неарбитрабельность); решение третейского суда противоречит публичному порядку данного государства.

В целом можно отметить, что основания для отмены арбитражных решений, установленные Типовым законом ЮНСИТРАЛ, схожи с основаниями для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений, предусмотренными Нью-Йоркской конвенцией. Все эти основания сводятся к юрисдикционным или процессуальным (процедурным) дефектам арбитражного разбирательства (процедурные основания), но не нарушениям применимого материального права (субstantивные основания)².

Если обратиться к законодательству Российской Федерации, можно увидеть, что основания для отмены арбитражного решения, которые предусмотрены Законом РФ «О международном коммерческом арбитраже»³, полностью совпадают с основаниями для отмены, установленными Типовым законом ЮНСИТРАЛ. Российский закон не предусматривает дополнительных оснований для отмены арбитражных решений, занимая в целом проарбитражные позиции. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 420 и ч. 4 ст. 425 ГПК РФ, а также ч. 6 ст. 232 и ч. 4 ст. 238 АПК РФ суды Российской Федерации при рассмотрении заявлений об оспаривании арбитражных решений не вправе переоценивать обстоятельства, которые установлены третейским судом, или пересматривать решение третейского суда по существу. Соответственно, они должны ограничиваться только установлением факта наличия либо отсутствия оснований для отмены решения арбитража.

Однако сегодня в российской судебной практике широко распространено такое основание для отмены, как противоречие решения арбитража публичному порядку

¹ Борн Г. Б. Указ. соч.

² Жильцов А. Н. Оспаривание решений международных коммерческих арбитражей в соответствии с российским законодательством // Вестник международного коммерческого арбитража. 2005. № 1. С. 7.

³ Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (ред. от 30 декабря 2021 г.) «О международном коммерческом арбитраже».

Российской Федерации. При этом само определение публичного порядка довольно расплывчато и зачастую трактуется судами РФ очень широко.

Переходя к анализу регулирования арбитража в других правовых порядках, следует отметить, что в целом значительное количество государств придерживается международного регулирования третейского разбирательства и по этой причине основания для отмены арбитражных решений, предусмотренные национальными законами, во многом схожи с теми, что предусмотрены в Нью-Йоркской конвенции и Типовом законе ЮНСИТРАЛ, или даже идентичны им.

Если анализировать регулирование вопросов отмены арбитражных решений во Франции, то сразу обнаруживается, что здесь основания для отмены более ограничены, чем в ст. V Нью-Йоркской конвенции или в ст. 34 Типового закона ЮНСИТРАЛ. Так, ст. 1520 Гражданского процессуального кодекса Франции от 5 декабря 1975 г.¹ предусмотрены следующие пять оснований для отмены: неправомерное подтверждение или отклонение третейским судом своей юрисдикции; нарушение порядка формирования состава арбитража; невыполнение третейским судом переданных ему полномочий; наличие в ходе третейского разбирательства нарушения надлежащей правовой процедуры; противоречие возможного признания и приведения в исполнение арбитражного решения международному публичному порядку.

При этом согласно ст. 1522 Гражданского процессуального кодекса Франции стороны могут отказаться от своего права добиваться отмены арбитражного решения, четко сформулировав это в письменном соглашении. Однако они не могут отказаться от оспаривания арбитражного решения в целом и должны указать конкретное основание для отмены решения арбитража, по которому они не будут его оспаривать.

Что касается такого основания, как неправомерное подтверждение или отклонение юрисдикции, в практике французских судов различаются две категории возражений: возражения о неприемлемости и юрисдикционные возражения². Возражения о неприемлемости рассматриваются непосредственно третейским судом в ходе арбитражного разбирательства и не принимаются во внимание государственными судами Франции в качестве основания для оспаривания юрисдикции. В частности, такие возражения касаются претензионного порядка урегулирования спора, предусмотренного в арбитражной оговорке, предварительных процедур примирения сторон или медиации, которые необходимо провести перед разбирательством в арбитраже. Как указывает Ян Полссон, если речь идет о том, что иск не должен рассматриваться вообще или на данный момент не может быть рассмотрен, то в таком случае затрагивается вопрос приемлемости, а не юрисдикции³. Значит, решение состава арбитража будет по этому вопросу окончательным. Юрисдикционные же возражения предполагают рассмотрение вопросов, не предусмотренных арбитражной оговоркой, и подлежат рассмотрению государственными судами Франции в качестве одного из оснований для отмены арбитражных решений.

Особый интерес представляет такое основание для отмены арбитражных решений, как противоречие международному публичному порядку, поскольку обычно национальные законы об арбитраже в качестве основания для отмены решения указывают противоречие национальному публичному порядку страны места арбитража. Важно подчеркнуть, что государственные суды Франции ограничительно толкуют понятие «международный публичный порядок», судебная практика по данному вопросу несколько раз претерпевала изменения. Так, Апелляционный суд Парижа определил международный публичный порядок как совокупность правил и ценностей, нарушение которых французский правовой порядок не может допустить даже в ситуациях международного характера⁴. Кассационный суд Франции указывал, что международный

¹ Code de procedure civile. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140920&cidTexte=LEGITEXT000006070716&fastReqId=1646547869&fastPos=1&oldAction=rechCodeArticle> (дата обращения: 02.10.2024).

² Kühner D. Annulment and enforcement of arbitral awards in France // Annulment and enforcement of arbitral awards from a comparative law perspective: contributions from CEPANI40 colloquium held on October 18, 2018. P. 37.

³ Полссон Я. Идея арбитража / пер. с англ., под ред. Н. А. Бабаджаняна. М.: Рос. ин-т современного арбитража, 2021. С. 141.

⁴ Judgment of the Court of Appeal of Paris, *Agence pour la sécurité de la navigation aérienne en Afrique et à Madagascar (ASECNA) v. M. Issakha N'Doye*, Case № 96/84842, 16 October 1997.

публичный порядок составляют принципы всеобщего правосудия, рассматриваемые во Франции как имеющие абсолютную международную ценность¹.

Таким образом, в целом Франция является проарбитражной юрисдикцией, что особо подчеркивается более ограниченным, по сравнению с Нью-Йоркской конвенцией и Типовым законом ЮНСИТРАЛ, перечнем оснований для отмены арбитражных решений. Важно и то, что французские суды, в отличие от судов в других юрисдикциях, не пересматривают решения третейских судов по существу, а понятие международного публичного порядка более ограничено по объему в сравнении с понятием национального публичного порядка².

В Великобритании основным источником, регулирующим международный коммерческий арбитраж, выступает Акт об арбитраже от 17 июня 1996 г.³ В нем предусмотрено три категории оснований для отмены арбитражных решений: отсутствие юрисдикции (ст. 67), серьезные нарушения (ст. 68) и юридическая ошибка (ст. 69). Отсутствие юрисдикции как основание для отмены представляет собой достаточно очевидные и понятные случаи, при которых рассматриваемый спор не охватывается арбитражной оговоркой. Более подробно остановимся на двух других основаниях. В соответствии со ст. 68 Акта арбитражное решение подлежит отмене при наличии серьезного нарушения, которое повлекло существенную несправедливость для спорящей стороны. Здесь стоит особо отметить, что такое решение арбитража будет отменено только в случае существенной несправедливости. При этом, как утверждают исследователи, целью введения понятия «существенная несправедливость» является ограничение судебного контроля и надзора за проведением арбитражного разбирательства⁴.

К серьезным нарушениям относятся: несоблюдение третейским судом требований ст. 33 Акта (общих обязанностей третейского суда); превышение составом арбитража своих полномочий; проведение арбитража не по правилам, согласованным сторонами; неспособность состава арбитража рассмотреть все вопросы, которые были поставлены перед ним; выход состава арбитража за пределы арбитражного соглашения; неопределенность или двусмысленность арбитражного решения; получение арбитражного решения мошенническим путем или способом, противоречащим публичному порядку страны. Интересно, что законодатель особо подчеркивает тесную взаимосвязь между получением арбитражного решения мошенническим путем и нарушением публичного порядка Великобритании, поскольку данные обстоятельства закреплены в одном пункте.

Целесообразно рассмотреть несколько интересных примеров из практики, когда арбитражные решения отменялись вследствие выявления судами серьезного нарушения. Так, Высокий суд Англии в деле «*Lavendar Shipmanagment Inc v. Ducat Maritime Ltd*»⁵ отменил арбитражное решение, вынесенное в соответствии с разд. 68(2) Акта об арбитраже, на основании серьезного нарушения, которое заключалось в том, что арбитр допустил грубую ошибку в бухгалтерском учете. Это, по мнению Высокого суда Англии, привело к существенной несправедливости, тем самым была нарушена обязанность третейского суда действовать справедливо и беспристрастно в соответствии со ст. 33 Акта об арбитраже.

В деле «*The Secretary of State for the Home Department v. Raytheon Systems Limited*»⁶ суд установил, что трибунал, который был сформирован для рассмотрения спора между сторонами, не дал какой-либо оценки характеру и серьезности невыполнения одной из сторон положений договора, т. е. не рассмотрел вопросы ответственности. Кроме того, расчет компенсации был осуществлен не в соответствии с методом,

¹ Judgment of the Court of Cassation, Case № 163, 25 May 1948.

² Крохалев С. В. Международный коммерческий арбитраж и публичный порядок. Краткий обзор французской доктрины и судебной практики // Вестник международного коммерческого арбитража. 2004. № 3. С. 88.

³ Arbitration Act. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/data.pdf> (дата обращения: 02.10.2024).

⁴ Васильев А. А. Международный коммерческий арбитраж в Англии // Евразийская интеграция: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Армавир, 9 января 2018 г. Армавир: Армавирский гос. пед. ун-т, 2018. С. 98.

⁵ Judgment of the High Court of Justice of England and Wales, *Lavender Shipmanagement Inc. v. Ducat Maritime Ltd*, Case № EWHC 766, 14 March 2022.

⁶ Judgment of the High Court of Justice of England and Wales, *Home Office of the United Kingdom v. Raytheon*, Case № EWHC 311, 17 February 2015.

согласованным сторонами, а оценка компенсации не должна была превышать сумму, которая могла бы быть взыскана, если бы соглашение было исполнено в соответствии с его условиями. Нерассмотрение этих вопросов было признано серьезным нарушением в соответствии со ст. 68 Акта об арбитраже.

В Великобритании сложилась противоположная французской практика относительно пересмотра арбитражных решений по существу. Так, в ст. 69 Акта об арбитраже указывается, что сторона арбитражного разбирательства может обжаловать решение арбитража в государственном суде по вопросам права. Сделать это можно только в том случае, если материальным правом, регулирующим спор, является английское право. При этом такая апелляция согласно п. 2 ст. 69 Акта об арбитраже может быть подана только в случае согласия всех других сторон третейского разбирательства либо с разрешения суда. Согласно п. 3 данной статьи суд, в свою очередь, может дать разрешение на подачу апелляции только при соблюдении следующих условий: во-первых, решение существенно затронет права одной или обеих сторон; во-вторых, третейскому суду было предложено принять решение по этому вопросу; в-третьих, на основе анализа фактических обстоятельств, изложенных в арбитражном решении, установлено, что решение трибунала явно неправильно, или этот вопрос имеет общественное значение, и решение третейского суда, по меньшей мере, вызывает серьезные сомнения; наконец, в-четвертых, несмотря на наличие соглашения сторон о разрешении спора в арбитраже, при любых обстоятельствах будет правильно и справедливо, если вопрос решит суд. В ходатайстве о выдаче разрешения на подачу апелляции необходимо указать правовой вопрос, подлежащий разрешению судом, а также основания, по которым должно быть предоставлено разрешение на подачу апелляции.

В деле «*Tricon Energy Ltd v. MTM Trading LLC*»¹ фрахтователи успешно обжаловали арбитражное решение в порядке ст. 69 Акта на том основании, что владельцы не представили все подтверждающие документы для предъявления требования о простое в течение 90-дневного срока по чартеру, а именно не были предъявлены копии коносаментов. Суд на основе толкования соответствующих положений договора постановил, что в тех случаях, когда коносаменты с подробным указанием количества партий товара были доступны и на них ссылались в чартере, они входили в число необходимых подтверждающих документов, которые должны были быть представлены вместе с требованием о простое, и их непредставление привело к задержке. Кроме того, суд постановил, что арбитраж пришел к неправомерному выводу о том, что срок исковой давности по иску был пропущен.

В решении по делу «*Alegrow SA v. Yayla Agro Gida San ve Nak AS*»² Высокий суд Англии постановил, что Апелляционный совет Ассоциации по торговле зерном и продуктами питания (GAFTA) допустил юридическую ошибку, когда указал, что истец расторг контракт, не предоставив график отгрузки, в то время как в действительности договорных обязательств по предоставлению такого графика у него не имелось. По этой причине суд передал решение Апелляционному совету GAFTA для рассмотрения встречного иска *Alegrow* и изменения решения.

Вместе с тем многие исследователи отмечают, что пересмотр арбитражного решения по существу противоречит самой природе арбитража и нормам международного права³. Ведь сама суть арбитража состоит в том, чтобы арбитражные решения являлись окончательными и не подлежали материальному контролю государственных судов. Кроме того, пересмотр арбитражного решения по существу означает, что страна-участница Нью-Йоркской конвенции уклоняется от принятых на себя обязательств, касающихся признания и приведения в исполнение арбитражных решений⁴.

¹ Judgment of the High Court of Justice of England and Wales, *Tricon Energy Ltd v. MTM Trading LLC*, Case № EWHC 700, 23 March 2020.

² Judgment of the High Court of Justice of England and Wales, *Alegrow SA v. Yayla Agro Gida San ve Nak AS*, Case № EWHC 1845, 10 July 2020.

³ Гольский Д. Г. Последствия отмены арбитражного решения в связи с его пересмотром по существу // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 152; Асосков А. В. Практика Президиума ВАС РФ: пример обоснованного применения оговорки о публичном порядке // Вестник международного коммерческого арбитража. 2006. № 1. С. 30; Redfern A., Hunter M. Law and Practice of International Commercial Arbitration. L.: Sweet & Maxwell, 2004. P. 326.

⁴ Гольский Д. Г. Указ. соч. С. 152.

В Сингапуре, как и в России, разделяются международный коммерческий арбитраж и арбитраж внутренних споров. При этом международный коммерческий арбитраж регулируется Законом о международном арбитраже от 25 ноября 1994 г.¹, а внутренний – Законом об арбитраже 2001 г. Оба закона основаны на Типовом законе ЮНСИТРАЛ, а значит, имеют много общего.

Законодательство Сингапура содержит дополнительные основания для отмены арбитражных решений по сравнению с международным регулированием. Так, в ст. 24 Закона о международном коммерческом арбитраже, помимо оснований для отмены, которые предусмотрены в ст. 34 (1) Типового закона ЮНСИТРАЛ, содержатся также два дополнительных: влияние любого мошеннического или иного коррупционного действия на вынесение арбитражного решения, а также нарушение принципа естественной справедливости.

Как можно заметить, законодательство Сингапура содержит такое дополнительное основание для отмены арбитражных решений, как нарушение принципа естественной справедливости. Однако анализ судебной практики показывает, что суды Сингапура занимают проарбитражную позицию, отменяя арбитражные решения лишь в исключительных случаях и не толкуя установленные в законодательстве основания для отмены расширительно.

Конкретный перечень нарушений принципа естественной справедливости в Законе о международном арбитраже Сингапура не закреплен. В связи с этим судебная практика выработала собственный подход к определению того, что же считается нарушением данного принципа. Так, Апелляционный суд Сингапура в решении по делу «*BRS v. BRQ*»² указал, что сторона, которая стремится отменить решение третейского суда как противоречащее естественной справедливости, должна продемонстрировать суду следующее: во-первых, конкретное правило естественной справедливости, которое было нарушено; во-вторых, каким образом это правило было нарушено; в-третьих, каким образом нарушение было связано с принятием арбитражного решения; наконец, каким образом нарушение нанесло ущерб правам стороны. В указанном же деле Апелляционный суд отменил арбитражное решение на том основании, что третейский суд был неспособен рассмотреть доказательства и доводы сторон, что само по себе нарушает принцип естественной справедливости.

Данный принцип будет нарушен также в том случае, если третейский суд не проанализирует в арбитражном решении важный вопрос, который был предметом разбирательства, что было подчеркнуто в деле «*Front Row Investment Holdings (Singapore) Pte Ltd v. Daimler South East Asia Pte Ltd*»³. Однако простого отсутствия достаточных оснований для тех или иных выводов в решении арбитража недостаточно для того, чтобы его отменить. Заявитель должен доказать, что трибунал даже не пытался понять существенные вопросы арбитража, чтобы обосновать отмену со ссылкой на нарушение естественной справедливости.

В решении по делу «*L W Infrastructure Pte Ltd v. Lim Chin San Contractors Pte Ltd and another appeal*»⁴ Апелляционный суд Сингапура рассуждал на тему того, что именно принцип естественной справедливости требует от арбитра и какого стандарта доказывания нарушения этого принципа должна придерживаться сторона, чтобы получить какое-либо возмещение, даже если предположить, что она может доказать, что арбитр не придерживался данного принципа. В этом деле арбитр вынес дополнительное решение касательно выплаты ответчику дополнительной суммы в качестве процентов до присуждения. Однако до принятия дополнительного решения арбитр не дал истцу возможности представить свою позицию и аргументы по вопросу о процентах. Апелляционный суд Сингапура указал, что предметом разбирательства здесь стало разрешение вопроса о том, являлось ли нарушение принципа естественной справедливости чисто техническим и несущественным или же в результате его нару-

¹ International Arbitration Act. URL: <https://www.uv.es/medarb/observatorio/leyes-arbitraje/asia/singapore-international-arbitration-act.pdf> (дата обращения: 02.10.2024).

² Judgment of the Singapore Court of Appeal, *BRS v. BRQ*, Case № SGCA 108, 29 October 2020.

³ Judgment of the Singapore High Court, *Front Row Investment Holdings (Singapore) Pte Ltd v. Daimler South East Asia Pte Ltd*, Case № SGHC 80, 15 March 2010.

⁴ Judgment of the Singapore Court of Appeal, *L W Infrastructure Pte Ltd v. Lim Chin San Contractors Pte Ltd and another appeal*, Case № SGCA 57, 18 October 2012.

шения арбитр лишил себя возможности рассмотреть аргументы или доказательства, которые имели реальный, а не гипотетический шанс повлиять на его выводы. Значит, вопрос заключается в том, могли ли представленные истцом материалы повлиять на решение арбитра, а не в том, обязательно ли они повлияли бы на него. В итоге суд пришел к выводу, что дополнительное решение арбитра должно быть отменено.

Таким образом, Сингапур, как и Великобритания, вводит дополнительные по сравнению с Нью-Йоркской конвенцией основания для отмены арбитражных решений. Вместе с тем суды Сингапура достаточно ограничительно толкуют данные основания и не препятствуют дальнейшему развитию арбитража в Сингапуре, что положительно сказывается на имидже Сингапура как проарбитражной юрисдикции. Суды Сингапура, несмотря на наличие возможности пересмотра решений по существу, устанавливают крайне высокий стандарт доказывания для сторон по вопросам нарушения принципа естественной справедливости и противоречия арбитражных решений публичному порядку.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что, несмотря на многие общие черты, каждая юрисдикция самостоятельно дополняет либо же сужает тот перечень оснований для отмены арбитражных решений, который установлен Типовым законом ЮНСИТРАЛ, либо же дает собственное толкование оснований. Так, Россия перенимает те основания, которые закреплены в международно-правовом регулировании, Великобритания и Сингапур предусматривают расширенный перечень, а Франция, напротив, более ограниченный. При этом судебная практика показывает, что государства стремятся к активному развитию третейского разбирательства и вмешиваются лишь в исключительных случаях.

Список литературы

Асосков А. В. Практика Президиума ВАС РФ: пример обоснованного применения оговорки о публичном порядке // Вестник международного коммерческого арбитража. 2006. № 1. С. 24–33.

Борн Г. Б. Международный арбитраж: право и практика / пер. с англ., под ред. Н. А. Бабаджаняна. М.: Рос. ин-т современного арбитража, 2020. 928 с.

Васильев А. А. Международный коммерческий арбитраж в Англии // Евразийская интеграция: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Армавир, 9 января 2018 г. Армавир: Армавирский гос. пед. ун-т, 2018. С. 92–100.

Гольский Д. Г. Последствия отмены арбитражного решения в связи с его пересмотром по существу // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 128–153.

Жильцов А. Н. Оспаривание решений международных коммерческих арбитражей в соответствии с российским законодательством // Вестник международного коммерческого арбитража. 2005. № 1. С. 4–23.

Крохалев С. В. Международный коммерческий арбитраж и публичный порядок. Краткий обзор французской доктрины и судебной практики // Вестник международного коммерческого арбитража. 2004. № 3. С. 80–105.

Полссон Я. Идея арбитража / пер. с англ., под ред. Н. А. Бабаджаняна. М.: Рос. ин-т современного арбитража, 2021. 528 с.

Berg A. J. The New York Arbitration Convention of 1958: towards a uniform judicial interpretation. Deventer: Kluwer Law and Taxation, 1981. 466 p.

Gharavi H., Liebscher C. The International Effectiveness of the Annulment of an Arbitral Award. The Hague; N. Y.: Kluwer Law International, 2002. 204 p.

Kühner D. Annulment and enforcement of arbitral awards in France // Annulment and enforcement of arbitral awards from a comparative law perspective: contributions from CEPANI40 colloquium held on October 18, 2018. P. 33–50.

Redfern A., Hunter M. Law and Practice of International Commercial Arbitration. L.: Sweet & Maxwell, 2004. 659 p.

References

Asoskov A. V. (2006) Praktika Prezidiuma VAS RF: primer obosnovannogo primeneniya ogovorki o publicnom poryadke [The practice of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: an example of the justified application of a public policy clause]. In *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, no. 1, pp. 24–33.

Berg A. J. (1981) *The New York Arbitration Convention of 1958: towards a uniform judicial interpretation*. Deventer, Kluwer Law and Taxation, 466 p.

Born G. B. (2020) *Mezhdunarodnyi arbitrazh: pravo i praktika* [International arbitration: law and practice], transl. from English, ed. by N. A. Babadzhanyan. Moscow, Rossiiskii institut sovremennogo arbitrazha, 928 p.

Gharavi H., Liebscher C. (2002) *The International Effectiveness of the Annulment of an Arbitral Award*. The Hague, New York, Kluwer Law International, 204 p.

Gol'skii D. G. (2018) Posledstviya otmeny arbitrazhnogo resheniya v svyazi s ego peresmotrom po sushchestvu [Consequences of the cancellation of the arbitral award in connection with its revision on the merits]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 6, pp. 128–153.

Krokhalev S. V. (2004) Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh i publichnyi poryadok. Kratkii obzor frantsuzskoi doktriny i sudebnoi praktiki [International commercial arbitration and public policy. A brief overview of French doctrine and judicial practice]. In *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, no. 3, pp. 80–105.

Kühner D. (2018) Annulment and enforcement of arbitral awards in France. In *Annulment and enforcement of arbitral awards from a comparative law perspective: contributions from CEPANI40 colloquium held on October 18*, pp. 33–50.

Polsson Ya. (2021) *Ideya arbitrazha* [The idea of arbitration], transl. from English, ed. by N. A. Babadzhanyan. Moscow, Rossiiskii institut sovremennogo arbitrazha, 528 p.

Redfern A., Hunter M. (2004) *Law and Practice of International Commercial Arbitration*. London, Sweet & Maxwell, 659 p.

Vasil'ev A. A. (2018) Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh v Anglii [International Commercial Arbitration in England]. In *Evraziiskaya integratsiya: conference papers*. Armavir, Armavirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 92–100.

Zhil'tsov A. N. (2005) Osparivanie reshenii mezhdunarodnykh kommercheskikh arbitrazhei v sootvetstvi s rossiiskim zakonodatel'stvom [Challenging international commercial arbitration decisions in accordance with Russian law]. In *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, no. 1, pp. 4–23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_85

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ И ТЕНДЕНЦИИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В ФОКУСЕ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА¹

Безбородов Юрий Сергеевич

Доктор юридических наук, доцент, заведующий Лабораторией международно-правовой интеграции Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-5782-417X, e-mail: yury.bezborodov@usla.ru.

Лунев Андрей Алексеевич

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0001-8714-5146, e-mail: a.a.lunyov@usla.ru.

Авдеева Ольга Алексеевна

Младший научный сотрудник Лаборатории международно-правовой интеграции, аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-3794-086X, e-mail: o.a.avdeeva1@usla.ru.

Для цитирования: Безбородов Ю. С., Лунев А. А., Авдеева О. А. Евразийский регионализм и тенденции многополярности в фокусе уральской школы международного права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 85–88. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_85.

EURASIAN REGIONALISM AND MULTIPOLARITY TRENDS IN THE FOCUS OF THE URAL SCHOOL OF INTERNATIONAL LAW²

Bezborodov Yury

Doctor of legal sciences, associate professor, head of the Laboratory of International Legal Integration, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-5782-417X, e-mail: yury.bezborodov@usla.ru.

Lunev Andrei

Candidate of legal sciences, senior lecturer, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0001-8714-5146, e-mail: a.a.lunyov@usla.ru.

Avdeeva Olga

Junior researcher, post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-3794-086X, e-mail: o.a.avdeeva1@usla.ru.

For citation: Bezborodov Yu., Lunev A., Avdeeva O. (2025) Eurasian regionalism and multipolarity trends in the focus of the Ural school of international law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 85–88, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_85.

17–18 апреля 2025 г. кафедра международного права Уральского государственного университета имени В. Ф. Яковлева провела уже традиционное научное и просветительское мероприятие «Дни международного права», посвященное в этом году проблемам регионализации и евразийскому регионализму в теории и практике международного права. Идеями евразийства, его философско-историческими, институцио-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00797, <https://rscf.ru/project/25-28-00797/>.

² The research was supported by Russian Science Foundation (Project № 25-28-00797), URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00797/>.

нальными основами традиционно интересуются политологи, историки, философы, но не юристы-международники. Изыскания, направленные на изучение правовых форм сотрудничества государств в рамках евразийского регионализма, демонстрируют высокую степень актуальности и востребованности, особенно в части обоснования особой роли Российской Федерации в построении многополярной системы международных отношений.

В настоящее время евразийский регион с уже функционирующими блоками (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и пр.) объединяет государства с разной историей, цивилизационным укладом, культурой, политическими системами, уровнем экономического развития и влияния в мире и остается достаточно сложным для анализа и типологизации в силу разных причин. Однако уже сейчас очевидно, что обстоятельства требуют выработки новых правил, правовых прежде всего, для развития и обеспечения стабильности, в том числе для избежания проблемы региональной гегемонии. Евразийские идеи в правовом ключе подчинены общим задачам универсальности, выражающим интересы международного сообщества. Все эти обстоятельства диктуют необходимость обновления евразийской политики России, и этот процесс должен проистекать из международно-правового русла и вестись с использованием доктринальных и экспертных наработок. У Российской Федерации как ключевого актора есть все необходимые средства для усиления доверия к ней в регионе и восстановления трансграничной взаимосвязанности – через международные институты, самую совершенную сегодня форму взаимодействия государств.

Евразийский регион – это в большей степени географическая концепция, поэтому в науке не возникает особых трудностей с определением его границ, как в случае с постсоветским регионом, первичная характеристика которого – геополитическая. Одни государства стремятся к евразийской интеграции и видят свое будущее в сотрудничестве с Российской Федерацией, другие тяготеют к Западу, у третьих внешнеполитические ориентиры весьма размыты: в разные периоды своей истории они считали партнерами и США со странами Запада, и Россию, и Китай. В любом случае потребность в сотрудничестве в этом регионе очевидна, и проявляется она в договорной активности и создании межправительственных блоков. При этом особенностью взаимодействия государств на евразийском пространстве можно назвать то обстоятельство, что такое сотрудничество, в том числе в рамках интеграционных блоков, во многом осуществляется по принципу ситуативного регулирования. Действительно, основной особенностью правовой интеграции в Большой Евразии выступает то, что этот процесс проходит в большей степени в институциональных формах, нежели в нормативных¹.

В ходе «Дней международного права» основной акцент на проблемах регионального сотрудничества государств был сделан в рамках X Ежегодной международной конференции памяти Г. В. Игнатенко «Евразийский регионализм в международном праве: сценарии многополярности и роль Российской Федерации», которая была открыта приветственным словом Л. А. Лазутина, заслуженного юриста РФ, заведующего кафедрой международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, доктора юридических наук.

Дискуссия о проблемах евразийского регионализма началась докладом «Правый поворот в международной политике и евразийская интеграция», подготовленным А. С. Исполиновым, доктором юридических наук, профессором Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития России. Автор отметил усиление тенденции к многополярности в международных отношениях и особую роль Российской Федерации в меняющемся мире. В докладе были затронуты как перспективные направления сотрудничества государств в евразийском регионе, так и факторы, препятствующие ему. Докладчик проанализировал трансформации в современной международной политике, акцентируя внимание на «правом повороте» и евразийской интеграции. Он отметил рост приоритета национальных интересов над «амбициями интеграционных объединений», что проявляется в ослаблении влияния международных институтов, таких как ВТО и Международный уголовный суд,

¹ Безбородов Ю. С., Пономоренко В. Е. Есть ли шанс у валютной интеграции в ЕАЭС // Банковское право. 2025. № 2. С. 43–54. DOI: 10.18572/1812-3945-2025-2-43-54.

используемых, по его мнению, как инструменты политической борьбы. А. С. Исполинов подчеркнул наличие неопределенности в международном праве, связывая ее с действиями отдельных государств, например требованиями президента США к Гренландии и Панаме, а также с ситуацией вокруг бывшего президента Филиппин Дутерте. Критикуя иллюзорность универсальных ценностей, он прогнозирует дальнейший отказ от глобализационных проектов в пользу ситуативных союзов и прагматизма. В контексте евразийской интеграции эксперт скептически оценил перспективы развития наднациональных судебных органов, отметив, что углубление сотрудничества будет зависеть от потребностей государств-участников. Доклад завершился живой дискуссией о наблюдаемом «сломе» правовых конструкций, которые существовали достаточно долго, на протяжении нескольких поколений, и переходе к «новой нормальности», где гибкость и адаптация к динамичным изменениям становятся ключевыми элементами дальнейшего развития международного права.

В более практической плоскости дискуссию продолжил И. В. Рачков, кандидат юридических наук, LL.M., член Королевского института арбитров, адвокат, долгое время специализирующийся на практике международных экономических отношений. В докладе «Ущерб и его компенсация в международном инвестиционном арбитраже» Илья Витальевич затронул проблемы, с которыми сталкиваются государства евразийского региона в регулировании инвестиционных отношений, в особенности на примере государств Средней Азии. Он отметил, что наибольшее количество исков было подано против Казахстана (31) и Кыргызстана (27), тогда как Таджикистан, несмотря на минимальное число споров (2), добился их завершения в свою пользу. Сравнивая данные региона с мировой статистикой, докладчик подчеркнул, что страны Средней Азии демонстрируют более высокие показатели завершенных дел (71–100 %) и реже сталкиваются с решениями в пользу инвесторов (0–27 %), что свидетельствует об эффективной защите их интересов. Как известно, универсальные и региональные международно-правовые регуляторы зачастую входят в противоречие в этих вопросах, а потому поиск оптимальных решений в сложных коллизионных ситуациях – вызов для государств. И. В. Рачков обратил внимание на определенный алгоритм, используемый государствами при разрешении споров, включающий, во-первых, применение мер досудебного урегулирования, во-вторых, оспаривание юрисдикции состава арбитража или приемлемости иска, и, наконец, активную позицию в защите интересов государства на этапе рассмотрения дел по существу. В заключение автор указал на устойчивость подходов среднеазиатских государств к международному инвестиционному арбитражу и их сдержанное отношение к реформам существующей системы.

Логичным продолжением дискуссии стал доклад «Практика Суда Евразийского экономического союза: между универсальными международными и национально-правовыми подходами», подготовленный П. П. Мысливским, кандидатом юридических наук, преподавателем кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, советником судьи Суда Евразийского экономического союза от Российской Федерации. В своем выступлении автор рассмотрел ключевые вызовы в практике Суда ЕАЭС, отметив его активную роль в формировании правовых позиций по различным направлениям евразийской интеграции, от вопросов вторичных санкций до вопросов ветеринарной сертификации, решения по которым влияют на нормотворчество и защиту прав участников экономических отношений. Докладчик указал на наличие проблемы статичности права ЕАЭС: значительная часть вопросов остается в сфере национального регулирования, что ограничивает возможности суда и замедляет процесс интеграции. П. П. Мысливский подчеркнул, что во избежание противоречий между национальным и наднациональным правом видится необходимость поэтапного перехода на уровень ЕАЭС регулирования определенных ключевых сфер взаимодействия. Он также выделил пробелы в механизмах реализации решений Суда, включая отсутствие процедур пересмотра дел по новым обстоятельствам. В заключение автор призвал к формированию единой, согласованной и структурированной политики государств ЕАЭС в пользу постепенной передачи отдельных вопросов на наднациональный уровень.

Активную позицию в дискуссии занял М. А. Лихачев, размышлявший о потенциале расширения правозащитного направления в деятельности Суда ЕАЭС. По результатам рассуждений участники пришли к выводу, что элементы защиты прав уже при-

сутствуют в процессуальных аспектах дел, однако масштабное внедрение правозащитной повестки маловероятно.

Завершающим стал совместный доклад Советника Секретариата Суда ЕАЭС, кандидата юридических наук Е. С. Орловой и старшего преподавателя кафедры международного права, кандидата юридических наук А. А. Лунева на тему защиты прав человека в условиях евразийской интеграции. Е. С. Орлова рассказала о том, как Суд ЕАЭС затрагивает вопросы защиты прав человека при рассмотрении в рамках своей компетенции дел, охватывающих вопросы защиты конкуренции на трансграничных рынках, трудовых отношений в ЕАЭС и др. А. А. Лунев акцентировал внимание на процессе формирования правозащитного механизма в рамках другой евразийской структуры – Содружества Независимых Государств. С момента основания СНГ в архитектуре этой организации предусматривалось сотрудничество в сфере защиты прав человека. Однако в последующие годы, в связи с присоединением ряда государств-участников СНГ к Совету Европы, развитие собственного правозащитного механизма утратило актуальность. Лишь спустя три десятилетия была «реанимирована» Комиссия СНГ по правам человека. Докладчики критически оценили ее потенциал, обозначив ключевые функции Комиссии и отметив, что в текущих условиях именно договорные органы ООН по правам человека продолжают играть ведущую роль в обеспечении международной правовой защиты россиян.

Дискуссия, модератором которой выступил профессор кафедры международного права УрГЮУ Ю. С. Безбородов, посвященная в большей степени институциональным основам сотрудничества государств в евразийском регионе, прошла более чем продуктивно: докладчики и аудитория обменялись вопросами и идеями, обогатили научное пространство и заложили фундамент для дальнейших исследований евразийского регионализма и его международно-правовых основ и характеристик.

Список литературы

Безбородов Ю. С., Понаморенко В. Е. Есть ли шанс у валютной интеграции в ЕАЭС // Банковское право. 2025. № 2. С. 43–54. DOI: 10.18572/1812-3945-2025-2-43-54.

References

Bezborodov Yu. S., Ponamorenko V. E. (2025) Est' li shans u valyutnoi integratsii v EAES [Is there a chance for monetary integration into the EAEU]. In *Bankovskoe pravo*, no. 2, pp. 43–54, DOI: 10.18572/1812-3945-2025-2-43-54.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2025
Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025

Редактор О. Ю. Петрова
Дизайн обложки С. Е. Шеметова
Компьютерная верстка О. Ю. Петровой

Подписано к использованию 03.06.25.
Уч.-изд. л. 8,60. Объем 1,90 МВ

Маркировке не подлежит согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11 ФЗ от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают
с точкой зрения редакции

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию и статьи направляйте по адресу:
620137 Екатеринбург ул. Комсомольская д. 21, УрГЮУ
Редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.